Николай Волковский

111 баек для журналистов

ПИТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В изящной занимательной форме изложены ключевые вопросы журналистики. Описаны сто одиннадцать ситуаций (мифы, притчи, были и т. д.). К каждой ситуации дан соответствующий комментарий в виде краткого психологического анализа, а также указана область применения.

Книга предназначена для профессиональных журналистов, а также студентов вузовских факультетов соответствующего профиля.

- Николай Волковский
  -
  - Предисловие
  - Каталог баек
    - № 1. Байка «Урок мастера»
    - № 2. Байка «Газета “Накануне” как секретная операция»
    - № 3. Байка «1950-е годы: что могло последовать за обнаружением ошибки…»
    - № 4. Байка «Тайная деятельность Даниэля Дефо»
    - № 5. Байка «Книжные торгаши покупают ученый товар…»
    - № 6. Байка «…Не могу сладить с отставным армейским поручиком!»
    - № 7. Байка «Не имеем права вредить другому человеку»
    - № 8. Байка «В руках СМИ – жизнь и смерть человеческая!»
    - № 9. Байка «Заочное интервью»
    - № 10. Байка «Репортер никогда не принадлежит себе…»
    - № 11. Байка «Диссертация М. В. Ломоносова о должности журналистов»
    - № 12. Байка «А так ли все было?..»
    - № 13. Байка «Идти к своему герою с мыслью и за мыслью»
    - № 14. Байка «Подростки подражают старшим»
    - № 15. Байка «“Ляп” журналиста»
    - № 16. Байка «“Распластать” Амальрика»
    - № 17. Байка «Негласная функция»
    - № 18. Байка «Каков он, труд журналиста?»
    - № 19. Байка «Журналистика в наше время –

все…»
- № 20. Байка «Я – корреспондент и горжусь этим званием»
- № 21. Байка «…Не называйтесь корреспондентом!»
- № 22. Байка «Срезать слабые побеги»
- № 23. Байка «Как иногда упускаются важные для журналистики факты»
- № 24. Байка «Знать предмет, о котором пишешь»
- № 25. Байка «Опасно быть журналистом»
- № 26. Байка «Случай на экзамене»
- № 27. Байка «Журналист – член экипажа»
- № 28. Байка «Отступила от текста, ранее согласованного…»
- № 29. Байка «Псевдоним-фамилия»
- № 30. Байка «Наблюдал за конференцией… из-под стола»
- № 31. Байка «Изобретательность в получении информации»
- № 32. Байка «Вы – первый журналист, который написал про меня бесплатно»
- № 33. Байка «…Не хотел вас подводить»
- № 34. Байка «Токийская Роза»
- № 35. Байка «Бродят здесь корреспонденты…»
- № 36. Байка «Таинственный “Correspodence Russe”»
- № 37. Байка «Репортажи, способствовавшие отставке правительства»
- № 38. Байка «Тема коррупции в России»
- № 39. Байка «А. С. Пушкин – военный корреспондент?»
- № 40. Байка «Афиши московского генерал-губернатора»
- № 41. Байка «Журнал стоит кафедры»
- № 42. Байка «Функционируют под различными значениями»
- № 43. Байка «Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем стотысячная армия»
- № 44. Байка «Подвиг филантропа-издателя»
- № 45. Байка «Одиннадцатый вариант»
- № 46. Байка «Общественная деятельность и беспристрастие журналиста»
- № 47. Байка «Стереотипное представление»
- № 48. Байка «СМИ как источник

или ретранслятор знаний (или не знаний)»
- № 49. Байка «В осажденном Ленинграде»
- № 50. Байка «…Считаем свою профессию ремеслом, а она ведь должна быть искусством»
- № 51. Байка «…Она будет писать только очерки»
- № 52. Байка «Газетные штампы в арсенале журналиста»
- № 53. Байка «Ответственность журналиста за все сообщенное»
- № 54. Байка «Жест как проявление непрофессионализма»
- № 55. Байка «Плагиат или свойства памяти?»
- № 56. Байка «Нельзя нагонять страх на людей и пугать их!»
- № 57. Байка «Как из позитивной информации получается ужастик»
- № 58. Байка «Вам объявлена благодарность за тщательную проверку фактов»
- № 59. Байка «СМИ и формирование ценностной ориентации личности»
- № 60. Байка «Журналист и военная тайна»
- № 61. Байка «Впечатляющие сценарии конца света»
- № 62. Байка «Зловещее пророчество И. Эренбурга»
- № 63. Байка «Рождение замысла репортажа “Самолет ищет бурю”»
- № 64. Байка «Разгребатели грязи»
- № 65. Байка «Фотография погибающей девочки»
- № 66. Байка «Скопированное преступление»
- № 67. Байка «Руки тянутся к автомату»
- № 68. Байка «Что такое хорошо и что такое плохо?»
- № 69. Байка «Некролог о живом человеке»
- № 70. Байка «Первая женщина – военный корреспондент»
- № 71. Байка «Читатель не доверяет фальши»
- № 72. Байка «Он писал ровно столько, сколько требовала тема…»
- № 73. Байка «Поющий критик»
- № 74. Байка «Обитатели зоосада на свободе…»
- № 75. Байка «…Имели все основания для испуга»
- № 76. Байка «Великая лунная мистификация

1835 года»
- № 77. Байка «Патриотизм и финансовые интересы прессы»
- № 78. Байка «В сегодняшнем номере… нет ни одной не оплаченной строки!»
- № 79. Байка «Добродетель, оплаченная наличными»
- № 80. Байка «Хотят, чтобы их пугали»
- № 81. Байка «Оперативность превыше всего»
- № 82. Байка «Истина в пиве»
- № 83. Байка «Метод “холодные уши”»
- № 84. Байка «Опущенное слово»
- № 85. Байка «Вредная профессия»
- № 86. Байка «Читатель – взыскательный друг»
- № 87. Байка «Слово о подразделении Игореве»
- № 88. Байка «Штамп – барьер в восприятии информации»
- № 89. Байка «Политические опечатки»
- № 90. Байка «Диктор, голос которого был равносилен целой дивизии»
- № 91. Байка «Запутать слушателя в сетях противоречий»
- № 92. Байка «Когда фотография не факт, а мнение»
- № 93. Байка «Все началось с призыва за “благопристойное” празднование…»
- № 94. Байка «Старая журналистика»
- № 95. Байка «Прежде всего нужны таланты…»
- № 96. Байка «…Вот что такое газета»
- № 97. Байка «Литература для народа»
- № 98. Байка «Три кита Ивана Сытина»
- № 99. Байка «Сколько вы за месяц разоблачили врагов народа?»
- № 100. Байка «Не созрел ты для партийной газеты…»
- № 101. Байка «Публикабельный новорожденный»
- № 102. Байка «Факты из прошлой жизни героев»
- № 103. Байка «…Вы обнажили свою, совсем не грациозную, ногу выше колена»
- № 104. Байка «Фирма переехала»
- № 105. Байка «Зайцы-мутанты в Санкт-Петербурге»
- № 106. Байка «На войне театрализованность

не допустима»
- № 107. Байка «…Речевые портреты людей сохраняются в моих записных книжках»
- № 108. Байка «Компетентность журналиста»
- № 109. Байка «Опасный сюжет»
- № 110. Байка «Так называемое “завещание” Петра Великого»
- № 111. Байка «Корреспондент Екатерины II»

Список литературы

notes

1

Николай Волковский
111 баек для журналистов

© ООО Издательство «Питер», 2014

* * *

Предисловие

Основой этой книги являются журналистские байки, которыми автор иллюстрирует ситуации, обсуждаемые на его лекциях на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Вообще что такое «байки»? Словари русского языка трактуют их как «короткие занимательные рассказы». В данном случае – из истории и современной жизни прессы. Это позволяет не только понять эволюцию журналистской профессии, проблемы творчества и технологии выпуска изданий, но часто дает неоценимый практический опыт. Основное внимание в байках уделено психологическим аспектам. Ведь работа журналиста требует от человека высокой степени рефлексии: самоанализа собственного психического состояния, критической оценки мыслительного процесса, отражения личности.

Многие короткие истории взяты из жизни известных журналистов – В. Немировича-Данченко, В. Короленко, В. Дорошевича, К. Симонова, Т. Тэсс, А. Аджубея, Я. Голованова, братьев Анатолия и Валерия Аграновских и многих других. Они раскрывают профессиональные и психологические моменты деятельности мастеров пера. Некоторые байки отражают современные феномены СМИ. Их оценка и научный комментарий имеют большое практическое значение. Речь идет о таких вопросах, как освещение в прессе экстремальных ситуаций, ее влияние на эмоциональное состояние аудитории, формирование общественного мнения и т. п. Кроме того, в байках и комментариях к ним дан портрет потребителей информации, показано, что влияет на стратегию выбора конкретных передач, а также результат и эффект от их просмотра.

Книга будет интересна и полезна работникам СМИ и тем, кто профессионально изучает проблемы средств массовой информации и коммуникаций.

Каталог баек

№ 1. Байка «Урок мастера»

Анатолий Абрамович Аграновский часто вспоминал урок, который ему в годы молодости преподал писатель Александр Альфредович Бек.

Александр Альфредович – великолепный собеседник и профессионал. Вместе с ним я однажды попал в гости к известному авиаконструктору. Он принял нас в своем кабинете, одетый в генеральский мундир и при своем же мраморном бюсте. Признаюсь, я оробел. А Бек буквально в течение трех минут заставил конструктора стать самим собой. Он спросил, кивая на бюст:

– Кто вас делал? Виленский?

(Потом я узнал: Бек заранее узнал, что в кабинете есть бюст, и выяснил имя его автора.)

Конструктор подтвердил. Бек посмотрел на него и перевел взгляд на бюст, сравнивая оригинал с копией. Наконец сказал:

– Это ведь было трудно… Соединить высокий интеллектуальный лоб с простонародной курносостью и безвольным подбородком. В общем, получилось.

После этих слов конструктор мгновенно превратился из генерала в обычного человека, который запросто говорил с нами о жизни.

Мораль. Опытные журналисты умеют приспосабливаться к особенностям своих собеседников. Их молодым коллегами полезно перенимать такое мастерство.

Комментарий. Каждое интервью – уникальный, не имеющий аналогов акт коммуникации, а каждый собеседник – индивидуальность, требующая оригинального контекста разговора и своих, неповторимых «ключиков» и подходов.

Диапазон применения байки. При изучении психологии интервью со знаменитостями.

№ 2. Байка «Газета “Накануне” как секретная операция»

В начале 1920-х годов с приходом новой экономической политики возникло сменовеховство – общественно-политическое движение интеллигенции (главным образом эмигрантской). Свое имя оно получило от названия собственного печатного органа – журнала «Смена вех», который издавался в Париже в 1921–1922 годах. Идеологи сменовеховства (Н. В. Устрялов и другие) надеялись на возврат к капитализму и перерождение советской власти, призывали интеллигенцию объединиться с новой буржуазией и сотрудничать с Советами. Для большевиков сменовеховцы были инакомыслящими, а значит – врагами. Ленин говорил: «Пусть они вместо открытой враждебной работы занимаются самоублажением и строят иллюзии. Нам это выгодно». Сталин так комментировал утверждение Устрялова о неизбежной эволюции большевизма: «…Пусть знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу».

Постепенно советская власть начала тайно финансировать сменовеховство, в открытых выступлениях продолжая его критиковать и стремясь нацелить на поддержку внешней и внутренней политики новой России. Была принята целая программа, даже решили выделить средства на организацию якобы независимой сменовеховской газеты «Накануне». Ее первый номер увидел свет в Берлине 26 марта 1922 года. В это время шла подготовка к Генуэзской конференции. По замыслу организаторов газете предстояло воздействовать на общественное мнение как бы от имени российской эмиграции, поддерживающей позицию советской делегации. Уже в первом номере в передовице прозвучало: «Мы *накануне* дня всеобщего примирения» – отсюда и название газеты. «Накануне» выступала за признание Советской России и ее равноправие в международных отношениях, за развитие экономического сотрудничества и торговых связей. К работе привлекли известных в эмигрантской среде ученых и публицистов.

В газете из номера в номер печатались статьи типа «Перед Генуей», «Накануне Генуи», а затем «Дневник Генуэзской конференции». Информация о международной жизни в ней преобладала. И все – в благожелательном для советского государства тоне: поддерживались дипломатические шаги российского руководства, осуждались проявления враждебности

со стороны политических деятелей западных стран и т. п. Постоянной темой «Накануне» являлась жизнь белой эмиграции и полемика с ее прессой. Газета показывала изолированность и бесперспективность эмиграции, постоянные раздоры внутри нее и утверждала, что сообщения из России в эмигрантской печати неточны и тенденциозны; перепечатывались опровержения из советских газет. И конечно, призывала «сменить вехи», сотрудничать с новой властью, вернуться на родину. Зарубежному читателю были адресованы сообщения о жизни страны, в которых говорилось о последствиях войны – разрухе и голоде. При этом упор делался на восстановление хозяйства и новые возможности для специалистов. В целом, несмотря на отдельные выступления либерального характера, газета занимала явно просоветские позиции, что неудивительно для СМИ, работавшего под контролем берлинского полпредства и Москвы. Понятно, что авторитетом за рубежом газета не пользовалась. Эмигранты открыто называли ее «предательской», «изменнической» и т. д.

Несмотря на коммерческую деятельность – на базе газеты зарегистрировали АО «Накануне», которое выпускало брошюры и книги, имело типографию, отделы кино и рекламы, – доходы общества лишь частично покрывали «неизбежный дефицит». Фактически газета находилась на содержании у Советов: в марте 1922 года Политбюро выделило на ее издание 1 млн германских марок; в июне того же года – еще 1 млн; в мае 1923 года ассигновали $5000; 24 января 1924 года – уже $15 000; 14 февраля того же года – $10 000; 6 марта 1924 года – целых $27 500. А в стране тогда свирепствовал голод и советская печать была на грани кризиса.

Последний номер «Накануне» вышел 15 июня 1924 года.

Мораль. В зависимости от идеологических позиций, историю газеты «Накануне» оценивают по-разному: как политическую интригу, провокацию и эффективную информационно-психологическую операцию, направленную на формирование общественного мнения в поддержку Советов в преддверии Генуэзской конференции.

Комментарий. Подшивки газеты «Накануне» долгое время лежали в спецхранах библиотек, а архивные документы были засекречены. Но газета упоминалась:

• в работе С. А. Федюкина «Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу» (М., 1877);

• в книге А. В. Блюма «За кулисами «министерства правды»» (СПб., 1994);

• в воспоминаниях бывшего сотрудника московского отделения газеты Эмилия Миндлина «Необыкновенные

собеседники» (М., 1968);

• в записках других журналистов.

Первое исследование по материалам рассекреченных архивов ЦК КПСС о газете «Накануне» осуществил профессор СПбГУ В. Н. Козлов. Оно было опубликовано в № 5 журнала «Звезда» за 1997 год.

Диапазон применения байки. При обсуждении исторических аспектов теории и практики информационно-психологического воздействия, проблем истории СМИ.

№ 3. Байка «1950-е годы: что могло последовать за обнаружением ошибки…»

Из воспоминаний журналиста А. И. Волкова (Опасная профессия. – М., 2003) о дежурстве в редакции и выпуске номера областной газеты в начале 1950-х:

«…Сто раз останавливается глаз на фамилии вождя не только в заголовках, но и в тексте. В сто первый дежурного прошибает пот. Напечатано: "истерическая речь товарища И. В. Сталина". Ясно, что ошибка всего в одной букве – "е" вместо "о"… Не нужно было долго думать, что последует за такой ошибочкой. Для забывших все это или по молодости не знающих скажу: снятие с работы, исключение из партии и арест, как минимум, ответственного редактора газеты; скорее всего, и его замов, всех дежурных, уж точно – корректоров, линотиписта и Бог знает кого еще. Редакция будет просто разгромлена. Это же не ошибка, а чья-то враждебная вылазка и попустительство, а то и заговор. Заговоры же любили больше всего.

Что делать дежурному? Указать на ошибку и поправить? Ну, нет! Все тут же станет известно "органам", и никто никого, даже бдительного дежурного, уже не спасет. Решение есть только одно, и оно срочно принимается. Вызван из типографии выпускающий, ему – указание без особых объяснений: перебрать подвальную статью заново и целиком (для маскировки совсем в других местах сделано несколько исправлений). Отлитые стереотипы предлагается разбить, матрицы уничтожить, а отпечатанную часть тиража – пока, слава Богу, небольшую – под нож.

Скандал: газета запаздывает, пойдет в рассыл не по графику, рабочие лишатся премии. Никто толком не может понять, в чем дело, но люди привычные и делают, что велят. Ну, а дежурному приходится изображать самодура. Это не очень сложно, если знаешь, что спасаешь жизнь многим, в том числе и себе самому. Не помню, что было придумано в оправдание перед начальством, но истину не узнал никто и по сию, кажется, пору…»

Мораль. Выпуск номера газеты в сталинские времена было не только ответственным, но и опасным делом.

Комментарий. Современному поколению журналистов трудно себе это представить. Сейчас нелепицы и ошибки на страницах печатной прессы, в аудио– и визуальных СМИ – почти норма. Небрежность перешла все границы, и под это даже подведена «теоретическая база»: мол, знать правила русского

языка журналисту не обязательно, его дело – добыть информацию. Однако все это влияет на авторитет журналистики и уважение к ней аудитории.

Диапазон применения байки. При обсуждении особенностей профессии журналиста в прошлом и настоящем.

№ 4. Байка «Тайная деятельность Даниэля Дефо»

В 1704 году Даниэль Дефо, будущий автор «Робинзона Крузо», начал издавать собственную газету «Обозреватель», которая просуществовала девять лет. Вроде бы она являлась подспорьем для вигов (либералов, представлявших интересы буржуазии), но на самом деле финансировалась из королевской казны и служила отличным прикрытием для проведения в жизнь политики королевы Анны. В то время самой болевой точкой Англии была проблема шотландского сепаратизма. Поэтому с 1706 по 1714 год Дефо совершил 17 поездок в этот мятежный край, чтобы сформировать нужное общественное мнение. Писатель даже временно перенес в столицу Шотландии Эдинбург свой «Обозреватель», выпуская его два-три раза в неделю. Тайная деятельность Дефо не прошла даром: весной 1707 года парламент двух народов стал единым. Вот как сам автор описывал решаемые им задачи в письме к своему шефу, лорду Гарлею:

«1. Быть в курсе всего, что различные группировки предпринимают против нашей унии, и постараться нарушить их планы.

2. Беседуя со здешними жителями, а также с помощью других доступных способов переориентировать сознание людей на единение.

3. Опровергать в печати всякие выступления, порочащие идеи союза, самих англичан и английский двор во всем, что касается того же союза.

4. Устранять всевозможные подозрения и беспокойство людей относительно каких-то тайных происков против шотландской церкви».

В письме от 26 апреля 1718 года Дефо писал заместителю государственного секретаря Сантерленду:

«С санкции правительства под видом переводчика иностранных новостей я вошел в редакцию еженедельной газеты некого господина Миста, чтобы держать ее под скрытым контролем, не давая возможности наносить какой-либо ущерб. Ни сам Мист, ни кто-либо из его сотрудников не догадывался, каково мое истинное стремление. Благодаря такому же контролю с моей стороны еженедельный “Дневник” и “Дормерова почта”, а также “Политический Меркурий”, за вычетом отдельных промахов…, будут полностью обезврежены и лишены возможности нанести ущерб правительству».

Дефо писал полемические статьи в 26 газет и журналов самых разных направлений. Его публикации носили противоречивый характер. В одной газете он излагал свое мнение, в другой нападал на него, в третьей издевался над автором второй статьи и т. д.

Мораль. Журналистика издавна участвует в разрешении конфликтов.

Комментарий. Исследования последних лет показали, что информационно-психологические меры, применяемые для разрешения конфликтов, наиболее эффективны в мирной фазе их развития. Наибольшую результативность информация приносила, давая населению и войскам сведения о причинах и истинных целях конфликта; даже в рамках военной фазы. Далее по силе воздействия идут психологические операции по предотвращению разжигания национальной вражды, шовинистических, националистических и других деструктивных настроений. Во всех этих мероприятиях активно участвует журналистика.

Диапазон применения байки. При изучении особенностей применения журналистики в информационном сопровождении конфликтов.

№ 5. Байка «Книжные торгаши покупают ученый товар…»

Было время, когда литератор-дворянин с презрением относился к самой идее гонорара, переводящего «высокое вдохновение» в разряд примитивного коммерческого расчета. Сам термин «гонорар» происходит от латинского honor – честь. В античном мире деньгами оплачивался только физический, рабский труд. Труд же свободный и умственный вознаграждался почетными подарками. В русской литературной жизни гонорар появился в эпоху развития издательского дела как предпринимательства. В XVIII веке спросом преимущественно пользовались лубочные народные издания и переводные романы. Здесь и возник литературный гонорар. Профессиональные писатели того времени были разночинцами. Известно, что Николай Иванович Новиков поощрял студентов, семинаристов и даже церковнослужителей к упражнению в переводах, печатая их «своим иждивением и платя переводчикам с каждого печатного листа установленную цену». Писатели XVIII века, принадлежавшие к обеспеченному дворянскому сословию, почти не рассматривали литературный труд как средство к существованию. Для них он существовал только в античной интерпретации, как почетный подарок со стороны покровительствующего мецената, чаще всего – царствующего лица или вельможи, которому произведение посвящалось. Последний зачастую брал на себя и расходы по изданию. «Книжные торгаши покупают ученый товар, то есть переводы и сочинения, на вес, приговаривая бедным авторам: “Не качество, а количество, не слог, а число листов”, – писал в начале XIX века Батюшков. В это же время вслед за переводчиками гонорарные отношения захватывают и редакторов журналов. Например, за редактирование «Вестника Европы» Карамзин получал от издателя 2000 руб. в год (сами статьи тогда еще не оплачивались).

Мораль. В первой четверти XIX века писатели-дворяне начинают привыкать к мысли, что литературная деятельность может давать доход. Первыми «альманашниками», которые ввели авторский гонорар, были декабристы Рылеев и Бестужев («Полярная звезда»). Это нововведение стало сенсацией. По словам Н. Греча, большинство еще считало гонорар «вещью не то чтоб неблагородною или непозволительною, а как-то неловкою трудиться по наукам или словесности из платы».

В 1826 году с удивлением восприняли объявление Погодина о гонораре в сто рублей за лист для сотрудников «Московского вестника».

Комментарий. 1830-е годы в истории русской литературы и журналистики В. Г. Белинский назвал «смирдинским периодом». Его основная черта – проникновение в данную сферу денежных отношений. Издатель и успешный книготорговец А. Ф. Смирдин впервые ввел твердые расценки: для обычных авторов – 200 рублей за лист, для известных писателей – 1000 и более. Это позволило прийти в журналистику тем, кто не имел средств к существованию. То есть введение гонорара, с одной стороны, создало условия для демократизации литературы и журналистики, а с другой – способствовало профессионализации писательского и журналистского труда. Вместе с тем для многих издателей и авторов гонорар стал средством не существования, а обогащения: они пишут и печатают, думая не о просвещении и воспитании читателей, а о личной материальной выгоде.

Диапазон применения байки. При изучении истории и психологии журналистики.

№ 6. Байка «…Не могу сладить с отставным армейским поручиком!»

Выйдя в отставку в чине армейского поручика, известный общественный деятель Николай Иванович Новиков посвятил себя изданию сатирических журналов «Трутень» и «Живописец». В них он критиковал злоупотребления помещиков, всеобщую галломанию и нравы при дворе, порой даже вступал в полемику с издаваемым Екатериной II журналом «Всякая всячина». Стареющая Семирамида Севера болезненно воспринимала уколы Новикова. Чтение «Живописца» не раз доводило ее до слез. «Что я им сделала? За что они на меня нападают?» – восклицала императрица. Сначала на выпады Новикова Екатерина отвечала как писательница: ее перу принадлежат комедии «Обманщик», «Обольщенный», «Шаман Сибирский». Но потом их отношения перешли в политическую плоскость. Последовали услужливые доносы на Новикова и обвинения его в «гнусных обманах», масонской деятельности, сношениях с герцогом Брауншвейгским и великим князем Павлом Петровичем. Доказательств вины не было, и следствие двигалось медленно. Рассерженная императрица в сердцах как-то сказала генерал-губернатору Архарову: «Я всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но, к удивлению, не могу сладить с отставным армейским поручиком!» Екатерина скромничала – еще до окончания следствия особым указом Новикова заключили под стражу в Шлиссельбургской крепости, где ему надлежало провести целых 15 лет. Это приговор поразил современников своей суровостью.

Мораль. Полемика Новикова и Екатерины II наиболее ярко отражает борьбу полярных концепций в журналистике того времени.

Комментарий. В новиковской концепции печати важное место отводится личности журналиста. В первом номере «Пустомели» под заглавием «То, что употребил я вместо предисловия» издатель формулирует требования к журналисту. По его словам, «чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острой разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических, и наконец, истинное о вещах понятие» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951). А в новиковском моральном кодексе журналиста сверх того названы: критический талант («Правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять»),

отрицательное отношение к социальному злу, общественная активность («Нет ничего, что бы не было подвержено критике») и «вмешательство» журналиста в политические дела. Таким образом, Новиков не сводит деятельность журналиста к простому распространению знаний. Он видит его назначение в критическом изучении действительности и ее исправлении.

Екатерина II составила собственный свод правил, обязанностей и личных качеств сочинителя. По ее мнению, журналист должен, прежде всего, пылать любовью и верностью к государю. С этих позиций она и определяет его личные качества: красота души, непорочность, добродетельность, добронравие, миролюбие. «*Добросердечный сочинитель*, – пишет она, – *во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбит человечества, поставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостью, описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю и обществу, изображает миролюбивого гражданина, искреннего друга, верного хранителя тайны и данного слова».* (Русская проза XVII века. М.; Л., 1950. Т.1. С. 292.)

Диапазон применения байки. При изучении истории и психологии журналистики.

№ 7. Байка «Не имеем права вредить другому человеку»

В 1997 году Всеволод Богданов, председатель Союза журналистов России, во время беседы с Ясеном Засурским, президентом факультета журналистики МГУ, рассказал такую историю: *«Вспоминаю период работы в “Советской России” начала 80-х годов… Собкор газеты в одном из крупных сибирских городов написал материал об управляющем строительным трестом, которого он поймал на нечистоплотности, злоупотреблении служебным положением. Корреспондент принес ему статью и сказал: “Вот, почитайте, этот материал я отправил в Москву, в газету”. Управляющий прочитал и говорит: “Если этот материал напечатают, я буду вынужден себя убить”. Журналист говорит: “Погодите, вы мне скажите – здесь что-то искажено?” – “Нет, ты написал правду”. На другой день материал напечатали в газете. И этот человек покончил с собой. А он был достаточно известен и имел авторитет в регионе как строитель и руководитель. Более того – любимым другом секретаря обкома партии. Корреспондент был вынужден срочно покинуть город…*

Столько лет прошло, а я помню весь трагизм той ситуации. Ничто не остановило нашего коллегу – он поступил так, как ему велела совесть». (Власть, зеркало или служанка. М., 1997. С. 15–16.)

Прочитав эту историю, невольно вспомнился похожий случай, о котором рассказывал корреспондент «Литературной газеты» Юрий Щекочихин:

> *«Никогда не позабуду глаза знакомого, которому сообщили по телефону, что герой его фельетона бросился с четвертого этажа и, к счастью, остался жив. Это было давно, очень давно, но осталось в памяти, как мало что остается.*
>
> *…Пройдет много лет, я сменю уже третью газету, и в далеком сибирском городе в номер гостиницы, где я жил, в самый последний день командировки постучится, а потом аккуратно войдет человек в строгом костюме и при галстуке под цвет, дымчатых очках и скажет, выжидательно остановившись на пороге: “Если вы напишете про меня, я покончу жизнь самоубийством. Это я вам обещаю”.*
>
> *Я провел в этом городе десять дней, изучая*

преступления, совершенные человеком в дымчатых очках; встречался с множеством людей, буквально ходил по его следам. Но когда он войдет в номер гостиницы, остановится на пороге и скажет эти слова, у меня ёкнет сердце – близко, как будто все было вчера, окажутся ошарашенные глаза приятеля, телефонная трубка в его руке и недоуменно трагическое "Не может быть!". Это невозможно забыть.

Материал о человеке в дымчатых очках в газете так и не появился, но не потому, что я испугался и пожалел его, не потому, что одна трагическая фраза перевернула мой взгляд на мир. Ничего не перевернулось, и жалко его не стало. Просто по-иному сложились газетные обстоятельства: ведь только студент факультета журналистики уверен, что каждая командировка заканчивается публикацией. Тот драматический эпизод из журналистской юности вспомнился мне, когда человек в дымчатых очках произнес свою многозначительную фразу, скорее по ассоциации, чем по делу. И не потому, что чувства огрубели (хотя, наверное, и огрубели) с тех пор, как мы были мальчишками и не могли оценить разницу в силе строки, написанной от руки, и строки, появившейся в газете. Просто герою того давнего фельетона моего приятеля, имевшего трагическое продолжение, было всего шестнадцать лет, и высмеивался он за то, что, желая прославиться, прислал в газету стихи, до него уже кем-то написанные…

Подобную разницу в отношении к своим героям понимаешь не сразу. Но в конце концов понимаешь.

Ведь то, что для человека взрослого и научившегося принимать защитную стойку при атаке житейских невзгод обернется обычной пощечиной – неприятной и ранящей душу, но со временем излечимой (в том и заключается спасительная прелесть так называемого жизненного опыта), – для подростка может стать нокаутом».

(Щекочихин Ю. Право на инкогнито // Журналист, 1983. С. 56–57.)

Мораль. Всегда ли журналист задумывается о силе печатного слова, о том, кто и в каком случае имеет право на снисхождение?

Комментарий. Юрий Щекочихин размышлял на эту тему так: *«Человек приходит к своим ошибкам по-разному, и разное*

скрывается за дымчатыми стеклами очков, скрывающими выражение лица и глаза: может, там непролазная тьма, а может, наоборот, душевный стыд и больная совесть. Попробуй разберись… Ведь в нашем распоряжении есть блокноты, авторучки, в редакциях побогаче – диктофоны, но нет лакмусовой бумажки, с помощью которой можно оценить проступок человека и сразу понять, кто перед нами. Нет эталонов. Не положены они в нашей профессии, и потому каждый раз приходится решать по-новому, склонившись над столом, похожим скорее на операционный, чем на письменный.

…Помню, однажды, очень давно, когда я только начинал свою журналистскую жизнь, услышал: "Мы как врачи. Тоже не имеем права вредить другому человеку. Закон есть такой"».

Диапазон применения байки. При обсуждении этико-психологических проблем журналистской деятельности.

№ 8. Байка «В руках СМИ – жизнь и смерть человеческая!»

В начале XX века журналистка Ида Тарбелл изобразила Рокфеллера беспощадным капиталистом, не брезгующим никакими средствами для завоевания рынка. Статьи Тарбелл, напечатанные в «McClure's Magazine», сделали мультимиллионера одной из самых ненавидимых личностей в истории США, о чем свидетельствуют сатирические карикатуры и газетные статьи того периода. Несколько лет спустя Рокфеллер нанял эксперта по связям с общественностью Айви Ли, чтобы восстановить свое доброе имя. Та обратила внимание прессы и читателей на благотворительную деятельность своего клиента и создала образ благодушного старичка, что вернуло акуле капитализма утраченные симпатии широкой публики.

Мораль. В руках СМИ – жизнь и смерть человеческая!

Комментарий. Эта история показывает роль и силу влияния СМИ на общественное мнение в изменении имиджа бизнесмена.

Диапазон применения байки. При изучении истории информационно-психологического воздействия СМИ.

№ 9. Байка «Заочное интервью»

Французский журналист и писатель Морис Декобра в книге «Один час моей карьеры» пишет:

«У меня еще живо в памяти кредо одного известного репортера, моего приятеля, весьма симпатичного нью-йоркского джентльмена, с которым я к тому же связан самой искренней дружбой. Это молодец, для которого не существует препятствий, и который проинтервьюировал бы самого Господа Бога, если бы небо соединялось с землей беспроволочным телеграфом».

Этот американский репортер уверял Мориса Декобра:

«Моими лучшими интервью и сенсационными беседами с великими людьми были те, которые я сочинил до того, как их посетить, или до их отказа разговаривать со мной».

К сожалению, «заочные» интервью еще нередко встречаются в практике корреспондентов. Почему такое случается? Журналисты В. Басков и А. Рубинов поведали историю о том, как они пытались взять интервью у любимого артиста, который несколько раз откладывал встречу, а затем прямо от нее отказался, объяснив, что выговорился, все рассказал о себе и ничего нового больше нет… (Журналист. – 1983, № 7. – С. 19–20.) Корреспонденты отступили перед этим неожиданным признанием, но оно же дало им мысль прочитать все, что любимый артист говорил ранее их счастливым соперникам из других газет. И вот что они рассказали:

«Наш любимец оказался прав. Мы убедились в этом в библиотеке, листая подшивки. Вскоре мы действительно знали о нем все! И даже больше… Сопоставив то, что актер рассказал о себе, удалось выяснить биографию нескольких людей с весьма схожей судьбой.

“Я рос без отца. Он умер, когда мне был месяц…”, – рассказал он журналисту из “Литературной России”.

“…Отец умер, когда мне было всего два месяца…”, – поведал читателям газеты “Ленинское знамя”.

“…По настоянию родителей после школы я поступил в медицинское училище…” – сообщил несостоявшийся собеседник поклонникам “Магнитогорского рабочего”. А мы порадовались – не тому, что родители не распознали влечения отрока, а тому, что у отрока, оказывается, родители были, причем оба – мама и папа.

“…Отец был деканом исторического факультета, – рассказал артист читателям газеты “Молодежь Грузии”, которые, возможно, не видели “Литературную Россию” и потому

не радовались вместе с нами воскрешению отца. – "Позднее отец стал директором института". Позднее чего – рождения сына? Но до того, как младенцу исполнился месяц? Или два?

Но что мы все время говорим о папе! Как и у всех людей, у актера была мама. "Мама преподавала французский язык",– рассказал он читателям одного города. – Будучи образованной женщиной, она, однако, считала (и сказала, очевидно, по-русски), что сначала надо получить серьезную профессию – "Мама в глубине души, видимо, надеялась, что" увлечение юноши "со временем пройдет", – рассказывал впоследствии ее сын.

Мы так счастливы, что мама ошиблась! А могло быть иначе, поскольку послушный сын "не стал сопротивляться ее предложению и после восьми классов поступил в училище" – медицинское. Действительно, туда можно поступить и после восьми классов, не закончив среднюю школу.

Но позвольте, тогда что это: "После школы я поступил в медицинское училище"? Так было сказано поклонникам из другого города. Разве не после восьми классов? Очевидно, все-таки после десяти. Читатели же третьего города и поныне убеждены, что актер поступил не в училище, а в институт. Актер сказал, что "проучился два курса в Медицинском институте и ушел – не выдержал! – в Театральное училище имени Щукина". Вот видите, а мы сомневались: восемь или десять классов?! В Театральное училище имени Щукина и в Медицинский институт принимают именно "после школы".

Спустя год после этого интервью знаменитый актер, вспоминая далекую юность, про медицинский институт забыл: "Сначала я закончил среднее медицинское учебное заведение и два года работал фельдшером на «Скорой помощи», – на склоне прекрасного дня узнали жители грузинской столицы из своей "Вечерки".

А другим прекрасным утром молодые читатели комсомольской газеты Донбасса выяснили, что всеми нами любимый артист "после окончания школы решил поступить в Высшее театральное училище имени Щукина при Театре имени Вахтангова. Однако поступил туда лишь со второго раза. А между первым и вторым «заходами» работал на «Скорой помощи» медбратом»".

Позвольте! Всего месяц назад однажды утром из другой местной молодежной газеты в Грузии стало известно, что он "почти два года работал фельдшером «Скорой помощи»".

Извините, пожалуйста, за назойливость, но все-таки медбратом или фельдшером? Как говорят, но не пишут в газетах – это две большие разницы.

Листая газеты в Библиотеке имени Ленина, мы основательно

изучили несколько вариантов детства, отрочества, а также юности нашего любимого актера. Много занятного выяснилось и о зрелых годах…

Получилось, что мы все-таки взяли – заочно – интервью у актера, который так не хотел его давать».

Мораль. Кто виноват в нестыковках опубликованной информации: артист или журналисты?

Комментарий. Историю прокомментировал А. Шпикалов:

«Любимый артист отказался дать интервью и тем самым вызвал раздражение газетчиков. На этот раз он столкнулся не с рядовыми интервьюерами, от которых неоднократно ускользал на периферии, и не с шустрыми внештатниками из молодежных газет, а с маститыми зубрами, которые не прощают непочтительного отношения ни к своей газете, ни к своей персоне. И вот авторы ловят "любимого" на одной детали в прежних, часто давнишних интервью, потом на другой…

Жаль, конечно, что нет возможности устроить очную ставку участникам этих интервью. Зачем? Чтобы, во-первых, защитить читателя от неточностей в газетной информации. И чтобы, во-вторых, защитить артиста от безответственных интервьюеров. От этих малосодержательных интервью, составленных по принципу: раз "звезда", должна быть и "клубничка". Так и появляются весьма сомнительные подробности. Ведь не на "Скорой помощи" шлифуется драматический или комический дар артиста. А наша действительность такова, что совсем не от наличия или отсутствия родителей или от их общественного положения зависит профессия человека, будь он инженер или журналист, агроном или артист. Об этом лишний раз говорит и судьба этого человека: учеба в медучилище не помешала ему стать известнейшим актером известнейшего театра.

Зная, как боятся популярные актеры незнакомых журналистов, позволим предположить: что-то неладно в нашей работе. То ли такта не хватает, то ли умения. Ведь многие люди искусства боятся нас, как кривого зеркала.

А что если манера задавать не очень умные вопросы вызовет ответную реакцию, и актер, особенно если он – человек с юмором, ответит в духе героя И. Ильинского из фильма "Праздник святого Йоргена": "Когда я был маленьким, мама уронила меня с тринадцатого этажа"? Неужели это и печатать?

Есть маленькая журналистская хитрость – записывать слова актера во время его выступления перед зрителями где-нибудь во Дворце культуры, кинотеатре или Доме отдыха. И труд полегче, и пороги обивать не надо. Но не стоит забывать,

что такие выступления рассчитаны на определенную аудиторию, и подчас это актерская игра, особый жанр, поэтому использовать их для документальной публикации без тщательной проверки опасно. Сначала идет его импровизация, потом – твоя, а газета – документ, и мы, ее работники, несем всю полноту ответственности за правильность этого документа, а не наши герои.

Чтобы прояснить ситуацию, мы решили позвонить "звезде". Оказалось, что о большинстве "своих" интервью актер даже не подозревал. "Делались" они и впрямь заочно, надо полагать, во время встреч со зрителями.

– Да, – с грустью свидетельствовал артист, – отец умер, когда мне не было и двух месяцев. (Вот вам первая возможность для разночтения, если записываешь на слух. Один услышит "два месяца", другой – всего один.)

– Да, – подтвердил он, – родственники были против моих актерских устремлений и настаивали на медицинском образовании. (А у кого-то родственники превратились в родителей.)

И так далее.

Не страшно, если будущие театроведы, вороша старые газеты, слегка потрудятся, разбираясь в том, что артист рассказал, а авторы понаписали. Это участь всех исследователей прошлого. Хуже, если по этим интервью они будут судить об уровне нашей журналистской работы вообще». (Журналист. 1983, № 7.С. 19–20.)

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем этики журналиста, его ответственности за подготовленную информацию.

№ 10. Байка «Репортер никогда не принадлежит себе…»

Александр Павлович Чехов еще во время учебы на физико-математическом факультете Московского университета начал печататься в журналах и немало содействовал брату – Антону Павловичу Чехову – в публикации его первых литературных опытов. С прессой Александр Чехов не порывал до конца жизни: он писал очерки и рассказы, повести и публицистические статьи, репортажи и научно-популярные брошюры; редактировал несколько журналов. В 1907 году в журнале «Исторический вестник» были опубликованы его «Записки репортера», в которых он, переживая прошлое, рассуждал о профессии журналиста, рассказывал о тех сторонах событий, о которых когда-то не мог писать в официальной хронике.

«…Жизнь и работа хроникеров, или, как их принято называть – репортеров – одна из тех особых жизней, которые не укладываются в определенные рамки. Самым лучшим эпиграфом здесь можно поставить изречение: “Невесте… ни дне, ни часа”… Сон, обед, отдых, работа – все зависит от случая и события. Репортер никогда не принадлежит себе и не может сказать семье, когда он возвратится домой. Чтобы с успехом заниматься репортажем, надо быть молодым, крепким, выносливым и от природы энергичным, сообразительным, находчивым человеком. Нужно быть везде первым, обладать чутьем и умением быстро ориентироваться. Без этих качеств репортер – простой ремесленник, не застрахованный от неудач и ошибок. Читатель, пробегая глазами газету, даже не подозревает, сколько иной раз труда, усилий и энергии потратил репортер, чтобы дать в газету каких-нибудь 15–20 строк. Приведу пример из собственного опыта.

Лет пятнадцать тому назад, в разгар моей репортерской службы, зимой, часов в восемь вечера, сидя благодушно с семьей за чашкой чая, я получил из редакции лаконическую записку: “Публика где-то слышала взрыв. Узнайте”. Неопределеннее такого распоряжения для обыкновенного смертного, кажется, ничего не может быть. Но для репортера такое уведомление – находка. Оставив чай недопитым, я немедленно оделся и отправился на поиски, а к десяти с половиною часам того же вечера уже доставил в редакцию точные известия о том, что на Болотной улице, на таком-то заводе из-за неосторожного обращения с огнем произошел взрыв газового резервуара. Происшествие было описано точно и подробно. И это не особенная заслуга с моей стороны.

Репортеры других газет точно так же добыли на месте эти сведения и описали взрыв с не меньшей добросовестностью…»

Мораль. Журналистская деятельность подобна службе: корреспондент должен быть готов в любое время выехать на место событий и передать в редакцию точные и подробные известия о нем.

Комментарий. Александр Чехов рассказал об одном обыденном эпизоде своей репортерской работы. Профессионализм он понимал как стремление своевременно преподнести правдивую информацию, которая формирует доверие граждан к журналистике.

Диапазон применения байки. Во время освоения профессии журналиста, а также при обсуждении профессиональных качеств репортера.

№ 11. Байка «Диссертация М. В. Ломоносова о должности журналистов»

В 1752 году в лейпцигском научном журнале была опубликована статья с несправедливой критикой в адрес сразу нескольких важных работ российского академика Ломоносова, в том числе «Размышлений о причине теплоты и холода». В ответ Михаил Васильевич написал статью «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии».

«Диссертация о должности журналистов» – так назвал Ломоносов эту статью в отчете о своих трудах за 1755 год – была написана на латыни. Михаил Васильевич послал ее в Берлинскую академию наук Леонарду Эйлеру вместе с просьбой устроить публичное обсуждение своих поруганных диссертаций.

«*Предложение вашего высокородия о проведении вашей защиты путем диспута в каком-либо университете я бы затруднился осуществить*, – ответил Эйлер. – *И такой диспут, как и большинство ему подобных, навсегда остался бы в неизвестности и не был бы отмечен никем из пишущих в журналах. Тем временем я передал статью нашему коллеге, г-ну профессору Формею, который мне почти пообещал вести ее защиту во французском журнале, что мне кажется единственным и лучшим путем*».

Впервые «Рассуждение…» опубликовали в 1755 году на французском языке в выходившей в Амстердаме «Новой немецкой библиотеке, или Литературной истории Германии, Швейцарии и северных стран». Первый частичный перевод статьи на русский язык увидел свет в 1865 году.

Мораль. В своей статье М. В. Ломоносов писал:

«Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины. Отсюда проистекает столько рискованных положений, столько странных систем, столько противоречивых мнений, столько отклонений и нелепостей, что науки уже давно

задохлись бы под этой огромной грудой, если бы ученые объединения не направили своих совместных усилий на то, чтобы противостоять этой катастрофе. Лишь только было замечено, что философия, если ее не извлекут из этого состояния, рискует потерять весь свой авторитет, – образовались общества ученых и были учреждены своего рода литературные трибуналы для оценки сочинений и воздания должного каждому автору согласно строжайшим правилам естественного права. Вот откуда произошли как академии, так – равным образом – и объединения, ведающие изданием журналов. Первые – еще до того, как писания их членов выйдут в свет – подвергают их внимательному и строгому разбору, не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательства, а старое – за новое. Что же касается журналов, то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах.

Не к чему указывать здесь, сколько услуг наукам оказали академики своими усердными трудами и учеными работами, насколько усилился и расширился свет истины со времени основания этих благотворных учреждений. Журналы могли бы также очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступать надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля – вот что от них требуется. Силы – чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти…»

Комментарий. Этой статьей Ломоносов, первый русский ученый мирового значения, человек энциклопедических знаний и разносторонних интересов, оставил свой след в теории журналистики. Доказав, что лейпцигский «рецензент» «ошибается и обманывает других», Михаил Васильевич в заключительной части статьи обосновывает семь правил для журналистов, которые актуальны и сегодня. Вот они:

«1. Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах и не просто об общих местах, но схватывать то новое

и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Высказывать при этом неточные и безвкусные суждения – значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы.

2. Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну.

3. Сочинения, о которых дается отчет, должны быть разделены на две группы. Первая включает в себя сочинения одного автора, который написал их в качестве частного лица; вторая – те, которые публикуются целыми учеными обществами с общего согласия и после тщательного рассмотрения. И те и другие, разумеется, заслуживают со стороны рецензентов всякой осмотрительности и внимательности. Нет сочинений, по отношению к которым не следовало бы соблюдать естественные законы справедливости и благопристойности. Однако надо согласиться с тем, что осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения, вызывающего почтение, сочинениях, просмотренных и признанных достойными опубликования людьми, соединенные познания которых естественно должны превосходить познания журналиста. Прежде чем бранить и осуждать, следует не один раз взвесить, что скажешь, для того, чтобы быть в состоянии, если потребуется, защитить и оправдать свои слова. Так как сочинения этого рода обычно обрабатываются с тщательностью и предмет разбирается в них в систематическом порядке, малейшие упущения и невнимательность могут повести к опрометчивым суждениям, которые уже сами по себе постыдны, но становятся еще гораздо более постыдными, если в них скрываются небрежность, невежество, поспешность, дух пристрастия и недобросовестность.

4. Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе.

5. Главным образом пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать их себе,

как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны заглавия тех книг, которые он терзает. Это часто бывает с дерзким писателем, вздумавшим делать извлечения из сочинений по естественным наукам и медицине.

6. Журналисту позволительно опровергать в новых сочинениях то, что, по его мнению, заслуживает этого, – хотя не в этом заключается его прямая задача и его призвание в собственном смысле; но раз уж он занялся этим, он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде чем присвоить себе право осудить его. Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог задать бы больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек. Особенно не следует журналисту воображать, будто то, чего не понимает и не может объяснить он, является таким же для автора, у которого могли быть свои основания сокращать и опускать некоторые подробности.

7. Наконец, он никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценности своих суждений. Ввиду того, что деятельность, которой он занимается, уже сама по себе неприятна для самолюбия тех, на кого она распространяется, он оказался бы совершенно неправ, если бы сознательно причинял им неудовольствие и вынуждал их выставлять на свет его несостоятельность».

Диапазон применения байки. При изучении основ теории журналистики.

№ 12. Байка «А так ли все было?..»

Журналиста Анатолия Аграновского однажды отправили на станцию, где произошло крушение поезда: пьяный тракторист разворотил рельсы. Машинист, увидев это, героически спас пятьсот человек, а сам погиб. В редакции задание сформулировали так: вы должны написать такой очерк, чтобы во всех депо повесили портрет героя-машиниста.

Для Анатолия Аграновского было важно донести до читателя правду о героическом поступке машиниста. Тем более что в другой газете – не в «Известиях», которые он представлял, – опубликовали материал, суть которого заключалась в следующем: машинист увидел развороченные пути, вся жизнь за минуту пронеслась перед его мысленным взором, и он не смог позволить, чтобы женщины и дети, едущие в его поезде, погибли, поэтому отдал свою жизнь, спасая их. «Как человек я тоже свято верил, что так и было», – вспоминал Анатолий Абрамович. Но ответственность за достоверный рассказ о случившемся в СМИ вызвала у журналиста закономерный вопрос: «А так ли все было на самом деле?»

Чтобы ответить на него, Аграновский проделал тот же путь на паровозе, засекая время секундомером. Позднее журналист вспоминал:

«Мы ехали с той же скоростью, и от того момента, когда помощник крикнул: “Коля, держи!”, до момента аварии прошло всего несколько секунд. Я понял, какой работой они были заполнены, что делал машинист: какой рукой крутил реверс и какой давал контрпар, останавливая поезд. Я говорил с помощником машиниста, который случайно остался жив, и он мне сказал, что выпрыгнуть машинист все равно бы не смог. И если бы я написал: “…перед его мысленным взором…”, – обманул бы дантистов, домашних хозяек, колхозников и путейцев, которые должны были в каждом депо повесить портрет машиниста. Хотя, нет, не обманул бы.

Мне кажется, во время той поездки я понял нечто более важное. У машиниста не было дилеммы – прыгать или не прыгать. (В Министерстве путей сообщения мне сказали, что за последнее время не было ни одного случая, чтобы машинист выпрыгнул из паровоза, спасая свою жизнь, и погубил бы пассажиров.) Сама жизнь готовила его к подвигу – в высшем, толстовском понимании этого слова. Человек делает то, что должен делать, несмотря ни на что. Ему не надо было размышлять и взвешивать, он просто выполнял свой долг. И это правда. И правда оказалась сильнее».

Мораль. Эта история подтверждает справедливость совета Анатолия Аграновского: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает». Его он дал молодым коллегам еще в 1960-е годы в своей статье на страницах «Журналисте». За прошедшие полвека эта фраза стала хрестоматийной в отечественной журналистике. Образец, как «хорошо думать», дал сам автор афоризма.

Комментарий. Под словами Анатолия Аграновского «…тот, кто хорошо думает» правомерно понимать «тот, кто хорошо мыслит». (Согласно словарю Ефремовой, думать – значит мыслить, размышлять). Мышление – это психический процесс обобщенного и опосредованного отражения устойчивых, закономерных свойств и отношений действительности, существенных для решения познавательных проблем, схематической ориентации в конкретной ситуации. Благодаря мышлению человек проникает в суть предметов и явлений, познает существенные, закономерные связи и отношения между ними, составляющие закономерности объективной действительности. В отличие от чувственной ступени познания мышление носит опосредованный характер, реализуется с помощью системы средств. Прежде всего, мышление опосредовано словом. Благодаря слову существенные свойства, связи и отношения между предметами и явлениями закрепляются в понятиях. Мышление неразрывно связано с речью, которая является его материальной основой. Также оно опосредовано системой мыслительных операций, знаниями и опытом человека. Знание психологии мышления, его видов, форм, мыслительных операций, умение использовать их в деятельности необходимо сотруднику СМИ для формирования профессионального мышления, являющегося важнейшим качеством личности профессионала-журналиста.

По мнению известного психолога В. В. Петухова, автора работ «Образ (представление) мира и психологическое изучение мышления» (1984), «Психология мышления» (1987), разнообразие феноменологии мышления требует его разных психологических определений. В попытке описать эту феноменологию в целом психология использует определение мышления в широком смысле: это активная познавательная деятельность субъекта, необходимая для его полноценной ориентации в окружающем природном и социальном мире. При решении более специальных исследовательских задач, при изучении конкретных психологических механизмов высших познавательных процессов мышление определяют в узком смысле как процесс решения задач. В управлении творческим процессом журналиста

используется определение мышления в узком смысле.

Под задачей можно понимать острую необходимость установить связь между явлением и его причиной (задача теоретическая) или выбрать путь действий, обеспечивающий достижение той или иной цели (задача практическая). Процесс решения задач имеет определенные этапы и механизмы, отклонение и изменение которых затрудняет или делает вообще невозможным ее решение. При выполнении профессиональных задач мышление выступает как процесс, включающий:

1. Постановку задач.

2. Мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизацию, обобщение, классификацию, систематизацию), посредством которых осуществляется поиск решения задач.

3. Результат решения, вывод.

Толчком к развертыванию мыслительного процесса служит возникновение задачи. (Журналист Аграновский получил задание поехать на станцию, где произошло крушение поезда, и написать такой очерк, чтобы во всех депо повесили портрет героя-машиниста…)

Первый этап, следующий за осознанием задачи, обычно связан с задержкой импульсивно возникающих реакций. Она создает паузу, необходимую для ориентации в условиях, анализа компонентов, выделения из них наиболее существенных и соотнесения друг с другом. Предварительная ориентация в условиях задачи считается обязательным начальным этапом любого процесса мышления. Здесь в сознании человека, приступающего к решению, возникает вопрос, связанный с определенным мотивом. (В данном случае для Аграновского было важно донести правду до читателя о героическом поступке машиниста.) Ответственность за достоверный рассказ о случившемся в СМИ стала мотивом для возникновения у журналиста вопроса: «А так ли все было на самом деле?». Именно с четкой формулировки вопроса начинается решение любой задачи.

Вторым этапом развития мысли в процессе решения задачи является определение предварительного ответа на вопрос, то есть формулировка гипотезы. Так, Аграновский предположил, что у машиниста не было времени, чтобы покинуть поезд. Гипотеза – это попытка дать ответ на вопрос, одна из фаз решения мыслительной задачи, но еще не ее решение.

Третий этап решения задачи – проверка гипотезы. Она будет успешной в том случае, если журналист собрал максимум информации об интересующем его факте, событии или человеке

и правильно ее оценил, опираясь на свои знания и опыт. В приведенном выше случае Аграновский, желая убедиться в правильности своей гипотезы, проделал тот же путь на паровозе, засекая время секундомером.

Проверка подтвердила гипотезу. Но бывает и так, что еще раз сопоставив факты, изучив мнение свидетелей события, побеседовав со специалистами, журналист приходит к выводу, что она неверна и для решения задачи необходимо выработать новую гипотезу и провести проверку заново. Может случиться, что и вторая гипотеза будет ложной и придется вырабатывать следующую…

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии творчества журналиста.

№ 13. Байка «Идти к своему герою с мыслью и за мыслью»

Валерий Аграновский «благоговейно присоединяется» к словам своего старшего брата Анатолия: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает» и утверждает, что «мысль – корень публицистики» и в журналистской практике «действительно важно количество и качество мыслей на квадратный сантиметр текста». Он рассуждает так:

«С мыслями “в кармане” действительно не страшно отправляться в путь. Есть возможность заранее очертить круг лиц, с которыми следует пообщаться в командировке; наметить темы бесед; выработать тактику и стратегию сбора материала, вести поиск не хаотично, а четко и целеустремленно, без суеты; обеспечить логику будущего повествования; наконец, просто сэкономить время, действуя не по наитию, которое порой обманчиво, а согласно плану, позволяющему тщательно и спокойно собрать “урожай” до последнего зернышка. Короче говоря, выигрыш налицо».

Валерий Абрамович упоминает, что всегда осторожно относился к сенсациям, стремясь к более глубокому осмыслению происходящего: «Никакой факт, даже кричащий, сенсационный, не может повлиять на умы, если он не осмыслен автором, не дополнен размышлениями, доводами и резоном, не обеспечен темой, имеющей свой портрет». Далее он рассуждает о концепции журналистского произведения:

«Концепция дает возможность газетчику идти к своему герою с мыслью, что не исключает и другую возможность – за мыслью. Да, именно так! Но я полагаю, истинным журналистом можно считать того, кто умеет искать и находить факты в подтверждение собственных идей, которые он намерен донести людям».

Автор утверждает, что концепция должна создаваться не после, а до сбора материала. Его позиция категорична и выражается следующими словами:

«Мы или журналисты-хвостисты, идущие по следам событий, или смело шагающие впереди и опережающие события; мы или способны на повторение уже известного, или можем говорить читателю что-то новое; мы или обречены подтверждать сложившееся общественное мнение, или не теряем надежду будить его и формировать; мы или новички в газетном деле, или опытные документалисты, работающие профессионально».

Мораль. Валерий Аграновский стоял на позиции, что собственный опыт наряду со знаниями, эрудицией, информированностью и найденными фактами и есть источники замысла.

Комментарий. При этом Валерий Аграновский не отрицал, что важную роль в журналистской практике играют дискуссии, проводимые среди коллег. «Если нам есть что сказать, следует обменяться опытом и сделать это публично», – заявлял он. Это дает возможность сотрудникам синтезировать новые идеи, анализировать начатые проекты, выявлять ошибки и промахи. Таким образом, необходимо прислушиваться к чужому мнению. Но и здесь следует быть осторожными, потому что «истинный журналист не тот, кто собирает чужие идеи, а тот, кто щедро одаривает собственными».

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии творчества журналистов.

№ 14. Байка «Подростки подражают старшим»

В XIX веке отставной армейский капитан начал издавать журнал для девочек-подростков. Несмотря на то что в его выпуске принимали участие лучшие детские писатели, издание не пользовалось популярностью у юных читательниц, которые с интересом обращались к публикациям в журналах для женщин. В итоге, не дотянув и до десятого номера, издание перестало существовать.

Мораль. К провалу проекта привело незнание психологии девочек-подростков, для которых он предназначался.

Комментарий. Психолог Л. М. Фридман в книге «Психология детей и подростков» (М., 2004) утверждает, что у подростков (особенно у девочек) возникает повышенный интерес к своей внешности и формируется образ своего физического «я». Образцом для подражания становятся старшие по возрасту друзья, киногерои и другие взрослые с «броской внешностью». Девочки интересуются изданиями, которые читают их кумиры.

Диапазон применения байки. При изучении психологии аудитории СМИ.

№ 15. Байка «“Ляп” журналиста»

В конце января 2012 года ведущая программы новостей на канале ТВК «Красноярск» в прямом эфире допустила забавную ошибку. В подводке к сюжету о захоронении вождя пролетариата она перепутала Ленина и Путина. «Нужно ли похоронить Владимира Путина?» – спросила телеведущая.

Ясно, что женщина допустила оговорку, но странно, что она сразу же не исправилась и на той же ноте продолжила читать новость. Правда, через несколько секунд темп ее речи замедлился и ведущая стала запинаться. Возможно, она представила, чем может грозить такой ляп.

Запись программы попала в Интернет и собрала тысячи просмотров. Многие интересовались, продолжит ли ведущая телекарьеру, так как понятно, что увольнение в данном случае более чем реально. Однако вскоре руководство канала успокоило зрителей, сказав, что никто никого не уволил.

Вообще журналисты нередко допускают «ляпы» в эфире. Так, в середине февраля текущего года ведущие американской радиостанции KFI-AM 640 Джон Кобилт и Кен Чампоу во время передачи, посвященной безвременно ушедшей певице Уитни Хьюстон, использовали такие слова, как «дурь» и «кокаинистка». За столь несдержанные комментарии в адрес поп-звезды их, несмотря на популярность, временно отстранили от эфира за «бестактность и некорректность». В официальном заявлении радиостанции говорится, что «менеджмент не поддерживает и не потерпит подобных высказываний». Ведущие признали свою вину и принесли извинения радиослушателям, а также родным и близким певицы. «Мы совершили ошибку и согласны с решением руководства радиостанции. Мы использовали неподобающую лексику», – подчеркнул Кобилт.

Мораль. Как говорится, ошибка ошибке рознь: красноярская телеведущая случайно (непреднамеренно!) оговорилась, а американские радиоведущие сознательно употребили некорректные слова в адрес ушедшей поп-звезды. Но они вызывают симпатию, так как признали свою ошибку и принесли извинения.

Комментарий. В каждой стране в разные времена по-разному относились к «ляпам» журналистов. Например, во Франции телеведущих, употребляющих английские аналоги вместо французских слов, штрафуют. Если бы в России штрафовали за телевизионные ошибки, денежные взыскания были бы огромны. Ветеран отечественной тележурналистики Анна

Шатилова отмечает, что в среднем за одну новостную передачу дикторы допускают до 50 речевых ошибок.

В 1930-е – начале 1950-х годов советский журналист мог за «ляп» попасть в «места не столь отдаленные». Рассказывают, что в послевоенное время редактор одной армейской газеты, увидев на первой также свежего номера портрет Сталина со звездой Героя не на левой, а на правой стороне груди, получил инфаркт. Начальник политотдела армии, узнав об ошибке, спас положение, распорядившись не распространять этот выпуск в частях. Позднее вернувшегося из госпиталя редактора «по тихой» перевели в запас.

Следили, вспоминает А. И. Волков, не обнаружится ли какая-нибудь нелепица или двойной смысл. Как анекдоты, из уст в уста передавались рассказы о забавных случаях. Например, газета приморского региона, кажется, «Тихоокеанская звезда», подготовила спецвыпуск о начале путины. Коммунистов призывали показать пример трудового героизма, пустив в верхней части первой полосы «шапку»: «Всех коммунистов – в море!». Или в районной газете вышла статья о соцсоревновании на кирпичном заводе в честь предстоящей партконференции с крупным, на всю полосу, заголовком: «Встретим районную партийную конференцию добротным кирпичом!». Встречались и более тонкие двусмысленности. Скажем, рядом два заголовка: «Крайком КПСС требует ускорить сев» и, как продолжение: «Преступное деяние» (репортаж из зала суда). Такие совпадения не допускались даже на развороте.

Ветераны одной из областных газет Нечерноземья вспоминают, как в брежневские времена в их редакции уволили корректора, который не заметил ошибку в подписи к портрету юбиляра-члена ЦК КПСС: его возраст случайно уменьшили на целых десять лет. Женщина написала письмо юбиляру и лично извинилась за допущенную ошибку. Вскоре в редакцию пришла телеграмма из Москвы: корректора не только восстановили на работе, но даже выплатили зарплату за вынужденные прогулы. Ветераны шутили: «Видимо, члену ЦК – мужчине преклонных лет – понравилось, что молодая женщина сочла его не слишком старым».

Диапазон применения байки. При воспитании у журналиста ответственности за качество своей работы.

№ 16. Байка «“Распластать” Амальрика»

Председатель Союза журналистов России Всеволод Леонидович Богданов после окончания журфака Ленинградского университета по распределению попал на Колыму и вскоре стал самым молодым в стране главным редактором областной газеты. В своих интервью и беседах он часто называет этот период своей жизни самым интересным и увлеченно рассказывает о людях, с которыми его сводила журналистская работа в этом суровом крае.

«…Около года я работал в Магадане вместе с известным диссидентом Андреем Амальриком: он отбывал ссылку после лагеря, а я получил задание от областного Комитета партии изобличить его, “распластать”. Признаюсь, тогда книга Амальрика “Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?” казалась совершенно дикой. Я верил, что СССР незыблем, как монолит. Но Андрей был мне симпатичен как человек, и мы очень хорошо общались. Более того, вместе делали материалы. Вместо того, чтобы “изобличать”, я предложил провезти Андрея по нашим красивым стройкам, чтобы он на них посмотрел и сам написал материал. Мы с ним побывали в Билибино, где возводили атомную электростанцию. Великолепная стройка! Потом ездили в Синегорье на Колымскую ГЭС. Люди, которые там работали, создавали будущее края и новую энергетику. Амальрик, увидев все это, тоже загорелся идеями, восхитился людьми – фантастически красивыми и интересными. И в итоге написал три больших очерка.

Однако возник конфликт: те, кто дал задание скомпрометировать или сломить диссидента, запретили публиковать очерки. Хотя в них был один восторг от свершений советских строителей. Потом Андрей уехал на Запад; его судьба трагична, история гибели темная. Но первое интервью, которое он там дал, касалось меня. Сказал, что в Магадане общался с двумя руководителями областных газет, и один оказался жуткой дубиной, ему ничего нельзя было доказать, а второй – весьма лояльным человеком. “Мне жаль, – заключил он, – что такие люди в Советском Союзе ничего не решают. Умный редактор не смог настоять на публикации моих материалов”. Я в итоге получил неприятности на свою голову: текст перевели, и мой коллега – отрицательный персонаж – бегал по кабинету и кричал: “Думаешь, он тебе комплимент сделал? Это мне комплимент, поскольку он – враг!”»

Мораль. Андрей Алексеевич Амальрик оказался в Магадане, цитируя текст приговора суда, за «распространение… ложных

измышлений, порочащих советский строй». В предисловии к эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», которое принесло ему популярность во всем мире и вызвало гнев власти, Андрей Алексеевич говорил, что он не является противником системы как таковой, а лишь пытается объективно проанализировать ситуацию в стране и обществе. Видимо, автор этой истории разглядел в ссыльном диссиденте черты публициста, историка и мыслителя. Отстаивая свободу выражения мысли, Амальрик проявлял искренний интерес к жизни страны. Поэтому, увидев грандиозные стройки, он не мог не восхититься людьми – «фантастически красивыми и интересными».

Комментарий. Амальрик как исследователь советской системы стоит в одном ряду с таким мыслителем XX века, как академик Сахаров. Журналист вернулся из Магадана в Москву в 1975 году, а через год эмигрировал. В эмиграции он много печатался, занимался общественной и политической деятельностью и погиб 12 ноября 1980 года в автомобильной катастрофе. Его последняя книга – «Записки диссидента» – была издана посмертно в 1982 году.

Советский Союз просуществовал не намного больше, чем прогнозировал Амальрик. Публицист с поразительной точностью предсказал события, произошедшие в европейской и мировой истории в 1980–2000-х годах. Это говорит о том, что он стоял выше своего времени и был способен рассуждать, не попадая под влияние идей, которые проповедует большинство. Кроме того, Амальрик впервые использовал такие понятия, как «средний класс» и «важность прав человека», которые станут играть ведущую роль спустя годы. И точно определил возрастающую роль СМИ в формировании общественного мнения.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики советского периода.

№ 17. Байка «Негласная функция»

«Когда я работал в “Магаданской правде” (бывшей “Советской Колыме”), – рассказывал Всеволод Богданов, – *моим любимым чтивом были газеты тридцатых-сороковых годов. Там печатались заметки такого содержания: “Прииск «Мальдяк» уже третью неделю не выполняет план по добыче золота; рабочие шахты подозревают, что начальник прииска – вредитель”. Через два дня появляется заметка “Меры приняты”: “Как мы сообщали, прииск «Мальдяк» не выполнял план по добыче золота, и рабочие подозревали… Компетентные органы разобрались: начальник прииска признал, что он – японский шпион”».*

Мораль. В 1930-е годы пресса нашей страны часто становилась инициатором незаконных акций, арестов и выселений тысяч семей. Политическое доносительство превратилось в негласную функцию советской печати. Автор байки рассказывает о этом как о курьезе, в надежде, что возврата к столь порочной практике не будет.

Комментарий. Советская пресса 1930-х годов настойчиво проводила в жизнь лозунг о неутихающей классовой борьбе. Этим объяснялось появление различных «оппозиций» и подрывная деятельность «врагов народа». Основная масса читателей, веривших власти и прессе, одобрительно воспринимала политические процессы того времени. Саботажниками и перерожденцами объявлялись десятки тысяч тружеников, хозяйственные руководители всех звеньев, партийные и советские работники. Их арестовывали и расстреливали, публикуя сведения об этом в печати.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики советского периода.

№ 18. Байка «Каков он, труд журналиста?»

«Встречаясь с читателями, – писал обозреватель "Комсомольской правды" Ярослав Голованов, – *я понял, что у людей, мало знакомых с журналистской кухней и излишне доверчивых к откровениям кинематографа, бытует представление о жизни журналиста как о некоем ненормированном празднике, за который тебе еще и деньги платят. Да, космодром, выставка в Осаке, салон в Париже – все это было. Не хочу лукавить: я очень рад, что говорил с Норбертом Винером, обедал с Гагариным, купался с Ландау. Но неужели взрослый человек может всерьез думать, что все эти беседы и обеды и есть потный труд журналиста? Тогда почему жизнь людей этой профессии короче века водолазов?»*

Мораль. Умение «улыбаться в кадре» и «шустрить по аппаратным» – одна сотая часть профессии журналиста. На самом деле она очень полифункциональная, сложная, самоорганизующаяся и социально важная; включает практически любые роли и выполнение любых функций, свойственных другим профессиям, но выполняемых с помощью оперативной и актуальной информации, адресованной массовой рассредоточенной аудитории.

Комментарий. В середине 1970-х годов новосибирские ученые исследовали около тысячи профессий. Анализ показал, что журналисты стоят в ряду обладателей высшего балла (5) по степени многообразия функций и полифункциональности, высшего балла (3) по степени самоорганизации и занимают 4-е место в средней социально-экономической оценке труда. Профессия журналиста – одна из самых трудных по степени сложности труда (впереди – только преподаватели, врачи, инженеры-конструкторы и руководители научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий – последние, скорее, должности, а не профессии). При этом журналисты фактически на первом месте по итоговому индексу характера труда, который в десять раз выше, чем у актера, в четыре превосходит индекс школьного учителя и в два раза – врача и преподавателя вуза, а также младшего научного сотрудника. Параметр, по которому профессия журналиста не занимает ведущих мест, – соотношение исполнительных и организаторских функций. Но это понятно, ведь профессия больше творческая, нежели организаторская, хотя журналист выполняет и эти функции.

Диапазон применения байки. При знакомстве

с особенностями профессии журналиста.

№ 19. Байка «Журналистика в наше время – все…»

В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: *«Что делать при виде этой ужасной действительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить. Как действовать? Только два средства: кафедра и журнал…»*

Эту мысль известный критик высказывает и в других своих письмах: «Теперь у нас великую пользу может приносить, для настоящего и еще больше для будущего, кафедра, но журнал большую… Журналистика в наше время – все. И Пушкин, и Гете… были журналисты».

Белинский говорил, что рожден для печатных битв. Он писал друзьям:

«Будь я богаче Ротшильда – не перестану писать не только больших критик, даже рецензий».

«…Если бы чернила все вышли, отворил бы жилу и писал бы кровью…».

«Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку "Отечественных записок". Я – литератор и говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь».

Мораль. Белинский видел в журналистике могучее средство для распространения передовых идей, орудие борьбы.

Комментарий. В. Г. Белинский создал стройную систему взглядов на печать, предложил Журналистский кодекс, исследовал проблему читателя и читательского восприятия, усвоения.

По глубокому убеждению Белинского, называться журналистом (или критиком) имеет право только автор статей и рецензий, который находит пути и средства сделать мнение журнала достоянием широкой читательской аудитории. Публика, ее запросы и интересы, руководство ими со стороны журнала и журналиста – фокус, в котором сходятся все три линии деятельности Белинского как теоретика, историка и практика журналистики.

Предложенный им Журналистский кодекс включал три главных аспекта:

1) каким должен быть журналист (или критик), то есть учение об обязанностях и гражданском долге работника печати;

2) учение о характере и типе журнала демократического

направления, рассчитанного на широкие читательские круги;

3) как надо писать для журнала, то есть разработка методов и способов подачи материала, раскрытие понятия «журнальная статья».

Журналист (как и критик), считал Белинский, должен обладать самым передовым для своего времени мировоззрением. Только опираясь на него, он сможет понять потребности современности, точно определить расстановку общественных сил, правильно охарактеризовать общественно-политические и литературные мнения современных ему органов печати, наметить линии борьбы с реакционной периодикой.

По мнению Белинского, журналист должен быть не спокойным, беспристрастным повествователем, обозревателем и толкователем, а активным действователем, страстным борцом за интересы народа.

Одно из основных требований, с которым Белинский обращался к журналистам, – необходимость быть принципиальным, смелым и твердым, отстаивая свои убеждения. Ничто – ни материальные лишения, ни личные отношения, ни какие бы то ни было корыстные соображения – не дает журналисту права идти на компромисс с совестью. Он сам олицетворял идеал такого журналиста. В поисках истины, в защите правды, в полемике с идейными и литературными противниками Белинский не признавал ни дипломатию, ни компромиссы.

Рисуя нравственный облик журналиста, он выделял такую сторону его деятельности, как верность и беспредельная преданность избранной профессии. Журналист по Белинскому должен быть «деятельный, весь преданный журналу, потому что журнал, как искусство и наука, требует всего человека, без раздела, без измен себе».

Известный исследователь творчества Белинского, профессор В. Г. Березина, отмечала, что в его большом и многообразном по темам и жанрам наследии нет специальных работ по теории журналистики. Верные и подчас острые суждения на эту тему, во многом не утратившие свою ценность, рассеяны по статьям, рецензиям и письмам. К сожалению, они до сих пор не собраны, не систематизированы и по-настоящему не изучены.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики.

№ 20. Байка «Я – корреспондент и горжусь этим званием»

В. Г. Короленко называл себя старым писателем и старым корреспондентом, журналистом. Он говорил: «…Я – корреспондент и, пожалуй, лучше было бы оставаться только корреспондентом». А на прощальном банкете по случаю отъезда из Нижнего Новгорода Короленко сказал: «…Я – корреспондент и горжусь этим званием. Если бы удалась попытка моя и моих друзей относительно газеты, я бы окончательно стал работником провинциального печатного слова».

Мораль. *«Для меня Владимир Галактионович Короленко – не просто известный писатель, талантливый публицист, активный общественный деятель,* – написала в своем сочинении студентка журфака СПбГУ Мария Будолак. – *Это пример колоссальной нравственности и благородства. Человек, который силой своего таланта умеет зажечь в людях все самые светлые и праведные чувства. Личность, в которой я нашла родственную душу и неоспоримый авторитет».*

Комментарий. В профессиональном опыте Короленко-публициста есть много примеров, поучительных для современного журналиста. Прежде всего, он являет собой образец добросовестности и точности. Именно это давало ему возможность быть смелым в своих печатных выступлениях. Также его отличала высокая требовательность к себе. Так, несмотря на успех своих первых публикаций, он признавался: «Я чувствовал, что для того, чтобы стать публицистом, мне нужно… так отточить перо, чтобы оно писало тонко, отчетливо… Я чувствовал, что мне нужна школа». Для Короленко кончик стального пера был оружием, способным наносить и отражать удары. И он пользовался им, писал блестящие статьи, которые восхищали тысячи читателей в России и за ее пределами.

Владимир Галактионович не раз и не два прерывал работу над художественными произведениями, покидал насиженное место и мчался в тот или иной город, глухую деревню, чтобы отозваться на взволновавшие его события, откликнуться на злобу дня, написать письмо или заметку для газеты.

Главной целью своей жизни Короленко считал борьбу с несправедливостью и беззаконием, но не при помощи силы, а посредством «острого пера», яркого и стремительного слова. Все мысли писателя, его негодование по поводу творившегося в России административного произвола выливались

в политические статьи, газетные материалы, очерки и фельетоны, открытые письма и заметки – все, что давало возможность быстро откликнуться на событие дня. Чем бы ни занимался Короленко, все его произведения написаны бесстрастным языком простого наблюдателя. Его публицистика проникнута истинным человеколюбием и страстным желанием достичь высшей справедливости. Сам он называл себя «писателем и политическим партизаном». В борьбу с голодом, несправедливым царским судом, продажной прессой, погромщиками и карателями Короленко бросался с головой и отдавал всего себя делу, в которое свято верил. Итогом его борьбы становились блестящие статьи: «В голодный год», «Мултанское жертвоприношение», «Дом № 13», «Сорочинская трагедия», «Бытовое явление», «Дело Бейлиса».

Беспомощность прессы и ее бессилие огорчали писателя. Он писал А. Ф. Кони в связи с Мултанским делом, что печать пыталась сделать, что могла: «Но, конечно, она не могла почти ничего». По поводу статей «Бытовое явление» Короленко писал Л. Н. Толстому: «На непосредственный, практический результат… то есть на восприимчивость «хозяев жизни», я не надеюсь…»

И все-таки Короленко не складывая оружие, писал и боролся. Публицистика была его второй натурой. Он обладал «корреспондентской жилкой», боевым темпераментом публициста и часто чувствовал «влечение к газете и газетным откликам на каждое событие». Корреспонденция «В успокоенной деревне», написанная Короленко в Саратовской губернии, доставила автору некоторое удовлетворение уже потому, что «много мужицких голов зашевелилось над газетным листом».

…За девять дней до своей смерти Короленко направил председателю губернской Чрезвычайной комиссии последнее ходатайство за арестованного.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной публицистики.

№ 21. Байка «…Не называйтесь корреспондентом!»

Талантливый русский фельетонист В. Дорошевич говорил: «Наш брат журналист лишен всяких прав». В очерке «Как я попал на Сахалин» он картинно запечатлел свою беседу с приморским вице-губернатором.

«В губернаторской резиденции во Владивостоке Дорошевич отрекомендовался: «Корреспондент такой-то».

Вице-губернатор спросил:

– Гм… Вы что же, состоите по какому-нибудь ведомству?

– Нет… Я – корреспондент.

Дорошевич попросил ему помочь попасть на Сахалин. Сановник ответил:

– Гм… Если за советом, так вот вам мой совет. Прежде всего, не называйтесь корреспондентом!

– Почему же?

– Слово нехорошее. Его здесь не любят.

– Ну, сотрудник.

– Непонятно, с кем вы сотрудничаете и в чем.

– Журналист!

– Непонятно. "Журналисты" полагаются только в канцеляриях.

– Литератор!

– Тоже не следует.

– Писатель!

– Тоже нехорошее слово».

Мораль. В истории России были времена, когда слово «корреспондент» редко произносилось без презрительной усмешки.

Комментарий. О неприязни к журналистам в России на рубеже XIX – XX веков писал даже А. М. Горький, тогда сотрудничавший с «Самарской газетой». В Самаре к газетчику относились «как к врагу» и «свирепому супостату», его воспринимали как «отчаянного надоедника». Общество не признавало репортеров за людей, достойных внимания. Их упорно бойкотировали. «Человек общества» произносил слово «репортер» как что-то зазорное, стараясь «вложить в него как можно больше нелестных чувств».

В самарской городской управе измывались и потешались над газетчиками. «Г г. члены управы почуяли "скоропадента", – писал Горький. – Они стали издеваться и посмеиваться над ним,

лягая местную прессу и полагая, что делают это остроумно; много смеялись сами над собой жирным смехом людей, которым живется покойно, весело и сытно».

Диапазон применения байки. При обсуждении истории профессии «журналист».

№ 22. Байка «Срезать слабые побеги»

Однажды известного итальянского певца Тито Гобби спросили:

– Скажите, маэстро, строгий ли вы судья, когда бываете членом жюри на конкурсах?

– Да. Опера, как цветник: если вы хотите, чтобы выросли хорошие цветы, надо безжалостно срезать слабые побеги. Певец обязан быть большим мастером. Иначе пусть занимается чем угодно, только не пением.

«По-моему, это высказывание Тито Гобби можно полностью отнести и к журналистике, – писал известный репортер, один из создателей информационной телепрограммы «Время» Юрий Александрович Летунов. – *Ведь журналист в конечном итоге тоже певец своего времени! Сколько несчастных людей среди журналистов довелось мне встретить…».* Рассуждая о важности профессии, Летунов заметил, что «человек бывает счастлив, как известно, от двух позиций – выбора профессии и жены…»

Мораль. Многие упрощенно понимают профессию журналиста. Им кажется, что, стоит овладеть известным набором приемов, научиться бойко писать о любых вещах – и ты уже профессионал. На самом деле все гораздо сложнее.

Комментарий. Ю. Летунов ссылался на поэта М. Светлова, однажды высказавшего мысль, что вдохновение – отнюдь не «божественный глагол», вдруг осеняющий человека, а просто-напросто творческое возбуждение. И «оно является в результате накопленного опыта, богатства познанного материала, а также присутствия такого незначительного фактора, как талант. *Поскольку я уже упомянул о таланте,* – писал Светлов, – *мне хочется сказать о нем несколько слов. Должен прямо сказать, что в советской поэзии я прожил не всегда полезную, но долгую жизнь. Сколько раз мне приходилось – да и сейчас приходится – быть свидетелем того, как видимость таланта заменяла собой самый талант. Но видимость не может заменить суть, скандал – конфликт, а происшествие не заменит события, злость – гнев и хорошее отношение не заменит любви».*

Диапазон применения байки. При выборе профессии журналиста и при отборе абитуриентов на факультеты журналистики.

№ 23. Байка «Как иногда упускаются важные для журналистики факты»

Этот поучительный пример привел главный редактор газеты «Известия» А. Аджубей.

«Однажды в газету пришла небольшая корреспонденция о киргизском свекловоде Керимбюбю Шопоковой. Это была вполне добропорядочная информация, и ее вполне можно было опубликовать. Имелся в корреспонденции и синий дымок над полями, прямая речь героев и прочие атрибуты. Однако она не трогала. В ней не было портрета человека; мы не знали, о чем думает эта женщина и почему добивается успеха. Мы не узнали, сколько ей лет, какие у нее глаза, сколько человек в ее семье, как она живет и о чем думает.

Я говорю не об анкетных данных, а об образе человека. В корреспонденции была одна фраза: "Керимбюбю Шопокова – Герой Социалистического Труда". И вот к нам пришла работница бюро проверки и сказала:

– Я сверяла фамилию этой женщины. Видимо, она – жена Героя Советского Союза Шопокова, который среди 28 гвардейцев-панфиловцев погиб под Москвой.

Мы в редакции задумались: как много пропустил корреспондент, раз не увидел в судьбе этой простой киргизской женщины величия и сложности истинного подвига! Муж – Герой Советского Союза, киргиз, погиб под Москвой. Как выяснилось позже, его жена, маленькая киргизская женщина, долгое время не могла прийти в себя от горя. Но потом нашла силы и мужество преодолеть боль утраты и начала трудиться…»

Мораль. Так мы иногда упускаем важные для журналистики факты.

Комментарий. Те, кто работал с Алексеем Аджубеем, вспоминают, что в информации из нескольких строк он мог увидеть тему газетной статьи или очерка. Например, еще будучи главным редактором «Комсомольской правды», на одном из редакционных совещаний он зачитал с тассовской ленты коротенькое сообщение об обнаружении и успешном обезвреживании в городской черте Курска склада артиллерийских снарядов, оставленных гитлеровцами при отступлении. «Это подвиг, – воскликнул Аджубей, – достойный газетной полосы с упоминанием поименно героев-саперов, а не такой анонимной реляции!» Вскоре известный публицист Аркадий Сахнин по заданию «Комсомольской правды» съездил в Курск, и в газете

появилась полоса «Эхо войны». Резонанс публикации был огромный – газету рвали из рук. Имена саперов перекочевали с газетной страницы в сухие строки Указа о правительственных наградах, а сами эти два слова дали имя рубрикам в сотнях изданий…

Диапазон применения байки. При рассмотрении роли факта в журналистике.

№ 24. Байка «Знать предмет, о котором пишешь»

Писатель Николай Погодин рассказал об одном случае из своей журналистской практики, когда ему было поручено написать для газеты материал о добыче нефти в Азербайджане.

«…В “Азнефти” мне дали автомобиль. Я объехал промыслы, посмотрел и поговорил с людьми. Увидел буровые вышки и насосы. Тишина. Чистота. Хожу целую неделю и чувствую, что не могу ничего написать. Мне стало страшно. Я не выполнил задание…

Пошел к главному инженеру и попросил его помочь подобрать мне литературу по нефти: от популярной до специальной. Главный инженер составил список книг. Я засел за них в гостинице. Жара в Азербайджане стояла ужасная – до сорока градусов… Я обливался потом, но как ученик читал все, начиная от происхождения нефти и заканчивая описанием современного в то время бурового инструмента под названием “рыбий хвост”.

Затем я снова поехал на промыслы. И то, что до сих пор молчало, заговорило. Я начал разбираться в вопросах добычи нефти. Люди говорили со мною с уважением.

Я тогда написал очерк на “подвал”, в котором рассказал о новшествах в нефтедобыче, техническом перевороте на Апшеронском полуострове и показал его заместителю начальника “Азнефти”. Тот прочел и сказал: “Тебя можно назначить начальником нефтяного района: так написать может только человек, знающий дело”. Для меня это был лучший комплимент».

Мораль. Чтобы передать в материале суть дела, журналисту надо знать его основы.

Комментарий. В работе журналиста можно выделить два основных слагаемых профессионализма: о чем писать и как писать. Это особенно хорошо видно на примере творчества Анатолия Аграновского. К какой бы теме он ни обращался, всякий раз перед ним вставала проблема изучения новой сферы. Он не мог заранее знать все тонкости строительного, финансового, авиационного, торгового, ресторанного и других дел, затрагиваемые в творчестве. Однако у него был особый талант легко входить в новую тему. Так, в работе над очерком о докторе Федорове журналист настолько изучил офтальмологию, что его собеседники из специализированного НИИ посчитали, что разговаривают с коллегой. Аграновский всегда досконально знал предмет, о котором писал.

Диапазон применения байки. При изучении основ творческой деятельности журналиста.

№ 25. Байка «Опасно быть журналистом»

В ноябре 2011 года главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в СМИ Павел Гусев заявил, что за 10 месяцев 2011 года «более 150 журналистов в нашей стране были избиты, покалечены или подверглись угрозам». «При этом не заведено практически ни одного уголовного дела», – подчеркнул он.

Мораль. В современной России опасно быть журналистом, очень опасно писать о коррупции и быть человеком, который говорит то, что думает.

Комментарий. Когда осенью 2010 года в России за неделю избили двух журналистов и одного активиста природоохранного движения, шокировал даже не целенаправленный садизм, с которым калечили одного из них – корреспондента «Коммерсанта» Кашина (ему сломали челюсть, пальцы и ноги, чтобы он несколько месяцев не мог говорить, писать и ходить), – а оргия злорадных комментариев в Интернете, появившихся в ответ на статью о несчастье с Кашиным: «Еще одного писаку опустили», «Он получил то, что заслужил», «Почему к нему такое внимание, ведь простых людей калечат и убивают каждый день». Видимо, такое же настроение было у следователей, передавших таблоиду видеозапись жестокого избиения журналиста с камеры наблюдения, а затем высказавших свое мнение – что причиной нападения не являлась профессиональная деятельность Олега.

В СМИ прошло сообщение, что сотрудник милиции сказал людям, собравшимся возле здания Центрального следственного управления с требованием предпринять активные действия против напавших на Кашина: «Вы, журналисты, сами виноваты в таком к вам отношении». «Это все равно, что обвинить жертву изнасилования в том, что она сама спровоцировала насильника, или актера в том, что он сыграл плохого парня», – прокомментировал эти слова Алексей Ковалев – российский журналист, который живет и пишет в Британии. Он считает, что это какая-то средневековая потребность убивать вестника, принесшего дурные вести, и она наносит огромный ущерб журналистам в России. И нельзя во всем этом винить Путина. «Одно время я работал редактором клубной странички в журнале “Time Out Moscow”, – вспоминает журналист, – и мне порой звонили среди ночи нанюхавшиеся кокаина владельцы клубов, угрожая меня найти. Причина? Строчка в обзоре, где я смиренно жаловался на отсутствие вентиляции или на невкусный коктейль.

Видите ход мысли? Они не устанавливают кондиционер и не делают выговор бармену за то, что тот разбавляет напитки водой. Нет! Они бросаются в погоню за журналистом, который нашел недостаток в их работе. А теперь представьте себе, что может случиться, если речь идет о многомиллионной незаконной сделке».

Из всего сказанного делается вывод, что в бедах и несчастьях журналистов виноваты не Путин и не Медведев. Но у них есть средства и возможность это остановить. Провести честное и публичное расследование, наказать виновных. Чтобы вся Россия и мир это увидели. Есть надежда, что случившееся послужит уроком тем, кто считает прессу досадной помехой, мешающей накапливать несметные богатства. А потом надо будет заняться отношением к прессе.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем современной российской журналистики.

№ 26. Байка «Случай на экзамене»

В пору поступления абитуриентов в вузы в редакцию газеты «Московский комсомолец» пришел материал, в котором сообщалось следующее.

Человек провалился на экзамене во ВГИК. Ему сказали: «Нет актерских данных». Бывает – не всем же быть киноартистами. Но на следующий день в институте появилась тетя провалившегося Юрия Майорова и потребовала, чтобы ее «бесподобно талантливого» племянника немедленно зачислили в вуз.

Экзаменаторы протестовали, но от тети было трудно избавиться. Она ходила по институту и всем надоедала. Наконец секретарь приемной комиссии предложил ей уйти. Тогда женщина подошла к одной из преподавательниц и, намекая на знакомство, спросила в упор:

– Вы меня и впрямь не узнаете, Эмма Кирилловна?

– Я вас не знаю. И никогда раньше не видела, – последовал ответ.

Тетя вдруг резко схватилась за волосы и сняла парик. Перед изумленными преподавателями предстал вчерашний абитуриент Юрий Майоров.

Еще раз проверив во ВГИКе факты, редакция «Московского комсомольца» сочла возможным опубликовать 16 сентября 1956 года небольшую заметку об этом случае на экзаменах.

Сотни читателей заинтересовались судьбой Юрия Майорова. Теперь замять дело было нельзя. Редакция нашла Майорова в Ульяновске, и он приехал в Москву, предстал перед авторитетной комиссией мастеров Малого театра. Большая и благожелательно настроенная комиссия по-отечески сказала юноше: «Дружок, актера из тебя не выйдет».

Мораль. Стоило ли газете публиковать заметку об этом случае на вступительном экзамене во ВГИКе?

Комментарий. На поставленный выше вопрос главный редактор «Московского комсомольца» ответил так: *«Думаю, что стоило. Ведь об этой истории по городу поползли слухи. Надо было рассказать читателям, как действительно обстояли дела. Была польза и для самого Майорова: если в первый раз он уехал с чувством горькой досады, сетуя на несправедливость, то сейчас юноша понял, что у него нет необходимых для актера данных и начал готовиться к поступлению в другой институт».* (Советская печать. 1956. № 11.)

Диапазон применения байки. В качестве примера к тому,

что редакция стремится сделать интересным каждый свой материал.

№ 27. Байка «Журналист – член экипажа»

В марте 1966 года министр обороны СССР, маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский торжественно сообщил: «Несколько дней назад успешно закончен кругосветный поход группы атомных подводных лодок в подводном положении». А через два дня газета «Красная звезда» стала печатать серию репортажей «Вокруг света на подводных атомоходах». Их автор, специальный корреспондент газеты, капитан 2 ранга Г. Савичев, начиная свой рассказ о полуторамесячном подводном рейсе вокруг «шарика», писал:

«…Цель моей командировки была сформулирована довольно общо – на корабли флота. Это обычная запись, но я догадывался, что предстоит не совсем обычное дело, так как мне пришлось пройти специальную медкомиссию. А чтобы показаться на комфортабельном океанском лайнере, врачебные освидетельствования, как известно, не проходят. Следовательно, предвиделось нечто другое».

Особенность этого похода для военного журналиста состояла в том, что в таком длительном походе на боевом корабле каждый должен выполнять определенные функции. Корреспондент еще накануне выхода в плавание был назначен в определенную смену и как все члены экипажа получил специальную одежду, белье и постельные принадлежности. Вместе с членами экипажа он должен был по сигналам боевой и аварийной тревоги занять свое место в отсеке, жить теми же заботами, волнениями и хлопотами, которыми живет каждый обитатель атомохода. Но журналист везде, в том числе под водой, остается журналистом. Разумеется, его главным оружием были авторучка, блокнот и фотоаппарат – репортажи иллюстрировались снимками автора. Наши корабли прошли, ни разу не всплыв на поверхность океана, около 40 тысяч километров в разных районах мирового океана, где не было советских баз и портов. Курс проложили вокруг Южной Америки, через пролив Дрейка, среди ледяных полей и айсбергов Антарктики.

Мораль. Во время Второй мировой войны журналисты в погонах нередко становились членами экипажа бомбардировщика, входили в расчеты боевых машин и т. п., чтобы вести достоверные и динамичные репортажи. Эта традиция продолжилась и в послевоенные годы.

Комментарий. Журналисты военных изданий были офицерами, принимали военную присягу и в боевой обстановке вели себя как солдаты. Таким в годы Великой Отечественной

войны был, например, журналист С. Борзенко, имевший звание майора. В наградном листе о нем говорилось следующее:

«Писатель армейской газеты “Знамя Родины” (18-я армия) майор Борзенко С. А. высадился на берег Крыма в ночь на 1 ноября с первым десантным отрядом 318-й Новороссийской стрелковой дивизии. Этот отряд… с ходу вступил в бой с сильно укрепившимся противником.

Когда гитлеровцы бросили в контратаку танки, прорвавшиеся на сто метров к командному пункту отряда, Борзенко вместе с офицерским составом отбивал гранатами в передовой цепи подошедшие танки, лично показывая пример, руководил бойцами.

Все время находясь в десанте, Борзенко лично участвовал в отражении непрерывных контратак, число которых в первые дни доходило до 17–18. Несмотря на тяжелые условия десанта, Борзенко выполнял и свою непосредственную работу – обязанность военного корреспондента армейской газеты “Знамя Родины”…

Писатель Борзенко неоднократно принимал участие в боях и отдельных боевых операциях. Осенью 1942 года он участвовал в диверсионном отряде, направленном в тыл врага северо-восточнее Туапсе. Около трех месяцев провел в десантных частях, действовавших под Новороссийском в районе Мысхако. Участвовал в штурме Новороссийска и во всех последующих боях на Таманском полуострове.

За проявленный героизм, мужество и отвагу в десанте на крымский берег майор С. А. Борзенко вполне заслуживает правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза».

Диапазон применения байки. При изучении истории военной журналистики.

№ 28. Байка «Отступила от текста, ранее согласованного…»

Письмо заместителя главного редактора Главной редакции телевизионных программ для детей и молодежи В. Магидова в партийную организацию Института философии АН СССР о поведении Н. Ф. Наумовой. 5 марта 1964 года.

«21 февраля с.г. группа сотрудников Вашего института, молодых ученых-социологов, принимала участие в телевизионной передаче “Молодые ученые – о науке”.

В ходе передачи сотрудник Вашего института тов. Наумова Н. Ф., произвольно отступив от ранее согласованного текста, заявила, что на одном из Московских заводов число рабочих, недовольных работой, составляет 30 %.

В тексте, предложенном тов. Наумовой Н. Ф. перед передачей и утвержденном нами, была указана цифра 14 %.

Отступив от текста, тов. Наумова Н. Ф. тем самым дезориентировала телезрителей.

Доводя до Вашего сведения этот факт, просим Вас разобраться в случившемся и сообщить нам о результатах.

Зам. главного редактора В. Магидов».

(Н. Ф. Наумова сохранила подлинник этого письма в личном архиве.)

Мораль. *«…Нужно, чтобы журналисты Центрального телевидения не забывали о том, что существует много форм, способов и приемов оживления передач*, – говорил академик И. И. Артоболевский (1965 год). – *Хочется, в частности, чтобы они отказались от широко практикуемого приглашения в телестудию людей для выступления по заранее готовому тексту, “проверенному” на случай, “как бы чего не вышло”. Ничего хорошего из этого не выходит, потому что мне, зрителю, скучно слушать, как читают по бумажке».*

Комментарий. *«Основная слабость нашего телевидения,* – отмечал писатель Вадим Кожевников (1964 год), – *заключается в том, что оно стало не столько школой ораторов, сколько репетиционным ателье докладчиков. Я же, глядя на телеэкран, хочу слушать живой диалог и видеть перед собой тех людей, чьи мысли и познания представляют всеобщий интерес. Такие люди сами испытывают потребность вести разговор со зрителями естественно и непринужденно».* (*Кожевников В.* Не доклад, а беседа, диалог // Журналист. 1965, № 1. С. 35.)

Диапазон применения байки. При изучении истории

отечественной журналистики и цезуры СМИ.

№ 29. Байка «Псевдоним-фамилия»

Татьяна Николаевна Сосюра вошла в советскую журналистику под фамилией-псевдонимом Тэсс. Слова «псевдоним» и «фамилия» написаны через дефис не случайно. Когда она, юная поэтесса, приехавшая из Одессы в Москву без денег и связей, с одной наивной верой в свою звезду, начала путь в журналистике, встал вопрос о псевдониме. Дело в том, что фамилия Татьяны Николаевны хорошо известна в литературе – Сосюра. Она не посчитала возможным ею воспользоваться. Ей казалось неудобно ставить фамилию известнейшего украинского поэта под стихами начинающей поэтессы. Друзья подсказывали разные варианты псевдонимов. Но все они не нравились: одни являлись производными от уже известных, другие просто были не по душе.

В эти дни в Москве произошло событие, которое с высоты нашего времени может показаться не таким уж значительным, но тогда привлекло всеобщее внимание – открылся планетарий. Юная журналистка побывала там, впервые в жизни так близко увидела бездонное небо и Южный Крест. Она написала об этом взволнованный, поэтичный очерк и отнесла его в только что открывшийся журнал «Наши достижения». Очерк был подписан «Тэс», что, по мнению автора, расшифровывалось как «Татьяна Сосюра». Его прочитал Алексей Максимович Горький. Приговор был кратким, но в стиле того времени: очерк для журнала «Наши достижения» не подходит, но ввиду несомненного дарования автора его следует опубликовать.

Когда Алексей Максимович поинтересовался происхождением «странного» псевдонима, Татьяна Николаевна объяснила его «родословную» и застенчиво добавила: «Я больше не буду». Улыбнувшись, Горький сказал ей: «Если вы выбрали для себя такой псевдоним, оставляйте. Будете писать хорошо, его вам простят и даже запомнят. А если будете писать плохо, никакой псевдоним не поможет, даже самый красивый».

Со временем к Тэс добавилось еще одно «с» – уже из соображений благозвучия. И произошел тот редкий случай, когда псевдоним практически заменил фамилию: в паспорте Татьяны Николаевны он стоял на первом месте, а в скобках – фамилия.

Мораль. Слово «псевдоним» имеет греческое происхождение и в переводе означает «ложное имя». Право на псевдоним есть у любого автора. Им может подписаться любой, не только маститый автор. Нередко псевдоним вытесняет подлинную

фамилию и становится постоянным именем автора, как и случилось в рассказанной истории.

Комментарий. Псевдонимом часто пользуются не только литераторы и журналисты, но художники, артисты, ученые, общественные деятели. Бывает, авторы публикуются под разными псевдонимами. Например, у Вольтера было свыше 160 имен. Иногда под одним псевдонимом выступает сразу несколько авторов (Кукрыниксы – это художники Куприянов, Крылов и Соколов).

Обычно псевдоним оговаривается в авторском договоре. Его раскрытие без согласия автора в период действия договора не допускается, за исключением случаев, когда использование «ложного имени» противоречит интересам общества. Например, если это делается в целях фальсификации авторства.

Кстати, вымышленную фамилию далеко не всегда ставят, чтобы скрыть от читателя истинную. Нередко под одним и тем же псевдонимом в газете выступает целый авторский коллектив, разные журналисты поочередно. Так, в газете «Известия» была рубрика «Удивительные истории». В ней рассказывалось о случаях лихоимства, очковтирательства, головотяпства. Читатели оценили иронию автора П. Корягина: речь шла не столько об удивительных, сколько о возмутительных историях. О популярности рубрики говорил поток писем в отделе фельетонов «Известий», в которых читатели сообщали о том, что вызывало у них протест, и просили П. Корягина написать «удивительную историю». А под псевдонимом «П. Корягин» творили фельетонисты С. Руденко и Э. Пархомовский. Бывает, что журналист выбирает себе постоянный псевдоним для выступлений определенного рода, например для статей на моральные темы или фельетонов, и читатели знают, кому он принадлежит. Иногда в номере шли сразу два материала автора, что в советское время не допускалось, поэтому один из них подписывался подлинным именем, другой – псевдонимом. В 1930-е годы в одном номере «Правды» сошлись две статьи ее киевского корреспондента Д. Ортенберга. По телефону его попросили назвать псевдоним, а так как журналист раздумывал, его поторопили:

– Давай назовем по имени жены. Как ее зовут?

– Лена.

– Нет, такой уже есть. А как зовут сына?

– Вадим.

Так у известного журналиста Ортенберга появился псевдоним «Вадимов», которым он подписывался и в газете «Красная звезда», будучи ее главным редактором в начале Великой Отечественной

войны.

Под критическим выступлением хотя и было предпочтительно видеть настоящее имя автора, но не обязательно.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики.

№ 30. Байка «Наблюдал за конференцией… из-под стола»

Французский писатель Анри Беро в очерке о начале своей журналистской карьеры пишет, что в 1919 году, во время Парижской мирной конференции, он получил от главного редактора газеты «Эвр» задание написать отчет об этой конференции. Шеф сказал: «Пресса не получила ни одного входного билета. Вам придется туда проникнуть и дать в нашей газете точный, живой, подробный и литературный отчет обо всем, что вы там увидите!»

На другой день Беро отправился к зданию Министерства иностранных дел, вокруг которого не было недостатка в полицейских нарядах, подождал приезда президента Республики на открытие конференции и «понял, что дальше ему размышлять не следует», а надлежит проникнуть в здание министерства.

Наблюдая с четверть часа, он заметил, что делегаты, согласно установленному порядку, которому подчинялся сам покойный президент Вильсон, поднимались по большой лестнице, держа шляпы в руках. Беро пришло в голову, что эта манера, не лишенная некоторой торжественности, даст возможность новичку-репортеру, каким он являлся, стать блестящим подобием полномочного министра. И он не ошибся.

Беро рассказывает, что, проникнув таким образом в здание министерства, он обнаружил, что все места в зале конференции пронумерованы и на каждом столике – карточка с фамилией лица, которое должно было его занять. В конце концов Беро юркнул под один из накрытых сукном столов в служебной части помещения конференции и там «занял позицию» для написания своего отчета.

Мораль. Способ получения информации, описанный Беро, отнюдь не является исключительным и анекдотичным в истории журналистики. Подобные случаи запечатлены и в российских мемуарных документах. Так, в воспоминаниях Алексея Максимовича Горького есть ссылка на «подвиг» репортера газеты «Нижегородский листок» Анны Николаевны Шмит, которая с целью написать отчет о заседании Земской управы уговорила сторожа спрятать ее в шкафу в том зале, где происходило заседание. Так Шмит смогла подготовить обстоятельный отчет, который, однако, редакция газеты не решилась напечатать.

Комментарий. Разумеется, такие способы получения

информации не являются легитимными. Современная техника позволяет журналистам получать информацию с заседаний, конференций и других мероприятий, куда не допускают представителей СМИ, более изящным манером. Но вправе ли они ее публиковать?

Корреспонденты качественных СМИ описывают события, свидетелями которых они являлись и в которых принимали участие. Главное же требование к корреспонденту заключается в том, что он должен дать точную информацию, полностью соответствующую описываемым явлениям и событиям.

Диапазон применения байки. В ходе обсуждения методов сбора информации журналистом.

№ 31. Байка «Изобретательность в получении информации»

Французский журналист Гастон Леру, работавший корреспондентом газеты «Матэн» в Петербурге в начале XX века, описал в своей книге «Одна из побед Рультабия» интересный случай, как можно получить информацию:

«Это было в Петербурге в конце Русско-японской войны. Все испытывали некоторое беспокойство по поводу ориентации, которую собиралась продемонстрировать Россия в своей политике. У власти стоял Витте, и Берлин был преисполнен любезности. Однажды утром я иду к нашему послу, г-ну Бомпару и сообщаю ему такую необычайную новость, что он отказывается верить – о предстоящем в ближайшем будущем свидании царя с Вильгельмом II.

– Откуда у вас такие невероятные сведения?

– Не могу вам сказать, господин посол. Я поклялся держать это в тайне!.. Но я уверен, что это правда.

В тот же день я телеграфировал в "Матэн". Это вызвало общий крик негодования… Мое мнение оспаривали все коллеги и агентства. Русский министр иностранных дел Ламсдорф ответил журналистам, собравшимся в его кабинете, ручаясь своим честным словом, что известие было ложным…

"Матэн" мне телеграфировала, запрашивая, подтверждаю ли я мое сообщение. Я ответил: "Перед всеми и против всех".

Я виделся с послом, который мне сказал:

– Не думаете ли вы, что если бы предполагалось свидание двух императоров, то об этом не знал бы министр иностранных дел? Над вами посмеялись!

Однако мое спокойствие произвело на него впечатление.

Тем временем премьер-министр Витте прибыл в Париж, направляясь в Портсмут, где он должен был подписать условия мира с Японией. Он заявил в печати, что не слышал разговоров о подобной встрече.

Снова запрос из "Матэн" и тот же ответ: "Ничего не изменилось касательно вопроса о предстоящем свидании двух императоров. Оно будет". И я указал день и час.

Оно действительно произошло в балтийских водах, на борту яхты "Полярная звезда", которая встретилась с яхтой Вильгельма…

Как мог я узнать то, что не знали премьер-министр, министр иностранных дел и посол?

Очень просто. Николай II мог скрыть от министра, что собирался встретиться с Вильгельмом, но он должен был сказать своему повару, что в такой-то день дает торжественный обед на борту яхты со всей пышностью и этикетом, который полагается в присутствии коронованной особы».

Леру находился в дружеских отношения с обоими главными поварами Николая II и от них получил информацию, которая своей неожиданностью потрясла Европу.

Мораль. Описанный Гастоном Леру вариант получения информации – не редкость в журналистской практике, как раньше, так и сейчас. В этом их труд сродни профессии разведчика.

Комментарий. Корреспонденты-международники и журналисты, пишущие на политические темы, ориентируются на успешное решение задач путем анализа процессов, которые происходят в конкретной стране. Здесь очень важно знать историю, экономику, социальные процессы и другие аспекты развития данного государства; владеть методами политического анализа. Журналисты должны понимать и видеть связь разных явлений общественной жизни между собой и с событиями мировой истории, на международной арене. Им следует научиться предвидеть события и явления, быть готовым к ним, а не застигнутыми врасплох. В недавнем прошлом руководители отечественных СМИ заявляли, что не требуют от своих корреспондентов той изобретательности в получении информации, которую описал в «Одной из побед Рультабия» французский журналист Гастон Леру.

Диапазон применения байки. При рассмотрении деятельности журналиста-международника.

№ 32. Байка «Вы – первый журналист, который написал про меня бесплатно»

Эту историю из редакционной жизни поведала журналистка А. А. Поводом для разговора на данную тему стало сообщение о редакторе газеты, который решил немного подзаработать и потребовал от местной фирмы, размещавшей в газете рекламные материалы, определенную денежную сумму для себя лично.

«…В своем кругу многие журналисты, не стесняясь, рассказывают о размерах взяток, полученных от фирмы или человека, жаждущего известности. Никого не поражает вопрос: "Слушай, у тебя нет «денежного мешка», который хочет, чтобы про него написали всего за 300–400 долларов?". И вот уже по телевизору молодой человек с грузинской фамилией радостно сообщает, что он берет деньги и тем самым делает профессию журналиста "престижной".

"Виртуозы" второй древнейшей профессии – те, чьи ставки высоки; их женам дарят костюмы за полторы тысячи долларов и с ними нельзя ссориться. Иначе вы будете обильно политы грязью и старательно изолированы от прессы и телевидения.

Как-то милейшая ведущая на телевидении, организатор собственного салона, пригласила на передачу известного московского модельера.

– Вы не могли бы помочь мне подобрать костюмы для передачи? – спросила ведущая. Модельер согласилась, но потом стала ее избегать, так как эта и следующая передачи обошлись ей в двенадцать костюмов, каждый из которых оценивался примерно в 300 долларов. Кстати, салон у ведущей – раз в неделю, и на встречу с ней обычно приходят пять-шесть человек.

С другой стороны, журналисту необходимы навыки бизнесмена и терпение гадюки. Ведь стоит ему позвонить на фирму и договориться об интервью, как в ответ вкрадчивый голос спрашивает: «Сколько?». Здесь важно или не прогадать, или сохранить достоинство. Однажды я написала об одной деловой даме, авторе интересного изобретения. Она позвонила мне на следующий день после публикации:

– Запишите новый телефон нашей фирмы, который вы сообщите читателям, позвонившим в редакцию. Кстати, ваша статья могла быть и побольше.

– Я думала, вы позвонили поблагодарить за публикацию, – сказала я ехидно.

– Конечно-конечно, – защебетала дама, – сейчас мы оговорим размер "благодарности" и сегодня же вы можете подъехать за деньгами.

Когда я отказалась, женщина-изобретательница была поражена: "Вы – первый журналист, который написал про меня бесплатно". По ее тону я поняла, что она считает меня слабоумной».

Мораль. Публикация материала за финансовое или иное материальное вознаграждение должна быть исключена из практики сотрудника СМИ как не соответствующая профессионально-этическим нормам журналиста.

Комментарий. Помимо денежных сумм, предлагаемых журналистам за публикацию сведений или чьих-то мнений, угрозу для свободы принятия решений сотрудниками СМИ и редакциями представляют разного рода приглашения и подарки. Подарками считаются материальные и не материальные льготы любого рода. Например, получение рекламных образцов или оплаченные туристические поездки. В Кодексе профессиональной этики российского журналиста есть однозначно запретительная норма: «Журналист вообще не должен принимать ни прямо, ни косвенно никакие вознаграждения или гонорары от третьих лиц за публикацию материалов и мнений любого порядка».

Диапазон применения байки. При обсуждении вопросов журналистской этики.

№ 33. Байка «…Не хотел вас подводить»

Эта история из журналистской практики Георгия Кузнецова, известного исследователя телевидения и преподавателя факультета журналистики МГУ, в 1960-е годы работавшего на областном телевидении.

«…Шел очередной репортаж "Молодежь – в сферу обслуживания". Телекамеры, установленные в ресторане, наблюдали за работой молодых официантов, представляли их зрителям. А потом журналист прошел по залу с микрофоном, спросил у людей, как их обслужили.

За одним из столиков сидели юноша и девушка. Увидев перед собой микрофон, девушка от смущения не смогла произнести ни слова. Корреспондент извинился и обратился к ее спутнику. Тот отвечал бойко: покормили вкусно, официантка была внимательна, и вообще все хорошо…

Потом журналист случайно встретил молодого человека в гардеробе, и они вместе вышли на улицу.

– Вы знаете, – сказал молодой человек, – нас очень долго обслуживали, мы целый час ждали бифштексы, а потом их принесли холодными и жесткими, даже нож не взял.

– А почему вы говорили совсем другое?

Парень заговорщически усмехнулся:

– Я же разбираюсь в политике! Не хотел вас подводить».

Мораль. *«Так возвращается и бьет по голове бумеранг, который мы сами же и запускаем,* – объяснял случившееся тележурналист. – *Репортажи-инсценировки сделали свое дело. Теперь многие зрители постигли "правила игры"».*

Комментарий. Обращаясь к коллегам, Г. Кузнецов говорил, что мы сами породили стереотип театрализованных репортажей. «Воспитали» зрителя по своему образу и подобию. Приучили к тому, что на экране все разыгрывается, как по нотам: репортер в нужном месте обязательно встречает нужного человека, который дает краткий обзор достижений за последний период. Если верить экрану, то все продавцы вежливы с покупателями, бифштексы хорошо прожарены, планы перевыполняются и даже силы природы ведут себя вполне прилично, а самолеты летают без аварий. И вот теперь, когда журналисты пытаются поломать эти «правила», многоопытный телезритель сразу уличает: товарищи, вы допустили оплошность!

Диапазон применения байки. При изучении истории советской тележурналистики.

№ 34. Байка «Токийская Роза»

В сентябре 1945 года, после победы над Японией, командующий 8-й армией США генерал Роберт Ейчелбергер вызвал арестованную сотрудницу «Радио Токио» Иву Тогури, которую американские власти хотели судить за предательство, и попросил ее сфотографироваться рядом с ним. Затем он спросил девушку, получила ли она пакет с пластинками, подписанный «Для Токийской Розы», который он приказал сбросить с Б-29 над Токио. И еще поблагодарил ее за замечательную музыку, которую она ставила для американских солдат в прямом эфире.

Мораль. Это единственный случай в истории, когда крупный военачальник оказал такую высокую честь сотруднику информационной службы противника, целью деятельности которой было разложение войск под его командованием.

Комментарий. Ива Тогури, или «Токийская Роза», как ее называли американские солдаты, – женщина-легенда, которую американские исследователи военной пропаганды называли «самой опасной и соблазнительной из всех ведущих, работавших на вражеских радиостанциях, вещавших на заграницу». Ей приписываются сверхъестественные способности воздействия на американских солдат, 70 процентов из которых предпочитали передачам из США волнующие трансляции «Радио Токио», где женщина с прекрасным голосом призывала их покинуть свои позиции и вернуться домой, прерывая монологи популярными джазовыми хитами. Японские военные психологи предполагали, что программы с джазом вызовут у вражеских солдат тоску по дому и приведут к потере желания воевать. Однако этого не произошло. Рядовые и офицеры – американцы с удовольствием настраивали свои радиоприемники, просто чтобы послушать джаз.

Иву Тогури называли самым популярным диск-жокеем всех времен и народов, хотя она стала ведущей случайно. Эта тихая и скромная девушка, родившаяся в США, приехала в Японию навестить родственников незадолго до нападения на Перл-Харбор, после которого она, несмотря на все усилия, не смогла покинуть страну и была вынуждена пойти работать на радио, поначалу машинисткой в иновещательной радиослужбе NHK. С 1943 года она заняла место ведущей вечерней программы «Ноль часов». Как отмечают исследователи, поменять американское гражданство на японское Тогури отказалась, заявив: «Тигр своих полос не меняет» (намек на звездно-полосатый американский

флаг).

Она приветствовала американских слушателей как «Сиротка Эни». 22 февраля 1944 года Тогури начинала свою передачу словами: «Эй, там, привет всем врагам! Как делишки? Это Эни на волнах “Радио Токио”, и мы уже вот-вот начнем нашу регулярную музыкальную передачу… Новости в программе “Ноль часов” для наших друзей… То есть врагов! На территории Австралии и Тихого океана… Так что будьте начеку и следите за тем, чтобы дети ничего не слышали… Все готовы?.. Первый удар по вашей морали наносят “Boston Pops” песней “Srike Up The Band”».

Тогури призывала своих слушателей петь вместе с пластинкой, а потом замечала, что «сиротский хор» не слушается, комично разыгрывала обиду: «Что с вами не так, неблагодарные негодники? Я просто мечтаю пойти с вами поиграть с москитами!» Готовя своих «доблестных бритоголовых» (так называли морских пехотинцев) к «порочному удару по нравственности», Сиротка Эни забавно рассуждала на тему дискомфорта тропического климата («многовато москитов, маловато пива») и ставила пластинки со свежими джазовыми хитами… Тогури всегда разговаривала со слушателями медленным полушепотом. Многие солдаты характеризовали ее голос как «завораживающий» и «чарующий». «Токийская Роза» безраздельно властвовала в эфире.

Феномен ее влияния на солдат – совокупность многих факторов. Прежде всего, нервное истощение, которое наступает после долгих месяцев непрерывных боев в джунглях, которые значительно затрудняют выполнение любых боевых задач. Одичавшие солдаты, много месяцев не видевшие женщин, слышали очаровательный голос из радиоприемника, который не просто что-то монотонно бубнил, а представал милым и живым собеседником. «Радиогейша» – вот одна из характеристик деятельности Тогури, которую дают исследователи военной пропаганды на Тихоокеанском театре военных действий. Она умела усладить слух любого американца разговором, который был абсолютно близок и понятен – ведь именно так дома с ними разговаривали жены и подружки. При этом Тогури добавляла огромную долю своего личного, азиатского шарма. Именно поэтому она считается одним из главных секс-символов Второй мировой войны наряду с Марлен Дитрих и Мэрилин Монро. Она была не такой, как другие дикторши того времени. Ее главное оружие – язвительность. Она шутила наравне с мужчинами, и ее шутки действительно их задевали! К тому же не следует забывать,

что слушатели никогда не видели Тогури, и каждый мог представить ее себе именно такой, какой ему хотелось бы видеть…

Первый суд освободил Иву Тогури за отсутствием улик. Однако журналисты Херста не могли допустить, чтобы такой прекрасный повод для публикаций пропал. Коллеги-журналисты развернули в американской прессе целую кампанию по оклеветанию радиоведущей и стимулировали новый суд, приговоривший японку к десяти годам тюрьмы, из которых она отсидела только шесть, получив освобождение за примерное поведение. В 1977 году обвинение сняли, так как выяснилось, что часть свидетельских показаний были ложными. Ива Тогури скончалась в 2006 году в Чикаго.

Диапазон применения байки. При изучении роли журналистики в информационных войнах.

№ 35. Байка «Бродят здесь корреспонденты…»

Почти на каждой войне у журналистов появляется своя песня. Известный русский журналист В. П. Буренин писал, что на Русско-турецкой войне 1877–1878 годов он в компании с другими журналистами пел песню военного корреспондента, в которой были такие слова:

«Бродят здесь корреспонденты,
Раздает им всем патенты
Русский колонель.
Получив с печатью бляху,
Тянут день и ночь с размаху
Всяку канитель…»

Мораль. В словах песни показано положение военного корреспондента на войне.

Комментарий. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в России впервые появился «институт» военных корреспондентов, разработали правила их пребывания на территории, где идут военные действия. Военный министр Д. А. Милютин, имея в виду потребность российской и западноевропейской публики в своевременных сведениях о ходе войны и неизбежность гласности, так как журналисты, не будучи допущены в армию, все равно найдут возможность следить за ее действиями издали и транслировать слухи, полагал за благо допустить присутствие корреспондентов на войне. Учитывалось и то, что русское общество, волновавшееся за судьбу братьев-славян, хотело больше знать о происходящем.

В начале войны при штабе действующей армии ввели специальную должность, на которую назначили полковника М. А. Газенкампфа, до войны преподававшего в Академии Генерального штаба (впоследствии – генерал и губернатор Астрахани). Ему поручили вести журнал военных действий, составлять срочные донесения для царя и заведовать делами печати при армии. Он же должен был разработать основания для допуска в войска корреспондентов и правила для них. Вскоре предложенный им проект документа был одобрен, и главнокомандующий Дунайской армией, Великий князь Николай Николаевич – старший издал приказ № 87, которым разрешал корреспондентам русских и иностранных изданий

сопровождать войска на театре военных действий.

Газенкампф писал по этому поводу:

> *«Условия столь умеренны, что, без сомнения, достаточно предрасположат в нашу пользу представителей печати. Если же некоторые корреспонденты все-таки будут писать о нас в недружелюбном тоне (исполняя при этом принятые на себя обязательства), то этим можно бы пренебречь, ибо тем авторитетнее будут для общественного мнения дружелюбные о нас сообщения. Требование дружественного тона от корреспонденции, равно как и предварительная их цензура, будут нам же во вред: то и другое получит немедленную огласку и положит прочное основание недоверию публики к тем корреспондентам, которые будут допущены…»*

Корреспондентам русских газет и журналов разрешалось находиться в войсках по просьбе ответственных редакторов и издателей, а иностранным – по рекомендациям наших посольств и высокопоставленных лиц. Для тех и других были обязательными условия:

а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии;

б) доставлять лицу, на которое возложена обязанность следить за содержанием корреспонденции, все номера газет, в которых будет напечатана информация;

в) о каждой смене своего местопребывания сообщать в штаб армии;

г) иметь при себе разрешение с печатью полевого коменданта Управления армией, удостоверение личности с фотографической карточкой и специальный наружный знак.

Таким знаком сначала была круглая бляха из меди с изображением орла, надписью «Корреспондент» и личным номером, которую носили на левом рукаве одежды.

Корреспондент «Нового времени» В. П. Буренин, работавший в Дунайской армии, дал описание бляхи, которую выдавали всем военным корреспондентам: «Бляхи круглой формы, медные; наверху выпуклыми буквами сделана надпись: «Корреспондент»; внизу – номер и печать сургучная; печать эта едва ли практична, так как может от жары растаять или ее размоет дождем. Мы придумали нашить бляху на трехцветную кокарду из национальных цветов (красный, синий, белый) и прикрепить

на такой же повязке к рукаву».

Видимо, из-за неудобства приказом от 7 июня 1877 года № 1317 корреспондентскую бляху заменили на новый знак – трехцветную (черный, желтый и белый) шелковую нарукавную повязку, подбитую красным сукном. На повязке был серебром вышит двуглавый орел, и вокруг него полукружием сделана надпись: «Корреспондент»; ниже золотом выведен номер, под которым корреспондент значится в общем списке. Без этих знаков отличия журналистов не допускали на позиции. Правами корреспондентов пользовались художники, тогда исполнявшие роль фотокорреспондентов. Свободу передвижения творческого контингента в армии не ограничивали, но докладывать о каждой перемене своего местопребывания в штаб армии обязали.

Броские и видные издалека отличительные знаки, введенные для военкорров, были призваны выделить их на поле боя. Кроме того, они должны были вызывать у обеих сторон джентльменские чувства. Однако надежда на порядочность воюющих являлась скорее утешением, нежели защитой. Так, 30 августа 1877 года при штурме Плевны был ранен корреспондент «Биржевых ведомостей» Н. Максимов. В следующих боях получали ранения и другие журналисты.

Диапазон применения байки. При изучении истории военной журналистики.

№ 36. Байка «Таинственный “Correspodence Russe”»

В 60-е годы XIX века многие западноевропейские периодические издания в публикациях о России ссылались на «Correspodence Russe». Никто ничего не знал о таинственном русском корреспонденте, даже после того, как ссылки на него исчезли со страниц зарубежной прессы. Завесу тайну приоткрыл в своих «Воспоминаниях» бывший военный министр России Н. А. Милютин.

Мораль. «*Ведение газетной полемики по вопросам чисто политическим*, – пишет Милютин в «Воспоминаниях», – *конечно, не было делом Военного министерства, но мои неоднократные попытки убедить нашего вице-канцлера, чтобы он принял на себя вести рядом с дипломатической войной и войну газетную, не имели успеха… Между тем, пренебрегать таким могущественным орудием, какова печать в наше время, при тогдашних обстоятельствах было даже опасно. Министерство внутренних дел также не брало на себя инициативы. Вот почему я решился принять на себя дело, которое вполне признавал чуждым Военному министерству…*»

Комментарий. В то время для влияния на общественное мнение Европы по русско-польскому вопросу издавался целый ряд брошюр на иностранных языках. А с 1864 года специально для заграницы на французском и немецком языках еженедельно стало выходить секретное приложение «Correspodence Russe» к газете военного ведомства «Русский инвалид». Его страницы наполнялись известиями о том, что происходило в России, особенностями по части польских дел с разъяснениями разных случаев и происшествий. Тайное издание рассылалось в некоторые заграничные редакции, обязавшиеся печатать у себя сведения о России. Его успех был так очевиден, что уже через несколько лет нельзя было найти ни одну известную французскую или немецкую газету, где бы еженедельно не перепечатывались статьи из «Correspondence Russe». Так в Европе, ранее судившей о русских делах лишь по публикациям революционеров-эмигрантов, стало складываться благоприятное для России общественное мнение. Тайна секретного приложения охранялась настолько ревностно, что даже наследник-цесаревич, будущий Александр III, случайно узнал о его существовании только в 1868 году и стал получать единственный не заграничный экземпляр. «Correspondence Russe»

выходил все время польских смут и прекратил свое существование, когда исчезла сама причина издания.

Диапазон применения байки. При изучении истории информационного противоборства.

№ 37. Байка «Репортажи, способствовавшие отставке правительства»

Из иностранных журналистов, освещавших Крымскую войну (или Восточную, как ее называли на Западе), широко известен Уильям Рассел – корреспондент лондонской «Таймс», специально командированный редакцией, чтобы информировать британское общество о реальном положении дел. И хотя следом за ним при штаб-квартире союзных войск были аккредитованы другие журналисты и фотографы, в основном благодаря Расселу каждая образованная британская семья читала за завтраком ежедневный отчет о ходе боевых действий. Репортажи Рассела с места боев вдохновляли поэтов: строки из его корреспонденций становились крылатыми фразами. Например, вязаная шапка, закрывающая лицо, после его сообщений о боях под Балаклавой, в английском языке стала называться «балаклава». Именно от него общественность узнала о бедствиях, переживаемых армией в зимнем Крыму. Достаточно сказать, что от одной дизентерии скончалось 16 000 британских военных. Все это взбудоражило общественное мнение и стало одной из причин ухода в отставку британского правительства. Благодаря публикациям популярность «Таймс» в те годы достигла своего апогея. Ее тиражи доходили до 54 000 экземпляров в день при цене за номера в 5 пенни (20 копеек золотом).

Мораль. Пресса в лице «Таймс» стала настоящей «четвертой властью». Сводки с Крымской войны принесли Уильяму Расселу международную известность и статус лучшего военного корреспондента всех времен и народов.

Комментарий. В Англии Рассел считался безжалостным критиком всех неполадок в военной машине англо-французской коалиции. Армейское руководство обвиняло его в раскрытии военной тайны. В январе 1855 года лорд Раглан, командующий английской военной группировкой, которая вместе с французскими войсками осаждала Севастополь, писал военному министру о представителе газеты «Таймс»: «Я задаю вопрос: мог ли платный агент русского императора лучше служить своему хозяину, чем это делает корреспондент газеты, имеющей самый большой тираж в Европе?» После войны Раглан письменно запросил командующего М. Д. Горчакова, узнавал ли тот какие-либо секреты из корреспонденций Рассела. Российский военачальник ответил, что не получал информацию, которая не была бы ему известна.

Диапазон применения байки. При изучении истории военной журналистики.

№ 38. Байка «Тема коррупции в России»

Накануне и во время Крымской войны 1853–1856 годов в западноевропейской памфлетной литературе российскому Александру I упорно приписывали афоризм, якобы сказанный им в конце жизни и касающийся ближайшего окружения императора: «Они украли бы мои военные линейные суда, если бы знали, куда их спрятать, и похитили бы у меня зубы во время сна, если бы могли вытащить их изо рта, не разбудив при этом меня».

Мораль. Используя факты воровства и коррупции, пронизавших все слои русского общества, с которыми был не в силах справиться даже монарх, западная пресса представляла притязания России на господство на Ближнем Востоке как противоречащие здравому смыслу. Так СМИ старались подвести общественное мнение в своих странах к осознанию того, что государства западноевропейской цивилизации должны встать на пути захвата ближневосточного региона российскими варварами.

Комментарий. Стремясь показать варварство и развал российской государственной системы и неспособность русского царя навести порядок в стране, враждебная Николаю I западная пресса делала акцент на происходящем в правительстве. Знаменитое хищение в ту пору миллионного капитала Инвалидного фонда поразило Европу. Тем более что как раз в 1852 году император прикрыл неприятнейшую историю с главным управляющим путей сообщения графом Клейнмихелем и его помощниками, которые почти полностью украли суммы, ассигнованные на реставрацию залов Зимнего дворца. Больше всего воровали в армии. Дело доходило до эпидемий голодного тифа, истреблявших полки и вызванных исключительно безудержным грабежом. Зарубежная печать сообщила, что это обстоятельство связано с типичной для всех ведомств России и неслыханной по своим масштабам коррупции.

Диапазон применения байки. При изучении истории информационного противоборства и деятельности СМИ по противодействию коррупции.

№ 39. Байка «А. С. Пушкин – военный корреспондент?»

Военные корреспонденты в прямом смысле этого слова появились в России сравнительно недавно. В. Апушкин, автор статьи «Военные корреспонденты», в военной энциклопедии Сытина, изданной накануне Первой мировой войны, называет А. С. Пушкиа первым военным корреспондентом России. Речь о том, что в 1829 году, во время Русско-турецкой войны, Александр Сергеевич присоединился к боевым частям в районе крепости Карс. Исследователь отметил, что великому русскому поэту было любопытно взглянуть на театр военных действий и наблюдать события, которые могли стать материалом для сочинений. Сам А. С. Пушкин так вспоминает об этом: *«В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел. Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону малоизвестную побудило меня просить у е.с. графа Паскевича-Эриванского позволения приехать в Армию. Таким образом, видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума»*.

Непосредственным откликом поэта на военные операции 1829 года явилась маленькая сатирическая трилогия: «Из Гафиза», «Делибаш» и «Олегов щит». Первые две части содержат призывы к миру и ироничный протест против войны. Кроме того, в 1830 году в № 6 «Литературной газеты» Пушкин напечатал отрывок «Военная Грузинская дорога» с подзаголовком «Извлечения из путевых записок», который позднее войдет в состав очерка под названием «Путешествие в Арзрум».

Однако не таких откликов на военные события ждали официальные круги от Александра Сергеевича. Об этом свидетельствует статья Булгарина 1830 года (Северная пчела. 22 марта 1830. № 35): *«Итак, надежды наши исчезли. Мы думали, что автор “Руслана и Людмилы” устремился за Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, – и мы ошиблись. Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый… Сердцу*

больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину».

Отклика на кавказские события требовала не только официальная, но и военная среда. Например, официальный военный корреспондент «Северной пчелы», подполковник И. Радожицкий, описывая занятие Арзрума, так заканчивает свою корреспонденцию: *«Дальнейшие подробности об Арзруме, ежели буду иметь время, сообщу вам в последующих письмах; но скажу вам, что вы можете ожидать еще чего-либо нового, превосходного от А. С. Пушкина, который теперь с нами в Арзруме»* (Северная пчела. 22 августа 1829. № 101). Таким образом, сочинения Пушкина, прославляющие победы в Русско-турецкой войне 1829 года, были поставлены в официальный распорядок дня.

Сам Пушкин по этому поводу писал: *«В газете (политической) побранили меня не на шутку за то, что по возвращении моем напечатал я стихотворение, не относившееся ко взятию Арзрума. Я, конечно, не был обязан писать по заказу гг. журналистов. К тому же частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит обнародованию. Нельзя было бы, например, напечатать в газетах: "Мы надеялись, что г. прапорщик такой-то возвратится из похода с Георгиевским крестом; вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку". Явно, что цензура этого не пропустила б. Зная, что публика столь же мало заботится о моих путешествиях, как и о требованиях рецензентов, я не стал оправдываться. Но важнейшее обвинение заставляет меня прервать молчание»*. На основании записей 1829 года Александр Сергеевич пишет в 1835 году «Путешествие в Арзрум». В. Апушкин считает данное произведение итогом поездки поэта на войну.

Известный исследователь творчества А. С. Пушкина Ю. Н. Тынянов отмечает, что создание этого произведения, а также написание к нему предисловия во многом вызвано появлением книги французского дипломатического агента Виктора Фонтанье. Она направлена резко против восточной политики Николая I и содержит ироничное упоминание о Пушкине как о «барде, находящемся в свите». В той же главе говорится о «сюжете не поэмы, но сатиры», который нашел на войне выдающийся поэт. Вероятно, до осведомленного дипломата дошло известие о «маленьких сатирах Пушкина», названных выше. Во всяком случае обвинение было столь веско, что вынудило Александра Сергеевича сказать об этом в предисловии к «Путешествию в Арзрум»: *«Признаюсь: эти строки французского путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были мне гораздо досаднее, нежели брань русских*

журналов. Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой – слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-Лу, движение, коим граф Паскевич отрезал сераскира от Осман-паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму, все это, увенчанное полным успехом, может быть и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор "Путешествия на Восток"), я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать. Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как все, что мною было написано о походе 1829 года».

Мораль. В. Апушкин и ряд других исследователей воспринимают текст «Путешествия в Арзрум» как первую попытку военных корреспонденций из действующей армии, несмотря на то что она была опубликована спустя более пяти лет после поездки автора на войну. Видимо, это связано с достоинствами данного произведения: стремлением автора к объективности, его нейтральности в подаче информации, стилем и методами описания, о которых говорилось выше, а также этическими нормами, которые декларирует А. С. Пушкин. Вспомним, например, что он пишет в предисловии: *«…я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать».* Здесь он передает именно те чувства, о которых позднее напишут многие поколения военных корреспондентов в адрес людей, которые будут уделять им внимание и проявлять заботу на нелегких и опасных дорогах войн.

Комментарий. История военной журналистики показала, что в этой мысли Александра Сергеевича Пушкина заложен глубокий смысл: журналисту очень трудно «писать сатиру»

на воинский коллектив, с которым он находился в боевой обстановке. Представители пресс-служб вооруженных сил учитывают эту психологическую особенность журналистов, работающих в «горячих точках», и прикрепляют их к конкретному воинскому подразделению. Так было при высадке англо-американских войск на берегу Ла-Манша в 1944 году и во время войны в Ираке в 2003-м.

Для «Путешествии в Арзрум» характерен стилистический «нейтралитет», в итоге образующий авторскую фигуру нейтрального, сугубо штатского и непонимающего наблюдателя и ироничное изображение «героя» войны Паскевича со сделанными в осторожнейшей форме, но с серьезными возражениями чисто военного характера, обнаруживающими тонкую военную осведомленность «штатского» автора.

Его нейтральность, нарочитая «непонятливость» превращается у Пушкина в литературный прием. Например, таково описание сражения: *«Полки строились; офицеры становились у своих взводов. Я остался один, не зная, в которую сторону ехать, и пустил лошадь на волю божью. Я встретил генерала Бурцева, который звал меня на левый фланг. “Что такое левый фланг?” – подумал я и поехал далее»*. Этот метод, считает Ю. Н. Тынянов, несомненно, оказал влияние на Толстого: описание батальных сцен в его «Войне и мире» имеют явные следы изучения прозы Пушкина, а именно – «Путешествия в Арзрум».

Диапазон применения байки. При изучении теории и практики освещения вооруженных конфликтов.

№ 40. Байка «Афиши московского генерал-губернатора»

Прошло 200 лет после Отечественной войны 1812 года, но редкий исследователь истории журналистики этого периода не вспоминает так называемые ростопчинские афиши. Сразу по окончании войны листовки московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина вызвали неподдельный интерес в России и за рубежом, о них много и по-разному писали вплоть до 1917 года и называли однозначно «пресловутыми» в советское время.

Мораль. В заслугу Ростопчину как губернатору, прежде всего, следует поставить осознание необходимости информировать население о военных событиях, что было присуще не всем высокопоставленным российским чиновникам в 1812 году.

Комментарий. Московский главнокомандующий извещал население о военных действиях особыми листами, которые именовали «афишками», так как их разносили по домам наподобие театральных афиш. Так Ростопчин влиял на умы горожан и держал их в курсе событий, устраняя нелепые и часто опасные слухи, коим население склонно верить в военное время. Народ призывали сражаться, не щадя жизни, чтобы «государю угодить»; уговаривали его «иметь послушание, усердие и веру к словам начальников». «Афишки» выходили с обращением к солдату и ополченцу, жителю Москвы. Некоторые исследователи говорят, что они отличались грубым подражанием языку простонародья, были пронизаны безудержным национализмом и шовинизмом. Для таких характеристик есть веские основания. Но следует заметить, что аналогичные пропагандистские издания в Европе утвердились гораздо раньше, чем в России. Совершенствуя образование за границей, Ростопчин наверняка познакомился с этой практикой и, видимо, решил использовать ее для издания своих листовок. Сам Федор Васильевич в сочинении «Московские небылицы в лицах», изданном в 1813 году, так объясняет особенности афиш: *«… Известные листы (афиши) к жителям столицы более были излагаемы такой речью, которая употребительнее в простом народе. С ним-то и надо было говорить, его-то и надо было заставить слушать, чтобы не предавался ни собственным умствованиям, ни посторонним каким-либо уродливым внушениям…»*

Таким образом, выпуская свои «афишки», граф Ростопчин действовал с конкретной целью – «благоразумно обуздать чернь» в ее проявлениях скорби при виде того, как враг продвигается к столице, а наши войска отступают. Нужно было не дать народу впасть в отчаяние; последнее грозило большой бедой. Чтобы достичь поставленной цели, Федор Васильевич учитывал психологию простого народа, за что современники и потомки обвинили его в притворстве, подражании языку и предрассудкам народа. Н. В. Барсук, изучавший ростопчинские афиши перед Первой мировой войной, отмечал, что если такого притворства и подделывания власти не следует допускать в мирное время, когда она должна стараться возвышать народ до себя, а не опускаться до его предубеждений, то в неспокойное время, каким был 1812 год, было поздно заниматься воспитанием. Мудрая политика состояла в том, чтобы, воспользовавшись предрассудками, ввести их в надлежащее русло, не дать выйти из границ, направить к единственно важной тогда цели – спасению Отечества.

Первая ростопчинская «афишка» – лубочная картинка с текстом – увидела свет 1 июля 1812 года. Конечно, слова выпившего Карнюшки Чихирина, от имени которого ведется повествование, могут покоробить современного интеллигентного человека своей хвастливостью и шаржем. Но возбужденному близкой опасностью московскому простонародью они такими не казались. Конечно, угрозы Чихирина в адрес наполеоновских солдат выглядят смешно: «Как! К нам? Милости просим, хоть на святки, хоть и на масленицу; да и тут жгутами девки так припопонят, что спина вздуется горой… Полно тебе фиглярить: ведь содцаты-та твои карлики!» Но в то время простой народ не столько рассуждал, сколько чувствовал и видел в этой карикатуре истину.

Германский исследователь Шницлер считает ростопчинские афиши вполне уместными для своего времени, а в прибаутках московского главнокомандующего, которыми полны его обращения к населению, видит необходимую приправу, делавшую афиши популярными.

Об умении Ростопчина влиять на народ восторженно отзывались многие современники. Так, М. Дмитриев пишет, что афиши *«производили на народ московский огненное, непреоборимое действие!.. Они много способствовали и к возбуждению народа против Наполеона и французов, и к сохранению спокойствия Москвы»*. Дмитриев называет Ростопчина «гениальным человеком, понявшим свое время». Еще один современник, князь П. А. Вяземский – поэт,

литературный критик, академик Петербургской Академии наук – в своих мемуарах «Воспоминание о 1812 годе» тоже признает большое значение афиш Ростопчина во влиянии на народ. Рассказав о том, что Ростопчин отклонил предложение Карамзина составлять афиши, князь Вяземский замечает: *«Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее и вообще имели бы более правительственного достоинства; но зато лишились бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ – не афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его».*

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики и воздействия СМИ.

№ 41. Байка «Журнал стоит кафедры»

В 1840 году В. Г. Белинский написал: «Журналистика в наше время все: и Пушкин, и Гете, и сам Гегель были журналисты. Журнал стоит кафедры».

Мораль. Белинский считал, что в деле воспитания и образования современников журналистика не уступает университетскому образованию.

Комментарий. Исходным моментом воззрений В. Г. Белинского на журналистику стало понимание огромной роли прессы в распространении передовых общественных, научных и эстетических идей. Причем как истинный журналист Белинский чутко улавливал возрастающее воспитательное и образовательное значение периодики и придавал большое значение тем, кто ее издает. В 1836 году он создал обобщенный положительный портрет издателя (и редактора) журнала. В его представлении это должен быть человек, обладающий *«вкусом, познаниями и талантом публициста, светлостью мысли и огнем слова; деятельный; весь преданный журналу, потому что журнал так же как искусство и наука, требует всего человека, без раздела, без измен себе; надобно, чтобы этот человек умел возбуждать общее участие к своему журналу, завоевать в свою пользу общественное мнение, наделать себе тысячи читателей»*.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики XIX века, ее функций в обществе.

№ 42. Байка «Функционируют под различными значениями»

Однажды при обсуждении научного труда развернулась жаркая дискуссия, в которой мнения исследователя и его оппонента разошлись из-за различного понимания термина «типология прессы». Это важная часть системного подхода к изучению СМИ, в ходе которого устанавливаются не только их технологические особенности, но и гуманитарная специфика атрибутики и функций с помощью классификации главных повторяющихся типов информации, которые фиксируются в ее содержании, жанрах и форматах, средствах, зоне и времени распространения, характере и степени воздействия на аудиторию.

Мораль. Кажется, нет другого требования, столь настойчиво повторяемого исследователями журналистики, как необходимость решения очень сложного вопроса о совершенствовании категориального аппарата науки о журналистике. Категориальная культура исследования может быть основана только на достаточно полном и уравновешенном представлении о системе категорий мышления в данной сфере. Всем известна истина, что описание реальности предполагает выработку особого языка, отличного от обыденного точностью и единообразием.

Комментарий. В современной теории журналистики еще не все ключевые понятия строго определены. Одна из трудностей исследований и использования категорий состоит в том, что некоторые их языковые носители в научной литературе функционируют под разными значениями. Например, термин «типология». Плюрализм и дискуссионность мнений по поводу этого понятия возникают из-за того, что принципы типологии зависят от теоретических позиций классификаторов и целей, которые они преследуют. Чтобы избежать противоречий, многие современные исследователи СМИ снабжают свои труды разумно составленными словарями, определениями основных типов изучаемых ими информационных средств и сообщений. Однако такой подход вводит в заблуждение некоторых молодых исследователей, занимающих позицию авторов, с трудами которых они знакомы. Именно по этой причине развернулась упомянутая выше дискуссия при обсуждении представленного научного труда, в которой мнения исследователя и его оппонента разошлись из-за того, что они приняли позиции разных классификаторов, что привело к отсутствию однозначного

понимания сущности изучаемой проблемы.

Необходимо полное знакомство исследователя с имеющимися «наработанными» терминологическими характеристиками и их системами, критический анализ этих систем и принятие наиболее верной характеристики термина, его точная экспликация и последовательное использование в суждениях исследователя.

Диапазон применения байки. При исследовании СМИ.

№ 43. Байка «Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем стотысячная армия»

Наполеон Бонапарт говорил: «Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем стотысячная армия». И активно использовал это оружие в своей полководческой деятельности. Еще в начале первой Итальянской кампании он для подъема духа 45-тысячной армии, значительно уступавшей по численности противнику и испытывавшей острую нехватку провианта и обмундирования, издавал вдохновляющие приказы и военные бюллетени. Их адресатами были не только войска, но и широкие слои населения как во французском тылу, так и на завоевываемых территориях. В 1797 году Наполеон создал две газеты, распространявшиеся в войсках: «Курьер итальянской армии» и «Франция глазами армий». Кроме того, в Париже выходил «Журнал Бонапарта и добропорядочных людей». Во время своего Египетского похода Наполеон основал еще одну газету – «Египетский курьер». Подвластная ему европейская пресса о многих важнейших событиях просто умалчивала, заполнялась сообщениями, которые преувеличивали успехи французов и искажали действительное положение дел в неприятельском лагере. Порой это были фальсификации, инспирированные самим императором. По его же приказу соседние страны наводнялись тысячами памфлетов, брошюр и прокламаций, а в Великой армии для каждой кампании издавались распространявшиеся повсюду официальные бюллетени – первоисточники военно-политической информации. Все это имело целью поднять дух войск, деморализовать и подавить противника, сбить его с толку лживыми известиями, расположить к себе мирных жителей, внушить им представление о своем величии и таким образом еще до завершения военных действий проложить путь к победе.

Мораль. У Наполеона был значительный опыт в использовании печатного слова как эффективного оружия для достижении победы над противником. Его методы информационного воздействия и управления прессой не раз позволяли добиваться поставленных политических, военных и личных целей.

Комментарий. Особенно активными были усилия пропагандистского аппарата Наполеона в отношении стран, с которыми шла война или которые еще предстояло покорить. В 1812 году для завоевания России он в максимальной степени

использовал не только экономические и военные ресурсы подвластных ему европейских стран, но и возможности их прессы. Блестящие качества полководца, лидера и организатора, коим он был в военных и государственных делах, позволили ему преуспеть и в умении манипулировать общественным мнением. В личности Наполеона столкнулись не только воля и власть, но и понимание роли печати, владение средствами публицистики, которые он умело применял на всех этапах своей карьеры. Как ни один другой полководец прошлого, Бонапарт подчинил военно-стратегическим целям буквально все доступные способы обуздания общественного мнения. Большое значение придавалось прессе. Есть обширная литература о взаимоотношениях Наполеона и печати. Она свидетельствует о том, что деятельность императора в этом направлении была необычайно мощной; по мере укрепления своей диктатуры он возвел необходимость целенаправленного воздействия на общественное мнение до уровня высокой государственной политики.

Диапазон применения байки. При изучении истории воздействия СМИ.

№ 44. Байка «Подвиг филантропа-издателя»

В феврале 1813 года коллежский советник Павел Павлович Пезаровиус, выходец из семьи священника одного из приходов Лифляндии, окончивший курс в Йенском университете со званием доктора философии, получил разрешение издавать газету «Русский инвалид». В этом человеке не было ничего такого, что предвещало бы успех печатного издания: Пезаровиус никогда не подвизался на журнальном поприще и не имел средств. Однако он был одержим идеей издавать газету, «чтобы весь доход от издания, за вычетом издержек на печатание, употребить на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам». Кроме того, у него было сильное желание оказаться в военном строю, в чем ему отказали. Любовь к военному делу привела к тому, что в 1810 году Пезаровиус брал в ночное время (другие часы были заняты госслужбой) частные уроки строевого шага у унтер-офицеров Преображенского полка.

Мораль. Огромное значение имела благотворительная цель газеты, которая привлекала многих подписчиков. Члены императорской фамилии в числе первых субсидировали частное издание Пезаровиуса. В газете ежемесячно публиковался подробный отчет, на что шли привлеченные деньги.

Комментарий. Число подписчиков «Русского инвалида» быстро росло (к концу апреля 1813 года их было 800). Это объяснялось исключительной оперативностью, с которой на его страницах освещался ход войны. Видя огромный интерес читателей к военной информации, Пезаровиус стал выпускать «Чрезвычайные прибавления» к газете, где сообщалось о победоносных сражениях русской армии с наполеоновскими войсками. Издатель впервые применил необычную для России и популярную за рубежом форму распространения газеты: «Чрезвычайные прибавления» раздавались за наличные деньги (по 25 коп. медью за экземпляр) детям, преимущественно солдатским, а те продавали их на улицах и бульварах и получали обыкновенно вдвое или втрое более. Тем самым Пезаровиус преследовал благотворительные цели.

Содержание «Русского инвалида» было таково, что он не мог не привлечь внимание читателей. В нем перепечатывались донесения о действиях нашей армии за границей, статьи из «Северной пчелы» и переводы из иностранных газет. Статьи из иностранной печати переводил известный ученый

А. Х. Востоков, который являлся первым сотрудником «Русского инвалида». В это же время Пезаровиусу предложили свои услуги два молодых чиновника (имена неизвестны), которые взялись переводить прокламации «к немецкому народу», прокламации печатались в армии и присылались в редакцию полковником Эйхеном, получавшим их от штаба действующей армии. Таким образом, полковника Эйхена можно считать первым корреспондентом «Русского инвалида». Самым ценным сотрудником газеты оказался почтамтский цензор Оденталь, к которому для проверки поступали все иностранные газеты.

С 1814 года «Русский инвалид» стал выходить два раза в неделю, а «Чрезвычайные прибавления» – три-четыре раза в неделю, по мере получения «новейших известий». Последние преимущественно состояли из военных новостей. Определяющими в газете стали: раздел «Россия», где печатались «внутренние известия» и «благодеяния»; раздел «зарубежных новейших известий», содержавший сообщения о военных действиях, вооруженных силах и героических подвигах воинов, а также иностранные новости и происшествия; раздел «смеси», в котором публиковалась различная информация, анекдоты, заметки о забавных случаях и т. п. Пезаровиус старался поддерживать установившееся мнение читателей о том, что «Русский инвалид» получает известия через особых курьеров. Пользуясь и дальше сотрудничеством с почтамтским цензором Оденталем, газета по-прежнему первой сообщала известия с театра военных действий. Через год число ее подписчиков выросло до 4000.

Значительное место в «Русском инвалиде» занимала тема патриотизма. В нем регулярно печатались патриотические передовые статьи, которые, несомненно, принадлежали перу самого издателя. К такому выводу можно прийти, судя по стилю безымянных статей: они очень похожи на заметки и комментарии Пезаровиуса; содержат повторяющиеся выражение и оговорки, например «издатель не умедлит сообщить читателям своим все подробности, какие ему о сем доставлены будут». В заметках говорилось о славе отечества и любви к родине; высказывалось поклонение царствующему дому и уважение к русскому войску, покрывшему бессмертною славою свои победоносные знамена.

Симпатии издателя к русской армии и ее истории проявлялись с первых номеров газеты и с течением времени все более усиливались. Уже во втором номере «Русского инвалида» за 1813 год был напечатан «Приказ Петра Великого воинству своему в день сражения Полтавского». Очевидно, публикуя строки этого приказа, Пезаровиус хотел напомнить русскому воину,

за что он сражается на войне с французами. В «Русском инвалиде» часто встречаются статьи о прошлом русской армии, истории разных родов войск, полководцах и героях минувших войн.

Известный исследователь Отечественной войны 1812 года Н. Ф. Дубровин отметил в «Русском инвалиде» 1813–1815 годов свыше 130 статей, представляющих несомненный исторический интерес. Пезаровиус сделал все, чтобы его газета соответствовала данному направлению, о чем он высказался так: *«Всегдашним и непременным характером "Русского инвалида" будет настоящий Русский дух, который, чуждаясь националнаго эгоизма, будет всегда обнаруживаться в любви и почитании Великаго Отечества нашего и при всяком случае будет выражаться с силою, жаром и достоинством»*.

«Русский инвалид» с первых дней был посвящен благотворительности. Пезаровиус сделал все, чтобы он соответствовал намеченной цели и добился того, что «любезные сограждане» горячо выразили «признательность героям», инвалидам, семьям погибших, «совершив доброе дело соединенными силами». Павел Павлович, не имевший ни «редакции, ни комитета вспоможения инвалидам», одновременно со сложным трудом по изданию газеты вел огромное предприятие с оборотным капиталом свыше 700 тысяч рублей. Насколько добросовестно был поставлен учет поступавших средств, находившихся под добровольным контролем общества, которому все было известно по месячным отчетам кассы, печатавшимся в «Русском инвалиде», показывает точность исчислений – вплоть до копеек. Одних только «вспоможений» издатель оказал на сумму свыше 140 000 рублей. Это был огромный труд бескорыстного филантропа, который работал один за целые благотворительные комиссии и общества; причем филантропа, распределявшего пособия по особым правилам, а не произвольно, и добивавшегося того, чтобы они доходили до конкретного адресата. Вопрос о широкой благотворительной деятельности П. П. Пезаровиуса ждет отдельного исследования.

Газета «Русский инвалид» была передана ее основателем Военному министерству и просуществовала до 1917 года.

Диапазон применения байка. При изучении истории русской журналистики.

№ 45. Байка «Одиннадцатый вариант»

В 1967 году в «Журналисте» известный репортер Анатолий Гудимов рассказал, как он, будучи начинающим корреспондентом, сдавал в «Комсомольской правде» свой репортаж о выступлении Георгия Димитрова в зале Политехнического музея.

«…Это была моя первая профессиональная работа, к тому же в номер, и я с дрожью, как загипнотизированный, смотрел на белый квадрат оставленного “окна” на четвертой полосе почти сверстанной газеты.

Перепечатанный на машинке репортаж я положил перед заведующим отделом информации М. Смоленским. Он молча, не трогая его, скосил глаза и прочитал. Затем своей рукой, похожей на медвежью лапу, скомкал и бросил в корзинку.

– Дерьмо!.. – лаконично сказал он. – Тебе дали пятьдесят строк, а ты на двадцати рассказываешь о погоде, словно над музеем не было крыши… Пиши снова…

С таким же результатом я написал второй, третий, четвертый варианты… Наконец надо мной сжалился Михаил Розенфельд. Он был старше меня на два года и в то время уже слыл известным журналистом.

– Иди, бедолага, – сказал Миша с сочувствием. – Я тебе напишу!

Через полчаса на столе Смоленского лежал казавшийся мне верхом совершенства новый вариант.

– Мишка Розенфельд писал! Дерьмо. Скажи ему: Политехнический музей – не старинное здание, оно построено незадолго до революции. Садись снова!

Поздно вечером, когда все сроки сдачи в набор вышли, Смоленский вытащил из корзины все десять вариантов, разгладил их ладонью, разложил перед собой и одним махом написал пятьдесят строк одиннадцатого варианта.

– Иди, перепечатывай, репортер несчастный!.. – сказал он мне с усмешкой.

Я кипел от возмущения. Все это казалось мне неприкрытым издевательством. А теперь я с благодарностью вспоминаю тот первый крутой, предметный и немногословный урок. Смоленский добивался предельной лаконичности при наибольшем количестве необходимой для читателя информации. В пятидесяти строках одиннадцатого варианта репортажа было сказано: где, когда и по какому поводу выступал Г. Димитров, дана теплая характеристика этому замечательному человеку, рассказано

об энтузиазме, с которым слушали оратора, и в то же время приведено краткое содержание его речи. Попутно сказано и о зале музея, и о слушателях, и о многом другом.

Ранним утром я с гордостью читал свой первый репортаж в "Комсомолке". Как сие ни забавно, это действительно был мой репортаж. Смоленский не добавил от себя ни одного слова, только выбрал из пятисот или шестисот строк, написанных мною в тот вечер, пятьдесят самых лаконичных и нужных».

Мораль. Эту историю знаменитый журналист вспомнил в связи с тем, что, к сожалению, многие репортажи, прочитанные им в одной из республиканских газет, не были одиннадцатым вариантом. В них было много не относящихся к делу лишних слов и событий, делавших повествование расплывчатым.

Комментарий. Ветеран журналистики считал, что жанр репортажа требует особой лаконичности, почти телеграфного языка, а содержание – стремительного динамичного развития. Репортаж не терпит лишних, не играющих роли и маловажных деталей.

Диапазон применения байки. При обучении основам творческой деятельности журналиста.

№ 46. Байка «Общественная деятельность и беспристрастие журналиста»

Известный лидер оппозиции, участвовавший в митинге и шествии, после акции оказался в местном Управлении внутренних дел. В полиции сказали, что он «приглашен для дачи пояснений» по заявлению о нанесении телесных повреждений. 20-летняя студентка журфака заявила, что получила травмы «в результате его действий во время интервью». Сотрудникам органов внутренних дел она представилась как внештатный корреспондент одного из региональных СМИ. По словам девушки, реакция лидера оппозиции последовала после того, как он узнал от находящихся неподалеку лиц о симпатиях журналистки к движению «Молодая гвардия» при «Единой России».

«Наша радиостанция не выступает ни на стороне законной власти, ни на стороне системной оппозиции, придерживаясь нейтралитета и объективного подхода к освещению событий. Почему оппозиционеры, якобы ратующие за справедливость, позволяют себе наглые действия в отношении представителей прессы? Хочется узнать у правоохранительных органов, когда наконец журналисты будут защищены?» – говорится на сайте СМИ, внештатным сотрудником которого представилась девушка.

Мораль. Да, радиостанция не выступает ни на чьей стороне и придерживается нейтралитета, но сама журналистка симпатизирует движению «Молодая гвардия» при «Единой России». Узнав об этом, ее собеседник мог засомневаться в беспристрастности представителя СМИ, что и послужило причиной его неадекватной реакции.

Комментарий. Во многих странах действуют этические кодексы журналистов. Например, в кодексе Общества профессиональных журналистов США сказано: «Журналисты должны отказываться от другой работы, политической деятельности, службы в общественных организациях, если такая деятельность компрометирует беспристрастность журналиста или его издателя».

Диапазон применения байки. При обсуждении вопроса о журналистской этике.

№ 47. Байка «Стереотипное представление»

Хлебный автофургон сбил человека, оказавшегося на проезжей части. Опрашивая очевидцев дорожно-транспортного происшествия, репортер оказался в сложной ситуации: один свидетель винил во всем водителя, который разговаривал в момент наезда на пешехода по мобильному телефону; другой утверждал, что парень-водитель в этот момент целовался с девушкой, сидевшей рядом; третий считал, что виноват сам пострадавший, неожиданно бросившийся под автомобиль…

Мораль. Даже свидетели события не всегда могут точно описать, что видели. Очевидец привносит что-то от себя, а затем представляет это как впечатление от пережитого. Лишь немногие факты целиком приходят в наше сознание извне. Большинство же, по мнению психологов, хотя бы отчасти конструируется в сознании. Таким образом, человеческое сознание отражает действительность с разной степенью приближения к ней. А если к этому добавить социальную и нравственную позицию владельца информации, уровень его познаний о предмете, о котором он беседует с журналистом, индивидуальные психологические особенности и прочие обстоятельства, работа репортера, пытающегося отделить достоверное от недостоверного, усложняется еще больше.

Комментарий. Известный американский журналист и теоретик массовой коммуникации Уолтер Липпман в своей книге «Общественное мнение» рассказал об эксперименте, проведенном на Конгрессе психологов в Геттингене с группой подготовленных наблюдателей.

Недалеко от места, где проходил Конгресс, организовали праздник с балом-маскарадом. Неожиданно дверь распахнулась и в зал заседаний ворвался клоун, а за ним – преследовавший его разъяренный негр с револьвером в руке. Они сошлись в середине зала, и началась драка. Клоун упал, негр наклонился, выстрелил, а потом оба выбежали из зала. Инцидент длился не более двадцати секунд.

Председатель обратился к присутствующим и попросил немедленно написать короткое сообщение об увиденном, так как, очевидно, будет проводиться расследование происшествия. В президиум поступило 40 записок. Лишь в одной было допущено менее 20 % ошибок при описании основных фактов. 14 содержали 20–40 % ошибок, 12–40–50 %, а еще 13 – свыше 50 %. Более того, в 24 записках 10 % деталей было выдумано. Десять отчетов воспроизводили ложную картину, еще шесть – достаточно

правдивую. В итоге четверть описаний признали ложными.

Эпизод был инсценирован и даже сфотографирован. Десять ложных описаний можно отнести к категории сказок и легенд, 24 являются полулегендами и только шесть примерно соответствуют требованиям точного свидетельства.

Таким образом, большинство из 40 опытных наблюдателей, добросовестно написавших отчет о произошедшем у них на глазах, увидели не то, что было на самом деле. Что же они увидели? Отвечая на этот вопрос, Липпман пишет, что свидетели события увидели собственное стереотипное представление о драке. В жизни люди не раз сталкивались с подобными стычками, и именно эти образы мелькали у них перед глазами во время инцидента. У одного человека они заняли менее 20 % реальных событий, еще у 13 человек – более половины. У 34 из 40 наблюдателей стереотипы завладели, по крайней мере, десятой долей сознания. Ученый считает, что поскольку мы не можем понять действия других людей, пока не узнаем то, что, по их мнению, знают они, чтобы дать справедливую оценку, нам нужно оценить не только известную им информацию, но и сознание, через которое они ее отфильтровали.

Диапазон применения. При установлении достоверности фактов, их отборе и осмыслении.

№ 48. Байка «СМИ как источник или ретранслятор знаний (или не знаний)»

В этой теме объединен цикл историй, которыми иллюстрировал свое выступление на научно-практическом семинаре Факультета журналистики СПбГУ «Журналистика и образование: новые реальности – новые проблемы» редактор отдела культуры Санкт-Петербургской газеты «Невское время» Владимир Желтов. По каким-то причинам текст его выступления не вошел в сборник материалов указанного семинара и находился у составителя этого издания, который использовал приведенные В. Желтовым примеры на лекциях для будущих журналистов. Наконец представился удобный случай довести поучительные истории до более широкой аудитории.

Позволю себе начать с довольно пространной цитаты:

> *«…Я написал рецензию на Первую симфонию Шостаковича, не услышав ни звука. А так как я учился на музкомедии, у нас был предмет "Музыкальная литература". Там сольфеджио и прочее, то есть терминологически я был подкован и нафигачил эту рецензию. И отнес "труд" о Шостаковиче в "Вечернюю Москву". Запланировали в номер, но потом его кто-то дал на просмотр музыкальному редактору. И он пришел в неописуемый восторг и ужас: "Откуда это? Что такое?" Ему объясняют: "Уже стоит «в набор»". Он говорит: "Да вы что, белены объелись?! Покажите мне этого дельца". Они чуть не напечатали, а я там накрутил терминов. Музыкальный редактор сказал: "Но перо у него бойкое! Вы его держите на заметке, потому что он что-нибудь дельное еще напишет!" Они спросили, не могу ли я написать о сельском строительстве. Я говорю: "Напишу! Какая мне разница, о чем писать?!" Я вспомнил глину, саман, солому, что там еще? Кизяки…»*

(«Автора!» Пожалуйста!» Народный артист России Валерий Золотухин. Цитирую по книге: Александр Трутнев. Валерий Золотухин: от «Живого» до «Живаго». И.: Эксмо», 2006. С. 252.)

Саман, солома, кизяки… Интересно, что получится, если действительно начать строить из «самана, соломы, кизяков», без знания материала и технологий?

Читаю в книге Александра Савельева «Улыбнитесь,

каскадеры!»:

> *«Для каждой исторической эпохи характерны вполне определенные виды оружия. В древней Руси землепашцу не разрешалось иметь меч. А они тоже участвовали в сражениях. Конечно, большинству кинозрителей это неведомо, но едва ли выиграет фильм, если этого не знает режиссер-постановщик. На экране такие воины могут привлекать зрительские симпатии необыкновенной смелостью, недюжинной силой и благородством души. Но ни в коем случае – ратным умением».*

В фильме Сергея Бондарчука «Война и мир» есть сцена вызова Долоховым Пьера Безухова на дуэль. Коллекционеры смеются: на груди у Долохова Георгиевский крест Временного правительства. А Пьер наводит на противника пистонный пистолет, который появился спустя несколько десятилетий после описанных Львом Толстым событий.

В фильме «Опасные гастроли» на шее генерал-губернатор Одессы нагрудный орден Станислава третьей степени… В общем, «глина, саман, солома, кизяки».

«Пипл схавает!» Пипл и не такое схавает. Но все эти, казалось бы, мелочи оставляют несмываемые пятна на парадном мундире великого Бондарчука и до скончания века будут оттенять его звезду Героя Социалистического Труда. Да и для скромного пиджачка Георгия Юнгвальд-Хилькевича, снявшего «Опасные гастроли», кизяки не прошли бесследно.

Я приведу конкретные примеры из своей журналистской практики. Там, где нельзя обойтись без упоминания имен, изменю их до неузнаваемости. Сразу прошу прощения – некоторые примеры будут циничны, но иначе не понять остроту проблемы.

* * *

Журналист Елена Д. прислала по электронной почте «интервью» с литератором Полиной Дашковой. Слово «интервью» я взял в кавычки не случайно: в прикрепленном файле была элементарная расшифровка материалов пресс-конференции Дашковой в магазине «Буквоед», на которой, кстати, присутствовал и я. В тексте фигурировал неведомый мне поэт Лев Оршанин. Когда я обратил внимание журналиста на эту нелепицу, она искренне удивилась:

– А что, разве нет такого поэта? Дашкова сама говорила,

что училась у него в Литературном институте.

– Училась она у Льва Ошанина, а Андрей Аршавин – футболист!

* * *

Лидия подготовила репортаж с награждения премией «Петрополь». Ошибок – тьма!

– Лида, почему у вас Андрей Краско вручает премию?

– Потому что он вручал.

– Лида, Андрей Краско умер 4 июля 2006 года.

– Ой, я имела в виду его отца. Как его зовут?

– Лида, а что это у вас за персонаж – Семен Фурманов?

– Ну как, артист такой. Вы что, не знаете?

– Лида, есть актер и антрепренер Рудольф Давыдович Фурманов, в далеком прошлом – Фурман, и есть актер Семен Фурман.

– А разве это не один и тот же человек?

Сегодня на семинаре уже прозвучало, что встречаются журналисты, которые «не знают, кто такой Пушкин, уже не говоря о Тарковском». К сожалению, я буду приводить примеры из того же ряда.

* * *

Однажды я взялся написать заметку об одном мероприятии в музее «А музы не молчали» и прихватил с собой фотографа. Нам повезло – в зале оказался Кирилл Лавров. Но фотограф отлучился покурить: есть у него такой грех – отлучаться покурить в самый неподходящий момент. Пока мы беседовали с Кириллом Юрьевичем, он так и не появился. Во время мероприятия фотограф работал. Однако оно затянулось, и Лавров ушел, не дождавшись окончания. На следующий день выяснилось, что фотограф так и не сделал его фотографии.

– Вы же мне его не показали.

– Ты не знаешь в лицо Кирилла Лаврова?!

– Нет, я кино не смотрю, тем более старое.

Что тут скажешь? Начали просматривать отснятый материал. На одном из снимков – спутница Лаврова. Я шучу:

– Взял бы чуть левее…

– А зачем? Слева от нее сидел какой-то старый хмырь…

Стоит ли после этого удивляться, что разговор молодого

журналиста с Андреем Толубеевым может начаться с извинения: «Простите, я не знаю вашего отчества…»

На утренней летучке при обзоре номера один редактор отдела говорит: «К автору замечательного материала о комсомольском вожаке Александре Косареве у меня только одна претензия. В начале материала нужно было объяснить, кто такой Косарев, его же никто не знает». Да, выросло поколение незнаек, они не в курсе, кто такой Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин. И с этим приходится считаться.

* * *

На Гатчинском кинофестивале «Литература и кино» юная особа с диктофоном задала свой первый вопрос Эльдару Рязанову:

– Когда вы последний раз были в Стокгольме?

– А что мне там делать?

– Ну как, вы же «Андерсена» там снимали!

Рязанов не сдержался:

– Вон!..

* * *

Дежурю по номеру. Нужно подписать фотографию и придумать подзаголовок к небольшому тексту о возвращении в Петербург парусника «Мир» из учебного похода. Чувствуется, что автор «не в теме» – абсолютная чушь. Начинаю править, затем просто все переписываю. Выпускающий редактор не понимает, почему я так долго вожусь. Объясняю и слышу: «Это еще что! Вначале вообще было: «Паруса опущены, мачты подняты».

* * *

Корреспондент делится с читателями своими впечатлениями о прыжке с парашютом. Оказывается, на грешную землю он спускался, держась за «стропила». А между прочим, «стропила» и «стропы», как говорят в Одессе – две большие разницы. «Опечатку» прошляпили все – и редактор отдела, и выпускающий. Материал так и опубликовали.

* * *

Материал Алены Д. о визите в наш город сына аргентинской актрисы и певицы Лолиты Торрес. Привожу фрагмент, дословно:

> *«Киноманы собирали ее портреты на почтовых открытках, водители обклеивали ее изображением кабины грузовиков и салоны автобусов. Новорожденных девочек в те годы частенько называли Лолитами. Политики тоже подпадали под ее обаяние – сам Никита Хрущев почитал за честь сфотографироваться с изящной Лолитой Торрес. Юрий Гагарин брал с собой в космос запись песен в ее исполнении – чарующий голос Лолиты помогал космонавту легче переносить разлуку с Землей».*

По большому счету, фрагмент не выдерживает критики. Но последняя фраза!.. Я так и не смог получить от журналиста ответ на вопрос, сколько времени первый космонавт провел в космосе. О какой «разлуке с Землей» может идти речь, если полет продолжался 108 минут?! Это, кажется, известно любому школьнику.

Пример из другой области, но автор тот же. Интервью с солистом балета Мариинского театра Ильей Кузнецовым, фрагмент: «Вот раньше работали очень сильные хореографы: Версаладзе делал прекрасные спектакли, Григорович, Хачатурян», – якобы говорит Кузнецов. Из троих названных только один хореограф. Догадайтесь, кто? И исправьте ошибку в одной из фамилий.

* * *

Самая потрясающая история связана с Еленой Л. В принципе талантливый журналист, много пишет, но небрежно. Журналиста кормят ноги, и если работать на несколько изданий, кормят весьма недурно.

Лена сдала заметку «срочно в номер» и убежала. Уже на полосе читаю: «Сейчас идет подготовка к празднованию 200-летия музея Александра Сергеевича Пушкина в Лицее». Звоню ей на трубку:

– Ты что написала?

– А что? Он так сказал.

– Кто он?

– Директор Всероссийского музея Пушкина на Мойке.

(Кстати, в тексте так же.)

– Лена, во-первых, нет такого музея – Всероссийского на Мойке!..

– А как он называется?

– Тысячу раз говорил: не знаешь – узнай, сомневаешься – проверь. А во-вторых, отними 200 лет, какой год получается?

Пауза.

– 1806-й.

– Сколько лет было Пушкину в 1806 году?

Пауза.

– Лет семь-восемь.

– В каком году был открыт Лицей?

Пауза, после которой ответа не последовало.

– У тебя получается, что Лицея еще не существовало, Пушкину было лет «семь-восемь», но там уже создали его музей!

Бросаю трубку. Самое потрясающее было дальше. Минуты через три звонок, Лена:

– Я звонила Сергею Михайловичу.

– Зачем?

– Уточнила. Оказывается, он имел в виду совершенно другое…

* * *

И еще одна история. Л. сделала материал о предках Пушкина, он пошел не через меня, я его не видел. Вдруг меня останавливает выпускающий редактор:

– Передайте Л., что Витас – эстрадный певец, а Беринг – путешественник, который к Витасу никакого отношения не имеет.

– Спасибо за бдительность, но, думаю, что это опечатка.

На всякий случай спрашиваю корреспондента:

– Как звали Беринга?

– Витас.

– Ч-т-о-о-о?! Я тебе сколько раз говорил: не знаешь – узнай! Каждую буковку в фамилии, названии, особенно аббревиатуры, каждую цифру надо проверять!

– Я проверяла!

– Где?

– В Интернете.

– Школьники в пятом классе знают, как звали Беринга!

– И как?

– Витус!

– Да нет же, смотрите! Вот в Интернете – Витас Беринг!

В общем, все те же «глина, саман, солома, кизяки». И Витас Беринг – порождение Интернета. «Благодаря» Интернету ошибки множатся в катастрофической прогрессии.

Примеры можно продолжать до бесконечности.

Часто корреспонденту кажется, что информашку можно сделать «кавалерийским наскоком» – пришел, увидел, написал. Иногда можно пропеть песню акына. И даже талантливо. Но лишь в том случае, если ты «в теме».

Корреспондент отправляется на открытие выставки работ Николая Константиновича и Святослава Николаевича Рерихов, о которых знает понаслышке. И вдруг понимает, что за 15–20 минут работы, на которые рассчитывала, о Рерихах даже крохотную заметке не написать. И начинается погружение в неведомые миры художников и философов. Хорошо, если начинается…

Много раз приходилось слышать: журналисту не требуются глубокие знания, достаточно поверхностных. Но не до такой же степени!

Мне приходилось долго убеждать корреспондентов в том, что они не должны писать рецензии. Что этим занимаются люди другой профессии – театроведы. Дескать, «ахи» и «охи», традиционный набор эпитетов (талантливый, блестящий и т. п.), даже употребление специальной терминологии – еще не есть оценка. Яркое тому подтверждение – приведенный выше рассказ Валерия Золотухина.

И нет ничего удивительного в признании культуролога Григория Бирженюка, который сказал, что будь его воля, он бы ликвидировал журфаки. Мотивировка была убедительная – нужны пишущие профессионалы. О театре должен писать театровед, об экономике – экономист, о науке – ученый. Среди профессионалов всегда найдется пишущий человек. Если нет, предположим, физика легче научить писать доступным для массового читателя языком, чем журналисту изучить физику в необходимых пределах. Развивая мысль Григория Михайловича, можно рассматривать журналистику как второе высшее образование. Впрочем, все это из области фантастики.

Известный петербургский журналист Лев Сидоровский утверждает: надо любить своего героя! Он удивляется и даже со свойственной ему эмоциональностью возмущается – как можно писать о том, кого (или чего) не знаешь. К сожалению, на практике постоянно приходится сталкиваться с тем, что молодые журналисты рассматривают профессию журналиста как средство легкого и непыльного заработка. Причем не без удовольствия: общение с популярными людьми, премьеры,

тусовки, фуршеты, банкеты и «корочки», открывающие многие двери. И конечно, если не слава, то определенная известность в определенных кругах. А для этого нужно всего лишь уметь складывать слова в предложения. Поговорил за кулисами с артистом – и интервью готово. Обработкой себя можно не обременять – редактор доведет «полуфабрикат» до кондиции. На тот случай, если обнаружатся ошибки, всегда есть оправдание: «Он так сказал. Не верите? Могу предъявить диктофонную запись». К сожалению, «он (она) так сказал(а)» приходится слышать постоянно.

Кстати, почему-то интервью считается легким жанром. А на мой взгляд, это маленькая пьеса, выстроенная по законам драматургии. Часто журналист «реставрирует» бессвязную и путанную речь интервьюируемого: додумывает, что тот хотел сказать. И приходится объяснять дипломированным журналистам, что при подборе недостающего слова нужно «опробовать» его в устах своего героя, «услышать» произнесенным с характерной для человека интонацией. «Новодел» должен быть органичен. Все возникшие по ходу работы вопросы необходимо снять. Готовые тексты, если это возможно, согласовать. И всегда помнить, что интервьюируемый мог ошибиться или оговориться. Поэтому – проверять, проверять и еще раз проверять! Оправдание «Он так сказал» читатель не примет. Либо автор в его глазах будет выглядеть дураком, либо таковым журналист выставит своего героя. В любом случае, подрывается авторитет издания, а вместе с ним «вера в печатное слово», которая формировалась веками.

Подводя черту, мне хочется вернуться к книге Александра Савельева «Улыбнитесь, каскадеры!», которую я цитировал вначале. Автор рассуждал о том, что режиссеру-постановщику непростительно не знать, что в Древней Руси землепашцу не разрешалось иметь меч. Об этом говорилось на странице 24. А на странице 113 Александр Савельев допускает непростительный для человека, пишущего о кино, «ляп». Он рассказывает, как пришла в кино жена нашего выдающегося каскадера Александра Массарского – Элла Левицкая. Супруг предложил ей дублировать актрису, игравшую Марию Волконскую в сцене, где на той горит платье. Предложение поступило в деликатной форме. «Ты не бойся, это не страшно», – успокоил Александр Самойлович. И далее, цитирую Савельева: «Левицкой невольно вспомнились слова Горбатого из фильма “Место встречи изменить нельзя”: “Ты не бойся. Это не больно”». Нелепость заключается в том, что Владимир Мотыль снимал фильм «Звезда пленительного счастья» к 150-летию Восстания

декабристов, а сериал Станислава Говорухина вышел на телеэкраны в 1979-м, то есть четырьмя годами позже.

К чему я это говорю? В прошлом году в Петербурге на улице Рубинштейна открывали мемориальную доску на доме, где жил Сергей Довлатов. Главный редактор попросил сделать «большой и душевный» текст о выдающемся писателе. На следующий день на утренней планерке при обзоре номера материал Б. был отмечен как один из лучших. Похвалил его и Сергей Ачильдиев, но при этом заметил: «Хорошо бы еще автору знать, что фамилия поэтессы, которая рассказывает о Сергее Донатовиче, не Компан, а Кумпан». Пришлось нам с шеф-редактором (он же – выпускающий) каяться: в тексте было много грубых ошибок и неточностей; что знали – исправили, а как пишется фамилия поэтессы, не знали ни я, ни он.

Поэтому то, о чем я говорил выше, касается не только рядовых журналистов.

Мораль. Из выступления Владимира Желтова:

«Один из редакторов нашей газеты утверждает: газета живет один день. Мне же часто приходится повторять, перефразируя известное изречение Фаины Георгиевны Раневской: каждая публикация – плевок в вечность! Сотрудники публичных библиотек делают все возможное, чтобы как можно дольше сохранять не только наши шедевры, но и следы от кизяков. Прошу "Не плюйте в вечность, господа! По крайней мере, постарайтесь не плевать". Внушаю банальность: журналистика – это судьба, образ жизни, или, как говорит тот же Лев Сидоровский, состояние души. В журналистике не может быть восьмичасового рабочего дня. В противном случае не будет профессионального роста и накопления необходимого багажа знаний. Лишь в этом случае количество ошибок сводится к минимуму».

Комментарий. Незнание не освобождает от ответственности. Принцип простой: не знаешь – узнай, либо пиши о том, что знаешь. Не хочешь узнавать – меняй профессию.

Диапазон применения байки. При обучении и воспитании журналистов.

№ 49. Байка «В осажденном Ленинграде»

Небывалое мужество проявили в годы Великой Отечественной войны ленинградцы, работавшие в прессе. Об одном примере их героизма поведала заметка журналиста А. Вересаева, напечатанная в газете «Смена» 31 марта 1943 года.

«…Мастер-стереотипер Бартеньев оставил сменщику записку: “Пошел умирать”. Добрался до дома, надел приготовленную чистую рубаху и лег. К нему пришли товарищи из типографии: “Твой сменщик не пришел и не придет”. Мастер встал. Ему помогли надеть ватник, дойти. Он сделал последнюю отливку и умер, когда раздался шум ротационных машин».

Мораль. «На войне человек должен делать свое дело непременно изо всех сил… Это если человек настоящий и честный». Так сказала разметчица Лена Маликова, одна из героинь репортажа «Металлистки», автором которого тоже являлся А. Вересаев. Эти слова были произнесены по другому поводу, но созвучны подвигу мастера-стереотипера.

Комментарий. Можно найти много общего у тружеников осажденного Ленинграда, которых объединяли традиции героического города. Журналист умел видеть в обычных делах ленинградцев героизм, мужество, честное выполнение своего профессионального долга и рассказывал о нем в прессе.

Диапазон применения байки. В пропаганде традиций сотрудников отечественных средств массовой информации.

№ 50. Байка «…Считаем свою профессию ремеслом, а она ведь должна быть искусством»

Есть много интересных воспоминаний о Вадиме Святославовиче Синявском – известном спортивном комментаторе, легенде отечественной радиожурналистики. Например, журналист Юрий Ваньят рассказал, как однажды во время трансляции футбольного матча Синявский повернулся спиной к стадиону и в течение пяти минут импровизировал, причем чувствовал, у кого находился мяч. Он определял это по реакции трибун. Причем точно знал, был ли удар в створ ворот или мимо. «Я был просто поражен его внутренним чутьем радиокомментатора», – вспоминал Ваньят. Также бывший старший тренер сборной СССР по хоккею Анатолий Тарасов вспоминал, что на одном чемпионате мира перед решающим матчем, заметив его волнение, Синявский прокомментировал ход… завтрашнего поединка. На следующий день сорокаминутный воображаемый репортаж Синявского, по словам Тарасова, полностью подтвердился.

Мораль. Вадим Святославович Синявский (1906–1972) – пионер спортивного радиорепортажа, по праву считается легендой отечественной радиожурналистики. Не одно поколение болельщиков, да и просто слушателей воспитывалось на его репортажах, не одно поколение спортивных комментаторов идет по его стопам. Это ему принадлежат слова: «…Считаем свою профессию ремеслом, а она ведь должна быть искусством». К сожалению, сам Вадим Святославович, щедро передававший секреты мастерства молодым журналистам, не оставил фундаментального труда о своей профессии. Его устные рассказы, интервью, главы из начатой книги воспоминаний «С микрофоном за мячом» разбросаны по различным изданиям. В них Вадим Святославович скромен и сдержан в оценке собственной работы – он не желал и не умел себя «пиарить».

Комментарий. Большинство интересных деталей, которые придавали особую прелесть репортажам Синявского, были импровизацией, предопределены профессионализмом и глубочайшими знаниями Вадима Святославовича. Многие считали, что он никогда не готовился к репортажам, полагаясь исключительно на импровизацию. Но это не так. Синявский в первую очередь являлся профессионалом. Одаренный и талантливый человек, не без божьей искры, но профессионал,

потому что не мог позволить себе небрежность в работе.

Ошибались те, кто считал Вадима Синявского просто талантливым рассказчиком. Он был чрезвычайно тренированным рассказчиком. Причем этот тренинг не прекращался ни на одну минуту, даже вне радийной жизни. Интересные наблюдения на этот счет сохранил Лев Филатов:

> *«Мы были вместе в 1961 году в Лозанне на хоккейном чемпионате мира, рядом жили и работали, много ходили вдвоем и, как всегда в таких случаях, обсуждали каждую малость из того, что удалось подметить. Не только на льду стадиона, но и на улицах, в кафе, скверах этого безупречного, непроницаемого и равнодушного городка. Вместе отправились взглянуть на Шильонский замок, на дом, где живет Чаплин, проехались по берегам Женевского озера. И все эти дни дружеского общения для меня были наполнены репортажем Синявского, потому что обо всем – случайно встреченных людях, пейзажах, вкусе кофе, глупо пропущенной шайбе, новеньких в нашей команде братьях Майоровых, Старшинове и Рагулине и о "старом" Сологубове он судил так, словно перед ним был микрофон: коротко, экономно, подбирая такие слова, которые заставили бы слушателя увидеть то, что видел он и, мало того, еще и согласиться с его оценкой, "его мнением"».*

В ноябре 1945 года команда «Динамо» приехала в Лондон и в третьем матче встречалась с английской командой «Арсенал» во время густого тумана. *«Я до половины поля видел все хорошо*, – вспоминал Синявский. – *Но как только игроки уходили к противоположной трибуне, они превращались для меня в силуэты. Я должен был ориентироваться по фигурам игроков. Это было трудно. Но если со своими еще можно было справиться, то с английскими приходилось обращаться довольно вольно.*

…После матча мы с комментатором Би-Би-Си Раймондом Кленденингом уехали в аппаратную, чтобы прослушать контрольные пленки. Дело в том, что мой коллега не знал русского языка, а я не знал английского. Но мы нашли выход: включили две пленки синхронно. Когда у меня возникал какой-нибудь вопрос, я нажимал кнопку – обе пленки останавливались, и я получал подстрочный перевод нужного момента в репортаже. Он, в свою очередь, таким же способом пользовался комментариями моего репортажа. Это оказалось очень полезным новшеством. Во-первых, мы оба здорово посмеялись и получили удовольствие от того, что всех игроков назвали правильно, даже замены на поле были

отмечены безупречно. Правда, тут помогла не только наша смекалка: мы слышали объявления на стадионе, а сообщали об этом чуть позже, вводили нового игрока уже с атаки и с темпераментом.

Я думаю, что этот рабочий прием найдет применение, даже если два комментатора ведут репортаж на русском языке. Никогда не помешает прослушать контрольную пленку в спокойной обстановке – сравнить что "да", а что "нет".

На одном футбольном матче мяч с огромной силой ударился о верхнюю штангу, та сломалась и упала. Хозяевам поля дается двадцать минут на восстановление ворот. В. Синявский вспоминал:

> *«Вы поймете мое положение, если вспомните, что в те годы не было никакого "Маяка", я не мог отдать станции на музыку и в нужное время спросить их обратно; продолжал вести репортаж. Вот тут я вспомнил справедливые слова английского комментатора Раймонда Кленденинга. Он как-то сказал мне:*
>
> *– О, мистер Синявский. Когда на поле что-то происходит, можно просто говорить: направо, налево, удар! А когда на поле не происходит ничего, относящегося к футболу, здесь и надо быть комментатором. Ты должен выйти из положения и говорить.*
>
> *Он рассказал мне любопытную историю о том, как в одном синхронном репортаже, который мы вели вместе, он в своем рассказе оттолкнулся от жены знаменитого футболиста, а я, простите, – тогда был очень молод! – все построил на стенографии полета мяча».*

Имя и деятельность В. С. Синявского незаслуженно остаются в тени. Ему принадлежит выдающаяся роль в истории отечественного радиовещания и спортивной журналистики. Такие репортеры, как он, – редкое явление. Время идет, а равного ему пока нет.

Диапазон применения байки. При подготовке спортивных журналистов.

№ 51. Байка «…Она будет писать только очерки»

Татьяна Николаевна Тэсс (Сосюра), признанный мастер очерка, в советское время возродившая традицию «нравственной журналистики», вспоминала:

«– Моим первым редакционным заданием в "Известиях" был репортаж на пять машинописных страниц. Я помчалась на окраину столицы…

Готовую рукопись положила редактору отдела на стол. Внимательно ее прочитав, он сурово сказал:

– Я же просил вас написать репортаж, а это очерк.

Пришлось ехать на другой объект. И все снова повторилось… Редактор отдела не выдержал и стал кричать:

– Уважаемая Тэсс, нам нужен ре-пор-та-ж… Понимаете?

Я вышла из кабинета и заплакала, мысленно уже прощаясь с "Известиями". В это время по коридору проходил Михаил Кольцов. Выслушав мой рассказ, Михаил Ефимович повел меня к редактору и сказал ему:

– Если на дереве растут вишни, поверьте, там никогда не вырастут яблоки. Этот человек не будет писать репортажи, разве не чувствуете? Она будет писать только очерки».

Мораль. Часто спрашивают, можно ли развить индивидуальность? Если индивидуальность – награда за успех, она безгранична. И успеха в той или иной форме можно достигать ежедневно. Но благоразумнее и экономнее сначала выявить дарования, а потом их развивать.

Комментарий. В психологии личность – это понятие, обозначающее совокупность устойчивых психологических качеств человека как субъекта социальных отношений, социально значимой деятельности, носителя социально значимых качеств. А когда говорят об индивидуальности, имеют в виду оригинальность личности – неповторимую систему ее психических свойств, индивидуальные личностные качества человека, его особые психические возможности, сформированные на основе природных задатков и в определенной социальной среде. Обычно словом «индивидуальность» определяют какую-то главенствующую особенность личности, делающую ее не похожей на окружающих. «Индивидуальность, – по мнению американского психолога Генри Линка, – это степень превращения человеком своих способностей и энергии в привычки и действия, с помощью которых он влияет на других людей». По утверждению того же

Линка, выдающаяся индивидуальность требует не только разнообразного мастерства, но и относительного превосходства в нескольких областях и неоспоримого превосходства в одной. Поэтому психологии индивидуальности в данном процессе должна принадлежать одна из ведущих ролей, так как, акцентируя единственность, неповторимость, исключительность конкретного человека, она закономерно обращается к наиболее значимому для самого человека – его внутренней цельности, единой сущности, глубинному средоточию потенциалов и источников активности.

В беседе с начинающей журналисткой Татьяной Тесс Михаил Кольцов сформулировал несколько заповедей журналиста.

Заповедь первая – по-настоящему ненавидеть то, что ненавистно, и по-настоящему любить то, что дорого. Без страха и колебания драться с ненавистным, без страха и колебания бороться за великое дело, которому служишь.

Заповедь вторая – всегда знать о предмете, о котором собираешься писать, по крайней мере, в десять раз больше, чем может уместить очерк.

Заповедь третья – перед тем, как сесть за машинку, иметь твердое убеждение, что не можешь не написать эту вещь.

Заповедь четвертая – верить людям. Без доверия к человеку, настоящей заинтересованности в его судьбе и без чувства ответственности за нее нет журналистики. Вместе с тем следует помнить, что журналист обязан тщательно проверять каждый факт. Это вторая сторона ответственности – за абсолютную и непреложную достоверность того, о чем пишешь.

Заповедь пятая – всегда помнить, что тебе дано очень сильное оружие, и необходимо держать его в чистоте, не баловаться и по воробьям не стрелять…

«Постарайтесь их запомнить, эти заповеди», – сказал Кольцов Татьяне Тэсс. И она не просто годы хранила их в своей памяти, а проверяла по ним каждый очерк и каждую строку, написанную для себя и сотен тысяч читателей.

Диапазон применения байки. При индивидуальном обучении и воспитании начинающих журналистов.

№ 52. Байка «Газетные штампы в арсенале журналиста»

Авторы этих историй уверяют в их абсолютной реальности, но поскольку главный герой жив-здоров, имя приводится вымышленное.

Герой первой истории, рассказанной журналистом А. Ломтевым, – его коллега, корреспондент районной газеты Вася Козин, – из-за поломки редакционного «Газика» не мог добраться в дальний колхоз, в котором дояр получил орден. Вася дошел пешком до ближайшего села и из сельсовета по телефону связался с председателем колхоза, где трудился орденоносец. Сквозь шорохи, треск и свисты ненадежной связи журналист ловил каждое слово и молился о том, чтобы связь не оборвалась. Все получилось, и очерк вышел на славу. Особенно удался монолог орденоносца. Голубоглазый колхозник у Васи сидел на крылечке дома, мусолил во рту соломинку и задушевно рассуждал о том, как хорошо ему живется в родном советском колхозе, как он любит свою тихую, но передовую глубинку, малую родину, и как эта любовь помогает ему добиваться рекордных удоев…

Газету отпечатали ночью и рано утром развезли по району. На планерку в кабинет редактора Вася шел с высоко поднятой головой. Но когда все расселись, он вдруг заметил, что редактор как-то странно смотрит и цвет лица у него нездоровый. Обычно такой оттенок появляется перед «бурей». Это почувствовал не только Вася…

– Гвоздем следующего номера, – без предисловий начал планерку редактор, – не побоюсь этого капиталистического термина – сенсацией, у нас будет материал под названием «Чудо!» с подзаголовком: «Простой журналист исцелил колхозника». И напишет его наш дорогой Василий Козин.

Редактор развернул газету и выразительно прочитал слова дояра: «А как хорошо в свободную минуту поговорить с товарищами о том да сем, видах на урожай и международной ситуации…» Конечно, хорошо! – редактор повысил голос. – Еще бы нехорошо поговорить. Только дояр этот немой от рождения!

Смеялись все, даже сам редактор, несмотря на нездоровый цвет лица. Смеялись долго, но не зло и даже сочувственно.

Сюжет второй байки, записанной Александром Молчановым, аналогичный. Но ее герой – воронежский радиожурналист Вадим

Мизинцев (фамилия слегка изменена), который из-за своей любви к выпивке не попадает к заслуженному гуртоправу-орденоносцу[1] из отдаленного села. Он получил командировочные и на три дня запил. Потом привел на работу своего друга-актера и за полчаса записал программу. Друг со знанием дела говорил о нелегкой работе гуртоправов, красоте дикой природы, любви к партии и о том, как он счастлив получить заслуженную награду.

Программа вышла в восемь утра на следующий день. Уже в восемь сорок начальнику Вадима позвонил секретарь райкома и попросил разобраться с журналистом: «Утром ко мне прибежала жена этого гуртоправа с требованием найти управу на мужа. Я ничего не понял и спросил, в чем дело. Женщина сказала, что он тридцать лет с ней прожил и все это время притворялся глухонемым, а как орден дали, сразу заговорил и стал интервью на радио давать!» Вадима уволили, но через пару месяцев без него заскучали и тихонько взяли обратно.

Похожая история есть в книге воспоминаний известного репортера Юрия Летунова «Время, люди, микрофон» (М., 1971). Близкий сюжет есть у Сергея Довлатова.

Мораль. В этих байках журналисты предстают находчивыми людьми, которые заочно делают великолепные тексты. Но о таких тружениках пера и микрофона нельзя говорить как о творческих личностях и блюстителях норм профессиональной этики. Творчество подразумевает постоянный поиск, новизну, желание искать и находить новые формы. А в этих историях журналисты использовали запас неких штампов, чтобы подготовить текст о передовом труженике села.

Комментарий. Некоторые опытные журналисты считают, что каждый корреспондент должен иметь арсенал устоявшихся выражений и газетных клише. По их мнению, это идеальный способ экономить время. В советские годы владение палитрой идеологических штампов давало шанс попасть в разряд способных специалистов. Подробности использования клише в журналистской деятельности воссозданы в вышеназванной книге Ю. А. Летунова. Например, там есть рассказ о том, как сам автор, начинающий журналист, пришел в редакцию «Последних известий» Всесоюзного радио, где разворачивалась кампания по празднованию юбилея Л. Н. Толстого. «Сейчас мы напишем стандартные фразы на начало подборок, – сказал ему более опытный коллега. – Начать всегда сложно. А поиск новых слов отнимает много времени. Потом ты все будешь держать в голове, а сейчас давай сделаем несколько заготовок».

У опытного журналиста нашлось немало стереотипов, которыми он щедро поделился: «Все советские люди отмечают…»,

«Трудно найти человека, которому не было бы известно имя Льва Толстого…», «Его произведения близки и любимы…» и т. п.

«Мне стало легко и радостно, – вспоминал Летунов. – С такой шпаргалкой я мог идти на экзамен… Да, вначале надо овладеть штампами, чтобы затем от них отказаться и взять на вооружение лишь то, что необходимо. Нельзя каждый раз высчитывать, сколько будет пять, умноженное на пять…» При этом Ю. Летунов считал штампы одной из хронических болезней журналистов. «Они быстро усваиваются и нарастают», – рассуждал он. В свое время критиковал штампы и призывал от них отказаться Михаил Кольцов. Но есть известные журналисты, которые говорят о пользе такого приема. «Я – не Джордж Оруэлл, предложивший исключать из текстов любые выражения, не придуманные самими авторами, – пишет популярный журналист наших дней. – Штампы нужны. Совсем без них – никуда. Это все равно, что выходить на субботник без граблей и перчаток. Или играть в хоккей без клюшки и нагишом. Забавно, конечно, но не очень продуктивно. Однако злоупотреблять ими не стоит. Во всем важна “золотая середина”, журналистика в этом плане – не исключение».

Диапазон применения байки. При изучении основ творческой деятельности журналиста.

№ 53. Байка «Ответственность журналиста за все сообщенное»

Корреспондент газеты «Новое Время» В. И. Немирович-Данченко в одном из своих писем с Балканского театра военных действий Русско-турецкой войны 1877–1878 годов писал: *«Ошибка становится преступлением, невнимательность – злодейством. Я принимаю на себя лично ответственность за все сообщенное ниже. Я не скрою фамилий действующих лиц – но и свою подпишу. Если у этих господ хватит наглости, я и на суде стану защищать каждую строку моих сообщений. Для авторов этих ошибок, для карьеристов, пользовавшихся войною как случаем выдвинуться, нет суда формального. Пусть же будет для них суд нравственный, суд общественного мнения».*

Мораль. В структуре профессиональных качеств журналиста ответственность за истину и объективность занимают одно из важнейших мест. Добыть точную информацию, рассказать людям правду – правило честного журналиста. Ответственное отношение к своему долгу является одной из главных традиций отечественной журналистики.

Комментарий. Ярким примером следования этой традиции в русской журналистике является автор приведенной цитаты, знаменитый русский журналист Василий Иванович Немирович-Данченко. До недавнего времени его имя многим было неизвестно. Об этом говорит следующая история.

В начале 2000-х годов третьекурсник факультета журналистики СПбГУ Иван Емельянов обратился в крупнейшую библиотеку Петербурга в поиске литературы для курсовой работы о Василии Ивановиче Немировиче-Данченко.

– Молодой человек, Немировича-Данченко зовут Владимир Иванович, – поправила будущего журналиста пожилая сотрудница библиотеки.

– Владимир Иванович Немирович-Данченко – известный театральный деятель, один из основателей МХАТа, а меня интересует его старший брат – Василий Иванович, известный русский журналист, – уточнил студент.

Спустя какое-то время библиотекарь провела будущего журналиста к шкафу с библиографическими карточками и сообщила, что Василием Ивановичем Немировича-Данченко никто не интересовался с 1930-х годов.

Почему это имя было незаслуженно долго забыто и рядовыми читателями, и историками российской журналистики? Мало кому

известно, что в конце XIX – начале XX века В. И. Немирович-Данченко считался одним из самых популярных и читаемых литераторов России. Признанию его журналистского таланта способствовали блестяще выполненные фронтовые корреспонденции с театра военных действий Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в которых он писал не только о героизме русских воинов, но и рассказывал правду о войне, какой бы горькой она ни была, критиковал беспорядки в снабжении и медицинском обеспечении армии, ошибки и бездарность военачальников при проведении боевых операций – не взирая на лица. После 1917 года необходимость в военной журналистике, содержащей критику, отпала, имя корреспондента и его опыт оказались надолго забыты.

Между тем, В. И. Немирович-Данченко не просто работал журналистом, он смотрел на мир, людей и происходящие события сквозь призму своей профессии и призвания. Осознание журналистского долга и полное принятие возлагаемой им ответственности – вот что делало его корреспонденции с фронтов такими живыми, искренними и талантливыми. Когда читатель знакомится с военными публикациями В. И. Немировича-Данченко, он чувствует, что автор лично присутствовал при этих событиях, находится за каждым словом и действием. Будто притаился и ждет, когда у читателя возникнут упреки и сомнения, чтобы немедленно появиться и с жадностью принять на себя удар за написанные строки. Военный журналист знал, что не имеет права молчать, недоговаривать, лгать, потому что от его слов зависят сотни солдатских жизней, человеческие судьбы, честь и достоинство русской армии. Но и этого мало. В. И. Немирович-Данченко прекрасно понимал, что на основе его материалов формируется общественное мнение.

Он старался быть непредвзятым и отстраненным наблюдателем. Не желая находиться ни на чьей стороне, анализировал каждое явление, событие и человека на войне. За это его ценили еще больше. Немирович-Данченко – один из не многих журналистов, присутствовавших на полях сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 годов до ее конца. Побывал в десятках сражений, он описал генералов «за работой». Вместе с небольшим отрядом совершил героический зимний переход через горные хребты. Делил с простыми солдатами хлеб, соль и землянку; стал для них своим. Помогал раненым, докторам и сестрам милосердия. Увидел страшное – кровавое и безжалостное – лицо войны и мастерски его описал. Благодаря такому опыту и огромной самоотдаче доверие читателей к В. И. Немировичу-Данченко было колоссальным.

Свое пылкое и колоритное письмо он дополнял и уравновешивал точными данными и статистикой. В его корреспонденциях нередко встречаются сухие подробные отчеты, например, об изменении военной тактики российской армии, передислокации войск, перегруппировке батарей, устройстве траншей и редутов. В доказательство изложенных фактов и собственных умозаключений журналист приводил свидетельства очевидцев и участников событий, военнопленных и экспертов.

В. И. Немирович-Данченко писал материалы, что называется, на злобу дня. И даже больше. Можно предположить, что в российском обществе конца XIX века существовал социальный заказ на военную тему. Не исключено, что в именно в то время сформировывались некоторые аспекты так называемой гражданской журналистики. Ведь журналистское ремесло отвечало требованиям и предпочтениям граждан своей страны более чем в полной мере. Не будет преувеличением сказать, что в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов участвовала вся Россия. Да, многие принимали участие в великих событиях косвенно, но активно. И государство, и общество желали знать, что происходит на полях сражений, как складываются внутриармейские отношения и организуются военные кампании, чем живут российские солдаты. Пресса, по мере своих сил и возможностей, старалась ответить на насущные вопросы. Благодаря чему в это время складывается такой прогрессивный и качественно новый институт, как военная журналистика. Данное явление представляется серьезным достижением российской печати и общественности.

В. И. Немирович-Данченко показывал читателю правдивую войну, со всеми таинствами и без прекрас. Он, не задумываясь, рассказывал о ее жестокости и бесчеловечности. И от его рассказа величие воинского подвига, духовная красота и мощь русской армии не только не проиграли, а наоборот, выиграли.

…В 60 лет Василий Иванович отправился корреспондентом газеты «Русское слово» на Русско-японскую войну 1904–1905 годов и участвовал в боях под Ляояном, Порт-Артуром, Мукденом. Мы проиграли эту войну. Журналист в своих статьях критиковал военное руководство и после поражения под Вафаньгоу был удален из армии. Однако он и в 70 лет не усидел дома и с началом Первой мировой войны 1914–1918 годов оказался на Польском и Галицийском фронтах, а затем во Франции; потом участвовал в военных операциях на Кавказе.

Как многие, Василий Иванович тяжело перенес гражданскую

войну – в бескормице и хлебных очередях, сам в очень преклонных летах колол дрова. Было разрушено все, к чему он привык и что создавал долгие годы. Особенно угнетало расставание с книгами, которые он собирал всю жизнь. В 1921 году, получив разрешение на работу в зарубежных архивах над книгой «Народные трибуны, вожди и мученики», Немирович-Данченко покинул Россию. Выстоял и в эмиграции, а после годичного пребывания в Берлине вместе с женой перебрался в Прагу, где и прожил последние годы. В рамках «русской акции» правительство Чехословакии выплачивало ежемесячные стипендии писателям из России. Самая крупная – 1500 крон – досталась Василию Ивановичу. Его избрали почетным председателем Пражского союза русских писателей и журналистов. С легкой руки И. С. Шмелева писатели-эмигранты прозвали Немировича-Данченко «старшиной». А он продолжал писать, много печатался в русских периодических изданиях, выпускал книги на русском и чешском языках. Василий Иванович скончался 18 сентября 1936 года. В его огромном наследии есть и стихи, и рассказы для детей, и множество романов и повестей. Роман «Гроза» о Русско-турецкой войне в свое время был популярнее «Анны Карениной» Толстого. Василий Иванович всегда работал и был очень дисциплинированным. Писал, как правило, по ночам, вернувшись из театра или со светского собрания. Никогда не пил и не курил, а работоспособность, как Бальзак, поддерживал с помощью крепкого кофе. За ночь на его столе вырастала стопка густо исписанных листов. И так день за днем, всю жизнь.

Диапазон применения байки. При обсуждении опыта освещения вооруженных конфликтов, традиций отечественной журналистики, требований к профессиональным качествам сотрудника СМИ.

№ 54. Байка «Жест как проявление непрофессионализма»

В прямом эфире телеканала «Рен-ТВ» ведущая рассказывала о саммите АТЭС: «Сегодня Дмитрий Медведев стал председателем организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Ранее этот пост занимал американский президент Барак Обама». И сразу после этих слов показала средний палец… Руководство телеканала назвало поступок журналистки «грубейшим нарушением эфирной дисциплины и проявлением непрофессионализма». Несмотря на известность, ее уволили.

Мораль. Общаясь между собой невербально, мы часто не задумываемся о том, что значит тот или иной знак, жест и символ для человека иной культуры или национальности.

Комментарий. По подсчетам американского психолога А. Мерабяна, только 7 % информации содержится в словах, 38 % приходится на интонацию и голос, 55 % – на выражение лица и жесты. О значимости невербальных стимулов говорит тот факт, что если слова выражают одно, а голос – другое, зритель поверит голосу. Если и лицо еще что-то «говорит», поверят ему. Наука, изучающая совокупность жестов, поз и телодвижений, используемых в коммуникации, называется кинесикой.

Есть жесты-иллюстраторы – это описательно-изобразительные жесты, теряющие смысл вне речевого контекста. Жесты, движения тела, рук или кистей, сопровождающие речь, у каждого народа имеют свое значение. Так, в отличие от русских, немцы и французы при счете не загибают, а разгибают пальцы. Говоря о себе, европеец показывает на грудь, японец – на нос. В ближневосточных странах левая рука считается «нечистой»; там коммуникатор, активно жестикулирующий левой рукой, может быть воспринят недоброжелательно. У японцев вертикальное быстрое движение головой означает не «я согласен», а «я внимательно слушаю». А их указательный жест интерпретируется американцами как попрошайничество. Некоторые культуры (например, еврейская, итальянская) поощряют использование экспрессивных жестов во время разговора, другие (прежде всего, восточные) – наоборот.

Кроме того, существуют модальные и ритуальные жесты, жесты-эмблемы. Модальные выражают эмоциональную оценку, отношение к предметам и людям. Это жесты одобрения, неудовлетворенности, иронии, недоверия, неуверенности,

страдания, раздумья, смятения и т. п. Ритуальные жесты – христиане крестятся, мусульмане в конце молитвы проводят руками сверху вниз и т. п. – тесно связаны с определенной культурой и теряют смысл за ее рамками.

Конвенциальные жесты, несущие информацию сами по себе, классифицируются как эмблемы. Они употребляются сознательно и передают автономное сообщение, подобно слову или фразе, а потому характеризуются как квазилингвистические. Эмблемы используются при приветствии или прощании, приглашении, запрещении, оскорблении и т. д. Чаще всего они связаны с национальными традициями и могут порождать массу ложных декодирований в инокультурной аудитории. Наглядный пример – финальный кадр фильма «Двойной удар». Исполнитель главной роли Жан-Клод Ван Дамм образует большим и указательным пальцем знак «о». В США это означает «все в порядке» (o'kay), в Японии – деньги, в некоторых регионах Европы – оскорбление («ты – ноль, ничто»), а в Португалии и странах Латинской Америки данный жест считается грубым и вульгарным (интерпретируется как предложение заняться сексом).

Другой пример – снимок американских военнослужащих, взятых в плен корейцами в 1968 году. Он был сделан корейской стороной и отправлен в США с целью показать, что пленники содержатся в хороших условиях. Но как только фотографию обнародовали, американцы обратили внимание на одну деталь: узники выставили вперед средний палец (жест, означающий в Америке негативное отношение). Этого было достаточно, чтобы «декодировать» неповиновение и презрение, а также понять, что у пленных не все благополучно.

Понятно, за что уволили российскую телеведущую: ее средний палец американские СМИ расшифровали как «Пошел ты!» в адрес Барака Обамы.

Диапазон применения байки. При освоении специфики, навыков и видов профессионального общения, усвоении норм этикета современного журналиста.

№ 55. Байка «Плагиат или свойства памяти?»

Знакомство владельца просвещенного «Русского слова» Ивана Сытина и будущего редактора этой газеты Власа Дорошевича произошло при необычных обстоятельствах. Однажды под вечер в конторку к известному русскому издателю зашел молодой человек (Дорошевичу тогда было всего шестнадцать лет) и предложил купить рукопись под названием «Страшная ночь, или Ужасный колдун». Сытин нашел название подходящим и выдал своему будущему лучшему сотруднику первый гонорар в пятнадцать рублей (молодой человек, почти мальчик, бормотал о стесненных обстоятельствах). Через несколько дней наборщик обнаружил, что рукопись – не что иное, как плагиат малороссийских повестей Н. В. Гоголя…

Мораль. Слово «плагиат» имеет корни в римском праве и происходит от латинских слов plagio (похищаю) и plagium litterarium (кража литературной собственности). В русскую речь оно пришло из французского языка: plagiat – ограбление, похищение, умышленное присвоение авторства на чужое произведение литературы, науки, искусства, изобретение (полностью или частично). За такие действия предусмотрена не только моральная, но и гражданская, и даже уголовная ответственность. Например, в 2012 году венгерская пресса уличила президента своего государства П. Шмитта в плагиате большей части его докторской диссертации об Олимпийском движении, защищенной 20 лет назад. Чиновник высокого ранга был вынужден подать в отставку.

Комментарий. Почему И. Д. Сытин продолжил отношения с обманувшим его молодым человеком? Видимо, провинность начинающего журналиста его не огорчила, так как по свидетельствам современников плагиат в то время процветал на Никольском книжном рынке в Москве: «Никольский писатель всегда относится к чужому литературному произведению так, как мы относимся к народной песне. Кто-то сложил песню, а я хочу спеть ее по-другому, по-своему. Разве нельзя? Кому принадлежит песня? Никому, хозяина у нее нет…» Возможна еще одна причина снисходительности: опытный издатель разглядел в молодом Власе Дорошевиче именно те задатки, которые сделали его лучшим сотрудником «Русского слова».

Знаменитые авторы по-разному относились к использованию

своих произведений. Впервые узнавший о плагиате А. П. Чехов посчитал это вершиной своего успеха. А известный журналист «Комсомольской правды» В. А. Аграновский, обнаружив в одной из газет свой очерк «Искатели» с измененным именем героя и другой фамилией автора, сокрушался исключительно по поводу своих недоработок: «Не гордиться мне надо, а краснеть: написал своего героя так, что получился не образ, а костюм, пригодный на любую фигуру. Выходит, не заметил я в Анатолии Пуголовкине ничего такого, что “не налезало” бы на Василия Дыбаля. Меж тем, истинная типизация достигается за счет выявления не придуманных индивидуальных черт». В наши дни о плагиате в СМИ весьма красноречиво высказался другой журналист «Комсомольской правды» – А. Калашников: «Плагиат – незаживающая рана на теле журналистики. Ее происхождение ни у кого не вызывает сомнений: пренебрежение правилами элементарной гигиены».

На практике встречается и такое явление, как непреднамеренный (подсознательный) плагиат. Это происходит, когда возникает образ того, что имело место в прошлом опыте, хотя и без отнесения к прошлому, то есть образ возникает без актуального воздействия. Об этом свидетельствуют редкие, но запоминающиеся примеры криптомнезии: человек точно воспроизводит то, что имело место в его прошлом, но обычно как продукт личного творчества и собственную выдумку. Случаи криптомнезии неоднократно выявлялись на судебных процессах по обвинению в плагиате. Например, молодой писатель выпустил книжку сказок. Кто-то обнаружил, что в ней есть буквальное повторение текста из произведения другого писателя. Так начался судебный процесс по обвинению в плагиате. Но на суде выяснялось, что автор все сочинил сам, а не списал у кого-то. Стали разбираться, как это произошло. Оказалось, что эти сказки он слышал в раннем детстве, потом забыл, а став взрослым человеком, занялся писательской деятельностью и стал сочинять свои сказки. Однако его сочинение сводилось к воспроизведению в памяти давно услышанного и хорошо забытого. Так вот криптомнезия – это воспроизведение с большими творческими усилиями образов прошлого. Однако человек не может сам определить, являются ли образы продуктом его личного творчества.

В статьях, посвященных плагиату, отмечается, что следует отличать плагиат от литературной преемственности. Здесь, например, можно вспомнить традицию стихотворений-«памятников» в русской литературе. Скажем, к оде Горация «Exegi monumentum» («Памятник») в русской литературе

XIX–XX веков обращались и М. В. Ломоносов, и Г. Р. Державин, и А. С. Пушкин. Не признается плагиатом использование сюжета, темы произведения или научной идеи с облачением их в другую форму выражения по сравнению с той, из которой они заимствованы. Совпадение некоторых идей само по себе также не может быть признано плагиатом. Ведь авторы часто приходят к похожим результатам творчества независимо друг от друга.

По законодательству РФ плагиат влечет уголовную ответственность в виде штрафа, обязательных работ или ареста виновного лица (ч. 1 ст. 146 УК РФ). Предусмотрены и гражданско-правовые методы защиты авторского права в виде права автора потребовать возмещения убытков или выплатить компенсацию (статьи 1252 и 1301 ГК РФ). Однако юристы говорят, что недостаточность судебных прецедентов по гражданским делам и отсутствие четких критериев понятия «плагиат» не всегда позволяют судам принять решение и определить, имеется ли плагиат в конкретном случае. Суд назначает специальные экспертизы, которые должны определить сходность двух произведений до степени смешения. Специалисты отмечают, что на полную объективность таких экспертиз рассчитывать сложно.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем авторского права и норм журналисткой этики.

№ 56. Байка «Нельзя нагонять страх на людей и пугать их!»

На рубеже XX и XXI веков в некоторых странах приняли закон, запрещающий сенсационную и пугающую подачу в СМИ информации о природных катаклизмах. «Когда я услышал об этом по радио, – пишет ветеран отечественной журналистки, «известинец» Владлен Кривошеев, – вспомнил свой конфликт в начале 1960-х годов с главным редактором по поводу двинувшегося в Средней Азии ледника «Медвежий»…». Кривошеев, тогда исполнявший обязанности редактора газеты «Известия» по отделу внутренней информации, настаивал на острой и сенсационной подаче материала о стихийном бедствии. Схему движения ледника, интервью с видным гляциологом, репортаж с места события сверстали «чердаком» на все восемь колонок последней полосы, громко и броско. А главное – оперативно: днем пришло сообщение информагентства, а утром на другой день «блок» уже был готов. У читателей, прочитай они преподнесенную в таких мрачных красках новость о грозном ледовом движении, волосы зашевелились бы от ужаса. Однако на утренней планерке главный редактор «Известий» Алексей Аджубей приказал материал снять, объяснив свое решение неправильностью подачи события: «Нельзя нагонять страх на людей и пугать их!»

«Выходит, Алексей Иванович “разработал” подобный закон еще четыре десятилетия назад», – отметил Кривошеев, вспомнив эпизод со снятым материалом о леднике «Медвежий».

Мораль. К сожалению, современные СМИ забывают об этом правиле. Экологическая информация, особенно о стихийных бедствиях, в значительной части тревожна и будоражит людей. Представление о том, что в центре природной истории обязательно должен быть кризис или конфликт, мешает созданию аналитических материалов, требующих тщательного изучения темы. Негативная журналистика говорит о проблемах, не предлагая пути их решения. Она заставляет читателя (зрителя, слушателя) чувствовать свое бессилие и в конечном итоге приводит к социальной и политической апатии аудитории, что крайне неблагоприятно отражается на природоохранной деятельности.

Комментарий. Журналистика как род деятельности оказывает сильное воздействие на психику человека. Поэтому от журналиста требуется высокий профессионализм в подаче

сообщений на природоохранную тему, который проявляется в его психологической культуре. Донося до людей экологическую информацию, он должен прежде всего стремиться к тому, чтобы она была доступна аудитории СМИ. Для людей без специальной подготовки сложная техническая информация является непонятной и, соответственно, вызывает страх, тревогу. Тщательный отбор и четкая организация содержания материалов экологической проблематики – важные условия их восприятия. Однако это нелегко сделать из-за обилия информации. Поэтому отбираются лишь те сведения, которые способствуют изменению поведения людей по отношению к окружающей среде. Причем в каждом случае какой-то слой населения оказывает большее влияние на природу по сравнению с другими группами, а значит, нужно уделять внимание именно ему. Знание интересов целевой группы порой оказывается решающим. Например, эстонские ученые установили, что уровень обеспокоенности состоянием окружающей среды пропорционален объему общественной информации, потребляемой человеком, а он зависит от уровня образования. Лица с высшим образованием, утверждают они, интересуются охраной природы в два раза чаще, чем люди со средним образованием.

Вызвать озабоченность людей экологической проблемой и оставить их с ней наедине нерационально. Это может породить апатию и расстройство. Нужно показать решение. Нередко к полезным изменениям можно побудить, апеллируя к гордости за свой край. Важно учитывать, что восприятие природоохранных проблем обуславливается не только знаниями, но и традициями, предрассудками, жизненными принципами, опытом, ценностными ориентациями. Опыт показывает, что легче достигать изменения устоявшихся стереотипов, взглядов и представлений не путем их полной ломки, а с помощью изменения интенсивности – выявляя, поддерживая, развивая и закрепляя существующие в сознании людей и принятые в обществе природоохранные взгляды, традиции и представления.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем освещения в СМИ экологических бедствий и катастроф.

№ 57. Байка «Как из позитивной информации получается ужастик»

В октябре 1997 года в «Комсомольской правде», в материале под названием «Ребенок-мутант поквитался с ядерным заводом», было рассказано о семье, выигравшей судебный иск против Челябинского производственного объединения «Маяк». В результате аварии, случившейся на этом предприятии, в семье родился ребенок с пороком костной системы и генетическими изменениями в организме. Сам факт, что пострадавшие от последствий экологической катастрофы обычные люди решили обратиться в суд для защиты своих конституционных прав и что суд удовлетворил их иск, является беспрецедентным для России. Из этой информации можно было сделать громкий и по-хорошему сенсационный материал. Однако журналист предпочел заострить внимание на уродстве ребенка, подробно описав его физические недостатки. Так из позитивной информации о людях, отстоявших свое право на возмещение морального ущерба, получился очередной экологический ужастик.

Мораль. Нет гарантии, что в следующий раз медики и адвокаты пострадавшей стороны поделятся с представителем СМИ какой-нибудь информацией. Скорее, будут с меньшим доверием относиться к прессе. При описанном подходе к делу ничего удивительного, что перед журналистами захлопывают двери, от их телекамер отворачиваются, закрывают ладонью объектив и прячут лица. Далеко не всегда потому, что есть чего стесняться и что скрывать.

Комментарий. За два последних десятилетия уровень доверия к СМИ резко понизился. По результатам исследования ВЦИОМ 2007 года, доверие к масс-медиа находится в пределах «скорее доверяю» (43–52 %) и «скорее не доверяю» (19–25 %). Во многом негативное отношение к журналистам проистекает из стереотипов, которые сложились в том числе по вине самих репортеров и обозревателей, многие из которых сделали головокружительную карьеру благодаря фактическому игнорированию норм профессиональной этики. Некоторые ученые-эксперты перестают общаться с журналистами из-за того, что полученную от них информацию по вопросам изменения климата и влияния окружающей среды на здоровье человека, другим экологическим проблемам представители СМИ передают неточно, вырывая из контекста отдельные положения, чтобы придать материалу сенсационность и актуальность. Не меньше

обид на журналистов у «действующих лиц» публикаций и телерепортажей. Точнее было бы сказать – «жертв публикаций». Ошибки в написании имени и фамилии – минимальный журналистский грешок. И самое тяжкое нарушение этики – обнародование порочащих героя сведений, которые, даже будучи достоверными, могут существенно испортить жизнь не только конкретному человеку, но и его близким. Порой журналисты слишком заостряют внимание на описании физических недостатков пострадавших от экологических катастроф, крупным планом показывают их уродство. Что недопустимо.

Диапазон применения байки. В ходе овладения журналистами навыками психологической культуры освещения экологической проблематики в СМИ.

№ 58. Байка «Вам объявлена благодарность за тщательную проверку фактов»

В конце июля 1943 года военный корреспондент «Правды» Л. Толкунов (будущий редактор «Известий») получил выговор от главного редактора П. Н. Поспелова «за неоперативность в освещении наступательной операции Красной Армии в районе города Болхова».

«Прокол» в самом деле был ужасный: все газеты, опираясь на информацию корреспондента ТАСС, сообщили о взятии нашими войсками города Болхова – важного пункта обороны немцев. Одна «Правда», не получив известие от своего военкора Л. Толкунова, ни словом не обмолвилась о серьезном достижении Красной Армии. Выговор был вполне щадящим наказанием.

Сам военкор, к счастью, о взыскании ничего не знал – он в это время участвовал в бою на окраине Болхова. И именно по этой причине ему было точно известно, что город еще не взят. Не знал он и того, что в Ставке Верховного Главнокомандующего неверная информация в газетах вызвала острую реакцию, а «Правду» всем поставили в пример.

Через несколько дней, когда Болхов наконец освободили, военкор Л. Толкунов прибыл в штаб армии, чтобы связаться с редакцией по ВЧ. Тут-то ему и показали телефонограмму о выговоре. На недоуменный вопрос о причинах взыскания главный редактор «Правды» ответил:

– Голубчик, забудьте о выговоре. Вам объявлена благодарность за тщательную проверку фактов.

Мораль. Факт для журналистики так же важен, как человек для анатомии. Это основа основ. Главное – реально совершившееся действие, сделанное в противоположность сказанному или придуманному; то, что действительно имеет место.

Комментарий. Понятие «факт» используется в двух значениях. Фактом называют любой состоявшийся, происшедший момент действительности. Еще под фактом подразумевают форму человеческого знания, обладающего достоверностью. В первом случае речь идет о фрагменте объективной реальности, во втором говорят о его отражении. Факт в журналистике – достоверное отражение фрагмента действительности, обладающее реальной репрезентативностью. С его помощью создается модель действительности. Факты бывают разнородные.

Для СМИ всегда было важно оперативное получение фактов

и их достоверность. Этого во все времена требовали руководители от своих корреспондентов. Например, во время Русско-японской войны 1904–1905 годов в инструктивном письме директора Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПТА) корреспондентам в войсках дали такие указали: *«…Для нас очень важно, чтобы мы имели возможность получать первыми все выдающиеся факты о деятельности Вашей армии, по возможности в день происшествия. В случае особо выдающегося события, дабы обеспечить более своевременное получение сообщения о нем, прошу Вас давать две телеграммы: одну немедленно (“срочно”) с изложением в нескольких словах самого факта, а вслед за ней другую (обыкновенную), с подробным изложением деталей события. В случаях, когда проверка факта является затруднительной или невозможна, между тем он является интересным и вероятным, телеграмму следует передавать словами “по слухам”… При сообщении о событиях маловажных надо избегать всяких деталей и беречь слова. В телеграммах же о крупных событиях необходимо при сжатости изложения стремиться к полноте сообщения и поэтому можно не особенно стесняться в количестве слов»*.

Когда корреспонденты СПТА не выполняли требования инструкции, реакция агентства была резкой. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма директора СПТА корреспонденту А. Н. Афанасьеву: *«Считаем долгом сказать Вам, что двукратное телеграфирование известий, успевших уже почти дойти до Петербурга, совершенно лишает возможности впредь пользоваться Вашим сотрудничеством, ввиду чего просим Вас вернуть выданное Вам удостоверение № 114, а также не израсходованный Вами остаток аванса на телеграфные расходы в размере 195 рублей 60 копеек»*.

При проверке достоверности фактов журналисту важно знать:

– из каких источников они получены;

– какие цели преследовали люди, сообщившие о них;

– четко различать факты науки и обыденные факты.

В основе обыденного факта лежат реальные поступки людей, которые могут стать предметом журналистского исследования. Журналист сталкивается с массой различных фактов, касающихся событий повседневной жизни. Порой каждый из них сам по себе значения не имеет, но соединив все вместе, журналист получает достаточно ясную картину. Вопрос в том, что при наличии большого количества фактов надо их рассмотреть с различных точек зрения. И еще чтобы на это было время. Часто один факт, взятый вне связи с другими, не имеет никакого значения. Поэтому журналисту для сравнения следует приводить несколько

связанных фактов. Тогда информация приобретает особую ценность и скорее заинтересует аудиторию. Однако, чтобы привести в тексте несколько взаимосвязанных фактов, нужно не только провести большую работу, но и хорошо знать изучаемое явление. Таким образом, в информационной работе необходимо сочетание глубоких знаний с умением и способностью правильно оценивать явления, что обычно присуще опытным журналистам. Великолепное умение работать с фактами, показал, например, Анатолий Аграновский, у которого факты настолько плотно и четко сбиты, что журналисты говорили: «И бритву не просунешь!» Популярность некоторых обозревателей объясняется тем, что они не только указывают на факт, но и разъясняют его смысл, приводя дополнительную, связанную с ним информацию.

Диапазон применения байки. При оценке роли факта в журналистском произведении.

№ 59. Байка «СМИ и формирование ценностной ориентации личности»

На факультете психологии СПбГУ провели исследование, в ходе которого методом контент-анализа изучили 542 публицистических очерка 1930–50-х и 1970–80-х годов и составили список из 23 черт личности, наиболее часто упоминавшихся при характеристике героев. Выяснилось, что в 1930–50-е годы на первом месте были романтика и трудолюбие, а в 1970–80-е их место заняли практичность и настойчивость. Результаты исследования показали, что СМИ изменили направление в формировании ценностной ориентации личности.

Мораль. Ценности играют определяющую роль в жизни людей. Они являются ориентирами, образуют сложный мир смыслов и символов, составляют основу индивидуальных и коллективных суждений и поступков. В них есть регулятивные и нормативные компоненты.

Комментарий. В истории исследования медиавоздействия не сразу обратили внимание на роль СМИ в трансляции существующих ценностей и формировании нового аксиологического пространства. Сначала во влиянии массмедиа прежде всего изучались вопросы подбора новостей, содержание информации, статус аудитории, индивидуальные различия получателей информации. А культурно-наследовательной функции, и тем более – аксиологически-креативной, в исследованиях не было. И только с развитием кино, радиовещания, телевидения появилась необходимость осмыслить их как трансляторы ценностей общества.

Впервые данной проблемы заинтересовались американские исследователи Р. Петерсон и Л. Терстоун, которые в 1930-х годах проводили эксперименты по изучению воздействия кинофильмов на определенные ценности. Выяснилось, что кино влияет на принятие или отрицание демонстрируемых ценностей, хотя его воздействие не всегда предсказуемо. Так, фильм, воспевающий карточного шулера, вопреки ожиданиям заставлял зрителей более отчетливо осознать, что азартные игры – зло. Более глубоко рассмотрел ценности и воздействие СМИ патриарх медиа-исследований Гарольд Д. Лассуэл – автор известной модели пяти вопросов (кто сообщает? что? по какому каналу? для кого? с каким результатом?). В 1948 году, исследуя функции масс-медиа, он в числе трех важнейших из них указал

деятельность СМИ по передаче культурных ценностей.

Дальнейшее изучение ценностей показало, что они во всем своем многообразии пронизывают духовную жизнь индивида, социальных групп и глобального социума. Вне анализа ценностей исследование динамики духовных процессов в культуре невозможно. Система ценностей занимает фундаментальное положение в структуре человеческого сознания, так как именно она ориентирует индивидов на избирательность действий, поведения и формирует самосознание. Информационное воздействие на ценности является особым способом существования и формирования общества и культуры, и одновременно – источником множества проблем, которые сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Эти выводы позволили провести исследования в сфере формировании ценностной ориентации во второй половине XX века – в нашей стране и за рубежом. Они показали, что массмедиа стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества и претендуют – не без основания! – на роль очень мощного фактора ценностной ориентации общества. Им принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они стали трансляторами культурных достижений и, бесспорно, активно влияют на принятие либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры.

Однако массмедиа не только транслируют существующую систему ценностей, но и активно формируют новое аксиологическое пространство. Став в XX веке одним из компонентов социокультурной среды обитания человечества, ныне СМИ являются эффективным инструментом моделирования мировоззрения личности и ценностной ориентированности социума. Сегодня признанно, что массмедиа – лидер в сфере воздействия на общество и личность. Исследователь сознания в информационном пространстве Е. Д. Павлова предполагает, что по степени влияния на ценностные координаты общества, СМИ можно поставить в один ряд с религией, искусством, литературой, а также системой образования и воспитания, и что в XXI веке массмедиа взяли на себя функцию приобщения личности к историческому и духовному наследию наций, поколений, государств.

По мнению ряда исследователей, в современной России воздействие СМИ существенно усилилось по сравнению с советским периодом. При нынешнем идеологическом вакууме чрезвычайная необъективность и противоречивость информационных потоков способствует тому, что мировоззрение

людей становится все менее цельным, более подвержено манипуляции, насаждению ложных идеалов и ценностей. В том, что в период с 1990 по 2010 год в России увеличились ценности индивидуального человеческого существования и ослабла ориентация на человеческую общность, исследователи видят результат воздействия массмедиа, которым, по их мнению, сейчас принадлежит первое место в информационном влиянии на личность и общество.

Диапазон применения байки. При рассмотрении особенностей аксиологии современной журналистики и способов воздействия СМИ.

№ 60. Байка «Журналист и военная тайна»

Из поколения в поколение среди тружеников пера передается афоризм: «Никто не знает, что такое военная тайна. Но за ее разглашение газету могут закрыть, а корреспондента судить». Фактов, подтверждающих эту истину, в истории множество. Недавний – судебные разбирательства, связанные с публикациями в СМИ Александра Никитина и Григория Пасько.

Мораль. Особенно ярким свидетельством сложности механизма засекречивания сведений явился «альтернативный» путь освобождения журналистов А. Никитина и Г. Пасько от ответственности за разглашение информации, отнесенной к государственной тайне, на который вступили судьи.

Комментарий. Военная тайна – это сведения военного характера, специально охраняемые государством. Она с давних пор является причиной громких скандалов в журналистской среде. Особенно остро встал этот вопрос в связи с развитием технологий в области массовых коммуникаций. Так, появление телеграфа в середине XIX века значительно ускорило распространение прессой военных новостей и привело к тому, что в публикациях участились случаи разглашения секретов воюющих сторон. Например, широко известен случай, когда во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов после сражения при Верте немецкая армия, двигаясь на Запад, разминулась с французскими войсками. Однако немцам попалась французская газета, из которой они узнали, что противник находится в Реймсе. Есть утверждения, что и накануне сражения при Седане Мольтке узнал точную картину расположения французских войск из английских газет.

Таких примеров раскрытия прессой военной тайны в литературе и исторических источниках масса. Законодательство тоже демонстрирует некую эволюцию. Прежде всего, было необходимо дать точное определение понятия «военная тайна» и ограничить перечень сведений, доступных в широком обращении, при этом расширить круг лиц, ответственных за их разглашение.

Один из старейших законодательных сборников – французский «Code pénal», датируемый 1810 годом, – ограничивал круг охраняемых тайн. Согласно этому закону запрещены к передаче лишь сведения, которые имеют непосредственное отношение к войне. Во Франции наполеоновских времен военные люди не считали нужным хранить в секрете многие сведения, которые впоследствии стали

закрытыми. В данном сборнике говорилось о необходимости старательно охранять тайну переговоров и военных предприятий (экспедиций), а понятие «военная тайна» носило чисто служебный и узкий характер. Военной тайной объявлялись сведения, которые раскрывали намерения государства воевать в ближайшем будущем. При этом область воспрещенных к разглашению данных ограничивалась перечисленными в законе планами, в которых упоминались схемы укреплений, арсеналов, портов и рейдов. Таким образом, для Наполеона был важен вопрос о вероятности вооруженного столкновения, начала военных действий.

Закон Франции 1810 года предусматривал факт выдачи военной тайны лишь в том случае, если сведения передавались агентам иностранных держав. Ответственным за выдачу государственной тайны являлся отнюдь не любой гражданин, а лишь должностное лицо, представитель правительства или иной человек, ознакомленный с тайнами официально, в силу своего положения, либо поставленный в известность об упомянутых выше государственных тайнах. В случае передачи сведений, составляющих военную тайну, ответственности подлежало каждое должностное лицо, всякий агент правительства и всякое приставленное им лицо, которое было обязано охранять военные тайны. Все иные лица подлежали ответственности за выдачу сведений, составляющих военную тайну, агенту иностранной державы лишь в том случае, если завладевали ими путем подкупа, обмана или насилия. Наказание значительно снижалось, если выдавший получил закрытые сведения, «не прибегая для этого к предосудительным способам».

В связи с технологическим прорывом в области коммуникаций, изменением характера войн, которые стали вестись массовыми армиями, и их зависимостью от экономического потенциала страны, в 1870-е – 1900-е годы государства начали совершенствовать внутреннее законодательства в области охраны государственной и военной тайны. Например, в Германском уголовном уложении 1870 года запрещалось сообщать другому правительству или публиковать для всеобщего сведения государственные тайны (п. 92 ст. 1), планы крепостей, документы, акты или сведения, сохранение в тайне которых от других правительств необходимо для блага Германской империи или одного из государств союза. Следует заметить, что в определении понятия «военная тайна» чувствуется влияние наполеоновского законодательства 1810 года. Однако теперь она трактуется шире – уже воспрещается не только передача сведений военной тайны, но и их публикация.

В судебной практике особые трудности вызывало выяснение

условий, при наличии которых сведение должно считаться таким, что его сохранение в тайне от других правительств «необходимо для блага Германской империи или одного из государств союза». Только 12 мая 1884 года имперский суд пояснил, что наряду с сообщением государственной тайны в прямом смысле этого понятия, п. 92 ст. 1 Уложения 1870 года предусматривает передачу иностранному государству и таких сведений, «таинственность которых является относительною», то есть требуется лишь того, что данное сведение не было известно иностранному правительству, а потому подлежало сохранению от него в тайне. Причем для состава преступления была совершенно безразлична степень известности и распространенности этих сведений в самой Германии.

Таким образом, Германский имперский суд ввел понятие «относительной таинственности сведений», что дало властям возможность расправляться с неугодными журналистами и печатными изданиями, виновность которых не вмещалась в рамки закона. Закон от 3 июля 1893 года запретил передачу другому лицу «документов, рисунков или иных предметов, содержание в тайне коих требуется интересами государства». Позднее, в германском законе 1914 года под военными секретами подразумеваются письменные документы, которые понимаются не в техническом смысле, а в смысле вообще бумаг: «чертежи, а также различные предметы и сведения, сохранение коих в тайне необходимо в интересах государственной обороны». Так как данное определение полностью не разъяснило вопрос, военная тайна определялась понятиями, выработанными германской судебной практикой, которая относила к военной тайне все сведения военного характера, которые были неизвестны до этого времени иностранному государству. При этом для понятия военного секрета не имела значения степень публичности и распространенности сведений в пределах Германии. Такое толкование военной тайны давало возможность привлекать к ответственности довольно широкий круг авторов, считавших, что они излагают в своих публикациях уже известные сведения, сообщавшиеся в прессе.

В отличие от германского закона в Российском уголовном уложении 1903 года говорилось, что сведения, опубликованные или сделавшиеся «общенародно известными», уже не имеют значения для внешней безопасности страны, так как не могут считаться секретными.

Однако в европейском обществе, в том числе среди военных, существовало мнение, что, во-первых, нет таких сведений государственного или военного характера, которые бы

при известных условиях не имели значения для иностранного государства, и, во-вторых, что нет такого секрета, который являлся бы абсолютной тайной. Это мнение сформулировал французский военный министр Шарль Фрейсине, выступая на известном процессе капитана Альфреда Дрейфуса. Он сказал: *«Вряд ли можно говорить серьезно о военных секретах в мирное время. Да этих секретов, строго говоря, не существует. Мобилизация? Как у нас, так равно и у наших соседей она производится в кругу собственной территории. Когда вы замечаете, что в какой-либо местности, не насчитывающей двух или трех тысяч жителей, проведено семь или восемь железнодорожных параллельных путей, находятся провиантские магазины и депо, становится совершенно ясно, что это и есть пункт сосредоточения войск… Однако бывают случаи, когда сохранение секрета может принести огромную пользу, например, в период переформирования и перевооружения армии. Если секрет нового орудия или ружья будет тщательно сохранен только на время изготовления их на заводах, то указанное обстоятельство может на целый год или, по крайней мере, на полгода обусловить перевес нашей боевой готовности над противной стороной, но по окончании перевооружения скрывать принятые новые образцы является делом абсолютно невозможным»*.

Французский закон от 18 апреля 1886 года, устанавливавший наказание за разглашение военной тайны, значительно шире очертил объект преступления, чем германский закон 1870 года. Он запретил открывать, сообщать или разглашать «в целом или частях планы, рукописи или секретные документы, имеющие значение для защиты страны или внешней безопасности государства» (п. 1 ст. 1). То есть по закону секретным характером должны обладать только документы и для состава преступления вовсе не требуется, чтобы все сведения носили характер тайны.

Приблизительно того же признака при определении военной тайны придерживался Закон США от 3 марта 1911 года, который запретил собирание, получение и сообщение иностранному правительству «сведений, относящихся к государственной обороне, знание коих виновному по закону не вменено». Кроме того, американцы сформулировали понятие «запрещенных мест», за посещение которых карались те, «кто с целью получения сведений, относящихся к государственной обороне, знание коих ему по закону не вменено, выйдет на какое-либо судно или в адмиралтейство, морскую станцию, форт, батарею, минную станцию, арсенал, лагерь, здание, канцелярию или военное другое место, имеющее отношение к государственной обороне».

Приведенные нормы законодательств XIX и начала XX века говорят о том, что, во-первых, определение военной тайны давалось в общих чертах. Во-вторых, что формальный признак тайны допустим лишь в случаях, когда ответственность за ее нарушение обусловливалась прямым умыслом. В-третьих, что оценка характера сведений зависела от того, оглашаются ли они внутри своей страны или сообщались иностранному государству. В-четвертых, что если в первых законодательных актах объектом преступления за разглашение военной тайны являлось должностное лицо, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, то в законах, принятых на рубеже XIX–XX веков, допускается привлечение к ответственности любого лица, даже при обнародовании сведений, опубликованных или сделавшиеся «общенародно известными», но которые были ранее неизвестны иностранному государству. Таким образом, для состава преступления не требовалось, чтобы все сведения носили характер тайны.

В течение XX века законодательство о военной тайне претерпело эволюцию. Ныне во всех странах данный институт является существенным элементом правовой системы, обеспечивая защиту интересов безопасности государства в сфере обмена информацией. В России вопрос баланса права общества на информацию и необходимости сохранения государственной тайны, частью которой является тайна военная, до конца не урегулирован. Об этом свидетельствует недавняя история осуждения военных журналистов Григория Пасько и Александра Никитина за разглашение сведений, составляющих военную тайну.

В Российской Федерации ограничение доступа к государственной тайне является изъятием из общего конституционного принципа, изложенного в ч. 4 ст. 29 Конституции, согласно которой «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Закон РФ «О государственной тайне» 1993 года допускает ограничение данного права, что, согласно Конституции, должно быть обусловлено интересами защиты обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Субъектом преступления по статье 283 «Разглашение государственной тайны» УК РФ является лицо, которому государственная тайна «была доверена или стала известна по службе или работе». Эта же статья Уголовного кодекса РФ допускает привлечение к ответственности любого лица, обнародовавшего «закрытые» сведения.

Закон РФ «О государственной тайне» регламентирует допуск

лица к сведениям, составляющим государственную тайну (ст. 21–25). При оформлении допуска лицо берет на себя обязательства по нераспространению секретных сведений и ответственности за нарушение этих обязательств (ст. 21). Чаще бывает так, что изначально не проходивший процедуру допуска к тайне журналист получает доступ к секретной информации. Например, при подготовке какого-то материала может возникнуть необходимость посещения «режимного» объекта, нахождение на территории которого невозможно без особого разрешения. Однако внутренний распорядок таких объектов, даже предоставляя возможность для выполнения журналистом своей задачи, обычно предусматривает взятие с него подписки о неразглашении определенных сведений и разъяснение возможной ответственности. Такая процедура может считаться «упрощенным», но строго формализованным допуском лица к секретным сведениям, распространяющим на него обязательства по неразглашению тайны.

Менее определен в законодательстве статус лиц, которым государственная тайна «стала известна по службе или работе». Например, журналист может получить секретную информацию в интервью с военнослужащим. В этом случае непосредственное применение статей Уголовного кодекса РФ и Закона о государственной тайне допускает распространение на журналиста ответственности в случае дальнейшего тиражирования данных сведений. Хотя, по мнению юристов, если при получении этих сведений корреспондент не нарушил закон, то есть получил информацию «законным» способом у лица, которое может быть привлечено к ответственности за нарушение соответствующей подписки о неразглашении, возлагать на журналиста позитивную обязанность проверять статус предоставляемой информации – значит, ограничивать его конституционные права.

Таким образом, несмотря на многовековую историю развития института государственной тайны, вопрос баланса права общества на информацию и необходимости сохранения государственной тайны в России до конца не урегулирован.

Диапазон применения байки. При изучении проблем правового регулирования содержания сообщений СМИ.

№ 61. Байка «Впечатляющие сценарии конца света»

«Природные катаклизмы терзают мир», «В Гренландии лед тает быстрее, чем за прошедшие 50 лет», «800 тысяч домов в Англии могут быть затоплены из-за изменения климата» – эти и другие заголовки в СМИ о катастрофах, рисующие образ мира на грани краха, создают впечатление, что журналисты соревнуются в поисках самого впечатляющего сценария конца света.

Мораль. Стремление современной журналистики к сенсационности, излишняя драматизация событий с целью привлечь к ним внимание аудитории на деле приводят к обратному эффекту: читатель отторгает любую информацию о катастрофах и природных катаклизмах. Вот заявление, размещенное в Интернете по поводу одной из трагедий лета 2011 года: «Мое личное мнение – не нужно народ баламутить и шокировать! Трупы людей, поднимаемые со дна в прямом эфире, никак не улучшат ситуацию. Выжившим и родственникам погибших нужна помощь психологов, а не шоу в прямом эфире».

Комментарий. С точки зрения социальной психологии, каждый такой выпуск новостей является потенциальной катастрофой. Психологи МЧС России призывают СМИ более взвешенно давать информацию о пострадавших и погибших, помня об их родственниках. *«Как показывает практика, на психологическое состояние пострадавших и родственников погибших во время чрезвычайных ситуаций негативное воздействие оказывают несколько факторов: масштабность самой чрезвычайной ситуации, расстояние от дома, а также то, как широко и объективно идет освещение в СМИ»*, – сообщила директор Центра экстренной психологической помощи МЧС России Юлия Шойгу. По ее мнению, недопустимо делать акцент на кошмарах и ужасах и на том, что пришлось пережить людям перед гибелью. «Это наносит серьезную травму и заставляет еще больше страдать родственников погибших», – пояснил специалист.

Эти слова подтверждает тот факт, что после авиакатастрофы во Львове мэр города Л. Буняк напрямую обратился к СМИ с просьбой прекратить описывать на страницах газет и показывать на телевидении кадры трагедии. В обращении было сказано, что, по информации Городского отдела здравоохранения, после сообщений о катастрофе во Львове массово выросло количество

звонков на телефон доверия. «Количество людей, которые нуждаются в помощи психиатров и психоаналитиков, растет в геометрической прогрессии», – говорилось в обращении мэра. По мнению многих, СМИ смакуют трагедии и спекулируют на них. «Я прошу вас, рассказывайте, пишите и показывайте людей, которые помогают родственникам и близким потерпевших во время катастрофы, об их доброте, сочувствии и милосердии», – призвал журналистов мэр.

В погоне за сенсационностью и трагичностью информации журналисты забывают выяснить истинные причины произошедшего, то есть глубинная сторона остается нетронутой. Например, где-то произошла катастрофа, туда едут представители СМИ и несколько дней дают материалы. А потом – тишина, словно ничего не было. Удалось ли ликвидировать последствия? Как случившееся повлияло на природу? Все это часто остается за кадром.

Часто причины и последствия катастроф не только замалчиваются, но и скрываются за множественностью версий произошедшего, о которых вещают СМИ. По мнению сотрудника Нижегородского отдела Института социологии РАН Александра Прудника, множественность версий произошедшего – одна из типичных «информационных завес». Чем больше версий, тем непроницаемее завеса. Вопрос заключается в том, кто именно в большей степени заинтересован в ее выстраивании.

Во время аварии на Чернобыльской АЭС власть использовала прессу в качестве ретранслятора официальных сводок с места события, оказывая деструктивное влияние на творческий потенциал и профессиональный долг журналиста. Положительным моментом в поведении некоторых журналистов стало сопротивление действиям власти. Репортеры находили способы сообщать аудитории информацию об истинных масштабах катастрофы через описание подвигов ликвидаторов. Порой одна-две фразы в обычном репортаже подсказывали читателю, что ситуация на ЧАЭС была гораздо серьезнее, чем говорили в официальных сводках. Новый этап анализа последствий Чернобыльской катастрофы показал, что страх и растерянность власти в момент неожиданного ЧП – неизбежный фактор, который нужно уметь преодолевать. И скорость его преодоления напрямую зависит от степени свободы журналистики.

Исследование работы журналистов и действий власти во время трех крупных техногенных катастроф XXI века – на Саяно-Шушенской ГЭС в 2008 году, на шельфовой нефтебуровой платформе «Бритиш Петролиум» в Мексиканском

заливе в 2009 году и на АЭС «Фукусима-1» в Японии в 2011 году – показало, что специфика зоны бедствия требует от работающих там журналистов особых знаний и умений. Аудитория ждет от прессы оценку событий, которой чаще всего верит. Поэтому в условиях техногенной катастрофы крайне важно понятие «социальная ответственность прессы». Прежде всего, она заключается в способности журналистов объединить общество и государство для преодоления последствий катастрофы и защиты от техногенных рисков в будущем.

Диапазон применения байки. При овладении знаниями и умениями освещения техногенных катастроф, воспитании социальной ответственности сотрудника СМИ.

№ 62. Байка «Зловещее пророчество И. Эренбурга»

Известный журналист и писатель Илья Эренбург в 1921 году написал роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», в котором вложил в уста американского дельца зловещее пророчество о применении против японцев нового оружия массового уничтожения. «*Японцы меня часто спрашивают*, – писал И. Эренбург, – *почему в 1921 году, когда Япония еще была союзницей Америки, я написал, что новое смертоносное оружие американцы испробуют на японцах. Я не знаю, что ответить. Почему в 1919 году, задолго до открытия Резерфорда, Жолио-Кюри и Ферми, Андрей Белый писал: "Мир рвался в опытах Кюри – Атомной лопнувшей бомбой. На электронные струи – Невоплощенной гекатомбой…" Может быть, такие обмолвки связаны с природой писателя?*»

Мораль. А. Н. Лук в своей книге «Психология творчества» пишет по поводу приведенных выше примеров: *«Характер таких "прозрений художника"… остается невыясненным и необъясненным. В самом ли деле поэты "предвосхищают" открытия науки? Или все приведенные примеры – случайные совпадения? Надо подсчитать сбывшиеся пророчества, а также ложные предсказания, о которых потом не вспоминают. Это позволило бы сопоставить вероятность и действительную частоту художественных прозрений».* (Лук А. Н. 1978. С. 107–108.)

Комментарий. Проблема бессознательного в творчестве занимает значительное место в психологии и других науках (литературоведении, искусствознании и пр.). Некоторые исследователи говорят, что без проявления бессознательного творчество невозможно. Более того, есть утверждения, что если художник способен вербализовать замысел своего произведения, определить его смысл и осознать, тем самым он это произведение разрушает (если осознание замысла произошло еще в процессе формирования образа), либо выявляет (если произведение уже создано) его фальшивую «псевдохудожественную» природу (Ильин Е. П., 2009). Многие писатели, поэты, художники подчеркивают бессознательную активность духа в творческом процессе. Например, В. Гюго говорил: «Бог диктовал, а я писал». И. Гончаров признавался: «Рисуя, я редко знаю в ту минуту, что значит мой образ, портрет, характер…» Французский писатель-реалист Шанфлери заявлял: «Я написал много повестей,

новелл, сам не зная, что я пишу…» и т. д. Существует мнение, что в момент творчества сознание автора становится пассивным экраном, на который человеческое бессознательное отображает себя. И творец всегда испытывает замешательство при попытках объяснить причину, источник своих фантазий. Так, в 1898 году вышла книга Моргана Робертсона «Тщетность, или Гибель “Титана”», в которой за 14 лет до крушения «Титаника» автор почти в точности описал «катастрофу века». Пророчество Робертсона не исчерпывается историей с «Титаником». В 1914 году он опубликовал фантастическое произведение «За пределами спектра», описывающее… войну США и Японии! Более того, ему удалось предугадать, что японцы первыми нападут на американские базы на Гавайях и Филиппинах.

В многочисленных исследованиях творчества такие явления связываются с бессознательной работой психики – интуицией. Термин «интуиция» происходит от латинского intunito rapido e pronto (быстро увиденный) и intueri (видеть внутри, пристально, внимательно смотреть). Интуиция – это мыслительный процесс, состоящий в нахождении решения задачи на основе ориентиров поиска, не связанных логически или недостаточных для получения логического вывода. Интуиция играет большую роль в творческом процессе журналиста. По утверждению психологов, она основана на предыдущем опыте и накопленных знаниях.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем бессознательного в журналистском творческом процессе.

№ 63. Байка «Рождение замысла репортажа “Самолет ищет бурю”»

Однажды известный репортер Е. Рябчиков летел из Владивостока в Москву и читал в пути сборник стихов М. Ю. Лермонтова, «погружаясь в пленительный океан поэзии». И вдруг «споткнулся» о строчки, знакомые со школьной скамьи: «А он, мятежный, просит бури…» У него возник вопрос: почему человек ищет бури? И кто это «он»? Зачем «ему» понадобилась буря? Давно известные строчки журналист перенес в блокнот, а когда приехал в Москву, позвонил знакомому инженеру из Гидрометеослужбы и процитировал их. Оказалось, что есть специальные самолеты, которые изучают, ищут бурю. Так появился репортаж Е. Рябчикова «Самолет ищет бурю», в свое время опубликованный в «Огоньке».

Мораль. Данная история – пример ассоциативного мышления журналиста. Что такое ассоциация? Это некая связь между отдельными представлениями, когда одно из них влечет за собой другое.

Комментарий. Ассоциативное мышление является важной частью разума по переработке информации, которая делает возможным обобщение и абстрагирование без логического анализа. Любой человек использует ассоциации. В творчестве их роль особенно велика. Возможности ассоциативного мышления автора зависят от его эрудиции и жизненного опыта. Если запас знаний и информации мал, условия для возникновения потенциальных ассоциаций сводятся к минимуму. Порой ассоциации становятся основой сюжета, замысла журналистского произведения, как в случае с Е. Рябчиковым. Однако и придуманная метафора, эпитет тоже являются результатом ассоциативного мышления.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем журналистского творчества.

№ 64. Байка «Разгребатели грязи»

Период 1890–1920-х годов в истории США называют эрой прогрессивизма. Для него была характерна высокая политическая активность среднего класса и низов общества, которая привела к масштабным социальным и политическим реформам. В эту эпоху американская пресса приобрела черты «четвертой власти». Выявляя перерасход бюджетных средств, случаи коррупции и широко освещая скандалы в правящих верхах, она взяла на себя функцию публичного контроля над тремя остальными ветвями власти. Среди самых известных и влиятельных журналистов того времени следует назвать Линкольна Стеффенса и Элтона Синклера. Статьи Стеффенса привлекли внимание читателей к проблеме коррумпированности местных властей, что повлекло за собой требование населения о более совершенной форме городского правления.

Акцию против рекламы патентованных лекарств инициировали разящие передовицы издания и серии разоблачительных статей под общим названием «Великая американская афера», опубликованных в 1905 году. Они способствовали организации кампании «За правдивую рекламу», итогом которой стало создание Федеральной комиссии по вопросам торговли и формирование мобильных структур управления бизнесом. Публикация разоблачительных материалов Синклера об антисанитарных условиях на мясокомбинате Чикаго повлекла за собой официальное расследование. В результате приняли Закон о санитарно-гигиенических нормах для пищевой и фармацевтической промышленности, на основе которого было сформировано управление в данной отрасли.

Согласованные действия журналистов многих изданий способствовали совершенствованию производственных отношений, форсировали принятие законов о детском труде, компенсациях рабочим и положительно повлияли на ход социальных реформ в целом. В 1911 году атаки журналистов на «Standard Oil» привели к решению Верховного Суда о запрете нефтяной монополии в США. Репортеров, которые специализировались на разоблачениях, стали называть «разгребателями грязи».

Мораль. Термин «разгребатели грязи» впервые употребил президент Т. Рузвельт в своей речи 14 апреля 1906 года в Вашингтоне при закладке здания Палаты представителей. Он упомянул скромный персонаж из малоизвестной на тот момент книги 1678 года «Путь паломника», который, как заметил

политик, с огромной навозной лопатой все время возился в грязи, не замечая над своей головой прекрасный сияющий небосвод, игнорируя предложенную «божественную корону» и не отрывая пристального взгляда от нечистот под ногами. Отмечалось, что «разгребатели грязи» необходимы для блага общества, но при условии, что они понимают, когда нужно перестать копаться в грязи.

Комментарий. Направление под условным названием «разоблачительная журналистика» развивается в современной России. В его рамках осуществляются публикации, которые обличают коррупцию. Авторов этих материалов нередко называют «разгребателями грязи».

Диапазон применения байки. При изучении истории журналистики.

№ 65. Байка «Фотография погибающей девочки»

Фотокорреспондент из ЮАР Кевин Картер освещал и документировал конфликты в своей стране. Он первым сфотографировал публичную казнь путем сожжения человека. Его снимки шокировали общественность, вызвали возмущение и осуждение апартеида. Однако мировая известность пришла к Картеру в Судане, куда он прилетел фотографировать страшный массовый голод, вызванный гражданской войной. Снимок умирающей от голода маленькой девочки и наблюдающего за ней грифа-стервятника, стал печально знаменитым во всем мире. После его публикации в редакции газеты «Нью-Йорк Таймс» стали раздаваться звонки читателей, которые интересовались дальнейшей судьбой ребенка. Увы, никто не знал, что стало с девочкой. Потом Картер скажет, что жалеет о том, что не помог малышке. Но уже будет поздно. В адрес фотокорра прозвучит сначала тихое, а затем громкое осуждение.

Мораль. За фотографию погибающей от голода суданской девочки Кевин Картер получил Пулитцеровскую премию. Этот же снимок подтолкнул его к фатальному шагу: через два месяца после вручения премии, 27 июля 1994 года, 34-летний Кевин Картер умер по собственной воле, отравившись угарным газом.

Комментарий. Работая в «горячих точках», корреспондент должен постоянно решать для себя вопрос: как совместить изменение собственного мировоззрения и журналистский долг? «*Нужно <…> отмежеваться от происходящего*, – утверждает Штефан Израэль. – *Это лучшая защита. В то же время дистанция не должна быть слишком большой, иначе это приведет к цинизму. Но она не должна быть и слишком маленькой: это может отрицательно сказаться на психике. Нужно найти своего рода “золотую середину”*».

Найти «золотую середину» очень трудно. Многие фотокорреспонденты, работающие в «горячих точках», со временем становятся очень циничными. Раненные и погибшие людям для них – часть композиции кадра. Цинизм в данном случае является единственным спасением. Инстинкт самосохранения, присущий журналисту, как и любому человеку, заставляет его приглушать чувствительность: чем с большими страданиями окружающих ему приходится сталкиваться, тем выше и толще стена, которой он отгораживает свою психику от волнений.

Самими жестокими циниками в журналисткой среде считают стрингеров. Об одном из них, Эдуарде Джафарове, в июне 2002 года рассказала журналист Л. Столяренко (Новая газета. 2002. 27 июня). В активе этого человека – 15 лет стрингерства и 34 «горячие точки». Вот как он сам определяет свою профессию: «Стрингер – это высочайшая степень самосохранения. Он признает любые средства для добывании информации… В работе стрингера нет места порядочности, а цинизм – обязательное условие… Девиз стрингера: “Я должен это снять!”»

Цинизмом отличаются не только стрингеры. На определенном этапе карьеры многих журналистов начинает «заносить». Например, журналист Андрей Бабицкий в одном из интервью рассказал, как он с фотографами переворачивал трупы, чтобы было удобнее снимать…

Диапазон применения байки. При подготовке журналистов к работе в «горячих точках».

№ 66. Байка «Скопированное преступление»

В середине 1990-х режиссер Оливер Стоун сотворил изощренную, с точки зрения монтажа, и зрелищную криминальную феерию на основе сценария Квентина Тарантино, которая называлась «Прирожденные убийцы». В ней пара молодых влюбленных – Мэллори и Микки – колесит по одноэтажной Америке и убивает всех, кто попадается им на пути. Они обожают друг друга и ненавидят все остальное человечество. Молодых людей из штата Луизиана, 18-летнего Бенджамина Дэррэса и 19-летнюю Сару Эдмондсон, фильм увлек. Они смотрели «Прирожденных убийц» до шести раз в день и боготворили главных героев, которые лишали жизни невинных людей ради острых ощущений. Однажды, в начале марта 1995 года, покурив травки и наглотавшись «колес», Дэррэс и Эдмондсон взяли оружие и отправились на концерт. Как и герои фильма, молодые люди ждали удобного случая пострелять по живым мишеням. На концерт они не попали, зато нашли несколько подходящих жертв. Первую – в штате Миссисипи, где Дэррэс застрелил менеджера фабрики по обработке хлопка-сырца. На следующий день, добравшись до Луизианы, Эдмондсон прострелила горло продавщице бакалейно-гастрономического магазина, матери троих детей…

Мораль. Преступлениям Б. Дерреса и С. Эдмонсон американские СМИ уделили чрезвычайно много внимания. По поводу того, что молодые люди скопировали поведение героев «Прирожденных убийц», развернулась жаркая дискуссия. В одной из публикаций отмечалось, что самое главное – сделать правильные выводы из медиапроизведения. Ненормального и Библия может толкнуть к самоубийству, а нормального – просветлить до конца дней. Фильм «Прирожденные убийцы» – не Библия, но думать и делать выводы тоже заставляет.

Комментарий. Исследователи информационного воздействия обнаружили свидетельства того, что просмотр жестоких фильмов и телепередач ведет к проявлению насилия. Так, американские исследователи Д. Зиллман и Дж. Уивер в своих экспериментах показывали людям обычные фильмы, вроде «Шофер мисс Дейзи», либо боевики типа «Универсальный солдат», «В осаде». Те, кто смотрели боевики четыре дня подряд, были более склонны к проявлениям враждебности, независимо от того, цитировали их или нет. Как утверждают авторы,

воздействие *«… было одинаковым вне зависимости от пола участников. Однако в целом женщины проявляли меньше враждебности по сравнению с мужчинами. Полученные данные свидетельствуют, что длительное воздействие чрезвычайно жестоких фильмов может (а) усиливать агрессивность провоцируемых мужчин и женщин и, (б), что, возможно, имеет еще большее значение, усиливать такое поведение у не провоцируемых мужчин и женщин».* (*Брайант Д., Томпсон С.* Воздействие СМИ. М., 2004.) Проблема медианасилия является одной из самых насущных в современном обществе. Она была и остается одним из главных факторов, определяющих политику государства. В США полемика вокруг нее прошла несколько этапов. Один из результатов – Акт о телекоммуникациях 1996 года, который обязывает производителей устанавливать блокирующие телесигнал V-чипы на телевизорах и требует, чтобы телекомпания присваивала фильмам категории, показывающие их приемлемость для определенных возрастных групп.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем воздействия медианасилия.

№ 67. Байка «Руки тянутся к автомату»

В 1990-е годы, вернувшись из поездки на раздираемые конфликтом Балканы, один популярный петербургский журналист рассказывал знакомым, что не только собирал материал, но и как солдат, с автоматом в руках, воевал на стороне сербов. Подтверждением тому была медаль, которой его наградили за проявленное мужество. В журналистском сообществе к поступку коллеги отнеслись неоднозначно: кто-то поддержал, а кто-то и осудил боевую активность корреспондента в «горячей точке», сочтя его поступок непрофессиональным. Но все одинаково хвалили репортажи с Балкан за динамичность и обстоятельность, хотя в них и выражалась симпатия к одной из воюющих сторон.

Мораль. Согласно Хартии свободы печати «журналисты, работающие в зонах военных действий, считаются гражданскими лицами и пользуются всеми правами и гарантиями, предоставленными остальному гражданскому населению». Такой статус представителей СМИ в «горячих точках» больше соответствует целям журналистской деятельности. Ведь корреспондент – представитель общества и граждан. А беря в руки автомат, он становится частью одной из воюющих сторон, возникает деление на «своих» и «чужих». Это лишает журналиста возможности объективно взглянуть на ситуацию: он видит не все, что происходит, не вокруг, а лишь по ту сторону баррикады.

Комментарий. Одни журналисты цепляются за эту норму Хартии как за спасение, другие сетуют: гражданский статус приближает корреспондента к мирному населению, позволяет лучше понять его положение в условиях военных действий, но в то же время означает запрет на ношение оружие, а значит, и возможности себя защитить. Так, Анна Политковская воспринимала свой гражданский статус как мировоззренческую платформу: *«Идея главного редактора была проста: именно мне, сугубо гражданскому человеку, куда понятнее переживания других таких же гражданских лиц – жителей чеченских сел и городов, на головы которых свалилась война»*. Чувство незащищенности очень точно передал Артем Боровик, рассказывая об окончании Афганской войны: *«Армия уходила и в какой-то момент отобрала у журналистов давно розданное им оружие – пистолеты Макарова. Под опустевшей портативной кобурой на груди репортерское сердце забилось чуть ритмичнее»*.

Противоречие между инстинктом самосохранения и обязанностью сохранять нейтралитет по отношению к сторонам

конфликта испытывают многие журналисты. Сергей Гуляев, побывавший во многих «горячих точках», пишет: *«Если вдруг начнется, что делать-то: снимать или за автоматом тянуться? Не знаю, кто в такой момент во мне победит – журналист или военный. Нет, без оружия на войне неуютно. Представляю, как сейчас скрежетнут зубами какие-нибудь столичные рафинированные коллеги: "Журналист не должен брать в руки оружие!". Не знаю – не знаю. <…> Тассовские "корочки" обязывают быть объективным и отстраненным – ни оценок, ни комментариев. В Афгане я сидел в одном окопе с нашими, а здесь (*в Чечне. – **примеч. ред.***) по неписаному кодексу предстоит быть на нейтральной полосе сторонним наблюдателем, холодным хроникером происходящих событий. Все это умом понимаю, но хочется в окоп, к нашим»*.

Следует учитывать и те изменения, которые претерпели представления о журналистике в нашей стране за последнюю четверть века. Этот период ознаменовался грандиозными социальными и политическими переменами в России и приблизил советско-российского журналиста к своим западным коллегам. Если в СССР он был идеологическим работником и выполнял скорее пропагандистскую функцию, нежели информационную, то уже в годы перестройки стал представителем и голосом общественности. Эти различия отражены в приведенных выше словах Сергея Гуляева: в Афганистане журналист имел гражданство одной из враждующих сторон, а теперь обязан быть нейтральным.

Диапазон применения байки. При обучении журналиста работе в зоне вооруженного конфликта.

№ 68. Байка «Что такое хорошо и что такое плохо?»

«Краем глаза я замечаю, как мимо кто-то несет ребенка, который весь в гипсовых повязках, – какое-то белое распятие, в котором живыми оставались только полные боли глаза…

– Надо снять…

– Да как можно?! – Голубев едва держится и возмущается так громко и искренне, что у меня отпадает всякое желание возражать».

(*Венделовский В.* ТАСС: из горячих точек планеты. Л., 1988. С. 25.)

Мораль. Этика – это область такого понятия, как «честность», и добровольного самоограничения.

Комментарий. К необходимости этического регулирования собственной деятельности журналистика и общество в целом шли постепенно. Это можно наблюдать на примере двух основополагающих международных документов – Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах.

Статья 19 Всеобщей декларации, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, гласит: *«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».* Однако Международный пакт, принятый той же организацией 16 декабря 1966 года (то есть 18 лет спустя), в третьем пункте статьи 19 налагает ряд ограничений на эти права: *«Пользование предусмотренными в п. 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:*

а) для уважения прав и репутации других лиц;

б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения».

Таким образом, мы видим, что постепенно общество осознало опасность безоглядного использования журналистом своих прав и свобод.

Для самого журналиста, осуществляющего деятельность

в условиях конфликта и напряженности, главным этическим вопросом является: насколько позволительно ему как человеку и профессионалу отстраняться от происходящего вокруг? Все ли можно хладнокровно использовать как факт и материал для информационного продукта?

Этические кодексы пытаются ответить эти вопросы, но часто лишь создают новые противоречия. Например, в Кодексе этики (1993) Общества профессиональных журналистов США читаем: *«Единственным обязательством журналистов должна быть обязанность служить обществу в его стремлении знать правду. <…> Средства массовой информации не должны потворствовать болезненному любопытству к деталям преступлений»*. А если общество стремится знать правду именно относительно этих деталей?

Американская национальная ассоциация фоторепортеров в своем Этическом кодексе объявляет личной обязанностью каждого фотожурналиста «стремление к тому, чтобы его фотографии отражали действительность правдиво, честно и объективно». Значит, нужно фотографировать растерзанные трупы?

Вершиной противоречивости можно назвать Меморандум Информационного агентства «Телевизионная служба новостей» (Россия, июнь 1998 года), который декларирует «категорический отказ от смакования трагических деталей» и в то же время «повышенное внимание к деталям»; призывает вычеркивать сомнительные места и одновременно «не врать», то есть давать полную информацию. *«Основой тональности наших сообщений является надлежащая беспристрастность в отношении вызывающих споры политических, экономических и прочих проблем. Слово “надлежащая” означает, что ТСН не требует беспристрастности в таких вопросах, как торговля наркотиками, жестокость, расовая и религиозная нетерпимость, угроза независимости и престижу нашей Родины и некоторых других, в которых общество практически единодушно»*. Эту фразу можно истолковать как отказ от объективности и всестороннего анализа сложившейся ситуации в ряде случаев.

Таким образом, в вопросах этики очень многое, если не все, остается на совести журналиста. Только совесть диктует ему, как себя вести в той или иной ситуации: помочь человеку или просто зафиксировать его горе.

Диапазон применения байки. При изучении норм этики работы журналиста в экстремальных ситуациях.

№ 69. Байка «Некролог о живом человеке»

Н. Г. Пальгунов, долгие годы руководивший Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС), вспоминал, что 26 января 1951 года, в 18 часов 15 минут ТАСС получил от одного из крупных агентств некролог об Эрнсте Бэвине. Жизненный путь Бэвина описывался так, как того требует латинская пословица: de mortuis aut bene, aut nihil (о покойниках говорят хорошо или не говорят вовсе). Спустя 15 минут некролог примерно того же объема, но более «цветистый», передало другое мировое телеграфное агентство. Еще через 15 минут с аналогичным обращением выступило известное иностранное радиовещательное учреждение, а через час пришла информация, что состояние здоровья Бэвина улучшилось. После этого государственный муж прожил еще три месяца и скончался 14 апреля 1951 года.

Мораль. В погоне за оперативностью и сенсацией некоторые журналисты и СМИ выдают вероятное за свершившийся факт, не особенно заботясь о точности информации.

Комментарий. Факт – это латинское слово и означает то, что действительно сделано, то есть реально существует. Журналисту не следует пытаться выдавать за факты правдоподобные представления о вероятных, ожидаемых или готовящихся актах и явлениях. Надо сообщать о фактах лишь тогда, когда они таковыми являются, а не раньше. Профессионалы не приносят достоверность, правдивость, правильность и точность информации в жертву оперативности.

Диапазон применения байки. При обсуждении профессиональных качеств журналиста.

№ 70. Байка «Первая женщина – военный корреспондент»

Во время Испано-американской войны 1898 года популярную американскую журналистку Екатерину Фергюсон, также известную под именем Кэтлин Блейк, аккредитовали в качестве военного корреспондента «Daily Mail and Empire». Это был хитрый рекламный ход со стороны руководства издания, которое таким образом рассчитывало привлечь дополнительное внимание читателей и увеличить тираж. Планировалось не допускать Кэтлин к освещению события с линии фронта, а разрешить ей находиться в тылу и делать публикации по сводкам, поступавшим с передовой. Таким образом, ее долгое время удерживали в штате Флорида. Но после репортажа о раненных солдатах, которых доставили с Кубы во Флориду и бросили умирать, от корреспондента решили избавиться – женщину отправили на Кубу, куда она прибыла в июле 1898 года незадолго до окончания войны. Но даже за этот короткий промежуток времени трагические и эмоциональные репортажи Кэтлин, посвященные жертвам войны, сделали ее знаменитой.

Мораль. Екатерина Фергюсон считается первой женщиной – военным корреспондентом, аккредитованным от издания, в котором она являлась штатным сотрудником (до этого были случаи, когда женщины отправлялись на войну в качестве медсестер и присылали корреспонденции в прессу).

Комментарий. Фергюсон родилась в Ирландии. В 1884 году она переехала в Канаду, где преподавала музыку и французский язык. В возрасте 33 лет начала работать женским редактором газеты «Daily Mail» в Торонто. Ее первая заметка появилась в октябре 1889 года. Кэтлин поручили вести еженедельную колонку, которая превратилась в целую страницу под названием «Женское королевство». Она быстро стала популярной благодаря ярким текстам, остроумию и язвительности. Особенно читателям запомнились ее красочные репортажи из путешествия 1892 года по Ирландии, Англии, США и другим странам. В 1894 году американские критики признали работу Кэтлин блестящей и отметили, что ни один журналист в ранге ниже главного редактора не имеет такого влияния на престиж и распространение североамериканских газет, как она. Вершиной журналистской карьеры Екатерины Фергюсон стала ее деятельность в качестве военного корреспондента. В 1904 году она станет первым президентом Канадского клуба женщин-

журналистов.

Диапазон применения байки. При изучении истории военной журналистики.

№ 71. Байка «Читатель не доверяет фальши»

В советское время в материалах, посвященных проблемам труда и воспитания, было много штампов и упрощений. Например, в солидном очерке, опубликованном в одном крупном издании, на полном серьезе рассказывали, как некий руководитель коллектива, увидев свою работницу в синяках и «смекнув, в чем дело», вызвал ее мужа, поговорил с ним, а потом они все вместе пошли в кино, из которого вышли с чувством глубокого удовлетворения. Все улажено! То есть поговорил и изменил человека. Хотя ранее тот долго пьянствовал, бил жену и дебоширил.

Конечно, читатель не верил в возможность фальшивых решений и знал цену слову. Очеркист М. Шур в одном из своих выступлений 1964 года привел в качестве примера разговор с бригадиром-строителем Иваном Чеботарем:

«Это был человек острый, наделенный глубоким чувством юмора, знающий, начитанный. И говорил со мной, явно пародируя некоторые очерки и радиопередачи.

– Как дела, Иван Петрович? – спросил я.

– Ничего, здорово, есть эпизоды…

– Какие эпизоды?

– На днях всю ночь бушевал жуткий ливень. Утром бригада пришла, а котлован залит водой. А работа была срочная, и задание нужно выполнить во что бы то ни стало. Тогда бригада…

Пауза. Он смотрит на меня; уверен, что я жду привычного развития сюжета: дескать, бригада героически работала по грудь в ледяной воде, ни с чем не считаясь.

– Так что же бригада? – не выдержал я.

– Бригада единодушно решила…

Снова пауза – он дает мне самому додумать конец.

– Что она решила?

– Она решила позвонить в пожарную команду – там есть замечательная техника, а пожаров у нас сроду не было. Так вот приехали пожарники, за 15 минут выкачали всю воду, и мы спокойно работали в сухом котловане. Понимаете, какое дело…»

Мораль. В большинстве очерков авторы раскрывали характеры своих героев в героических эпизодах: рискованных и отчаянных операциях на высоте; во время урагана или аварий; в других случаях, когда приходилось преодолевать трудности. В связи с чем критика не раз ставила вопрос об умении очеркиста

показывать человека в его будничном труде, повседневности, через страсть, вдохновение, то, что идет «из душу». Лиричность труда и творчества являлась обязательным условием.

Комментарий. В советских СМИ второй половины XX века часто появлялась рубрика «Очерк». Причем не только в больших изданиях, где работало много квалифицированных и опытных журналистов, но и в районных газетах. В то время каждый журналист, тем более начинающий, стремился выступить с очерком, который свидетельствовал о его профессиональной зрелости. Однако в соответствующей рубрике не всегда печатался настоящий очерк. Порой это был просто живо написанный материал. У значительной части публикаций, вполне подходивших под формат данной рубрики, имелся другой грех – избыточный «налет» информационности. Многие авторы неплохо рассказывали о событии и человеке, но не всем удавалось приподняться над грудой фактов, найти центральную стержневую мысль, без которой очерка просто нет.

Еще очерк начал заметно «репортажить». Так говорили, когда он превращался в простой пересказ событий. Критика отмечала однообразность тематики очерков отдельных изданий (например, героинями становились только женщины, работающие на производстве), трафаретность языка, использование клишированных одинаковых фраз. Хотя рассказывалось о совершенно разных людях – свинарках, доярках, шахтерах. Многие журналисты с оглядкой и боязнью, «как бы чего не вышло», относились к острым темам. Однако те, кто проявляли смелость и чуткость в выборе тем, не только избавлялись от бескрылости и худосочности мысли, но и действенно влияли на жизнь.

Чаще всего в прессе встречались портретные, событийные и путевые очерки. Некоторые «разведчики-публицисты» выступали и с проблемными очерками. Важные и актуальные вопросы поднимали в своих публикациях 1953–1955 годов В. Овечкин («Районные будни»), А. Калинин («На среднем уровне»), А. Первенцев («Агроном Анна Бугаева»), И. Рябов («В эти дни») и другие. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов в центральных и местных газетах появилось много портретных очерков под рубрикой «Герои наших дней». Так, в «Правде» были опубликованы очерки Н. Денисова и С. Борзенко «Небесные братья», Е. Рябчикова «Игорь Курчатов – академик атомного века», В. Ткаченко «Здравствуй, Валентина Гаганова!», Ю. Смуула «Мой современник» и другие. В 1961 году очерки «Правды», «Известий», «Комсомольской правды» и других газет издали в виде отдельных книг.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики, особенностей очерка в средствах массовой информации.

№ 72. Байка «Он писал ровно столько, сколько требовала тема…»

Валерий Аграновский писал в своих воспоминаниях, что его брат Анатолий Аграновский называл себя «тугодумом». Он всегда с трудом садился за письменный стол, но уж коли садился, работал запойно. Однажды у него был вынужденный простой – не давался материал. Два месяца могли оказаться бесплодными. Анатолий решился: пришел к главному редактору и положил на стол заявление об увольнении. Мол, не могу получать бездельные деньги. Главным редактором «Известий» тогда был очень умный человек, Лев Николаевич Толкунов, который весьма уважительно относился к журналистскому труду. Он выслушал своего сотрудника и сказал примерно следующее: «Дармовые деньги многие в стране получают, Анатолий. Но вам я плачу не за то, чтобы вы писали в “Известия”, а за то, чтобы вы не писали в другие газеты!» И порвал заявление на мелкие кусочки. Через неделю тема далась Анатолию Аграновскому, и скоро очерк пошел в номер.

Мораль. Главный редактор «Известий» Л. Н. Толкунов, долгие годы работавший с А. Аграновским, вспоминал о нем так: *«Он писал ровно столько, сколько требовала тема и исследующая ее нелукавая мысль, которая должна была вызреть до полной ясности, чтобы быть отданной читателю не раньше и не позже. Нужно было много мужества, чтобы не поддаться соблазну и не избавиться от ноши, которая недели, иногда месяцы держит автора под токами высокого напряжения, чтобы не последовать уговорам: мол, нужно уже печатать, чтобы не приближать преждевременно желанный для каждого газетчика миг сдачи в набор. Конечно, можно бы и сдать. И это уже был бы самый высокий уровень из того, что печаталось. Но высоту планки он устанавливал для себя сам»*.

Комментарий. Многие журналисты, современники Анатолия Аграновского, практически никогда не выходили за пределы одной темы. Аграновский же писал на любые темы. Однако по большей части занимался проблемой управления экономикой и достиг в этом наибольшего успеха.

Ни в те годы, ни позднее никто не умел писать об экономике таким человеческим языком. Даже когда в партийных документах появлялись «крылатые фразы» вроде «экономика должна быть экономной», все понимали, что партийные спичрайтеры заимствовали их из творческой лаборатории А. Аграновского.

Простота и убедительность его журналистского таланта, крепость мысли и культура письма соответствовала потребностям взыскательного читателя. Именно такой Аграновский, органически чуждый демагогии и пустословию, был на протяжении двух с половиной десятилетий журналистом номер один для поклонников «Известий».

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем журналистского творчества.

№ 73. Байка «Поющий критик»

Эту байку в 1838 году поведал своим читателям журнал «Сын Отечества». *В Неаполе жил неумолимый критик и редактор музыкального журнала «Везувий», которого звали доктор Борсини. Оскорбленные его критическими статьями певцы, музыканты, композиторы в один голос кричали, что доктор ничего не смыслит в музыке. И наконец так рассердили Борсини, что он решил выйти на сцену и показать, как надо петь. Неаполь запестрел афишами: «Литераторы, капельмейстеры, певцы, содержатели театров, недовольные мною как журналистом, – придите послушать меня, придите освистать. Только придите!» Толпы осадили театр. Все билеты были распроданы, а когда журналист появился на сцене, стены чуть не рухнули от свиста. Нимало не смутившись, Борсини запел, и так превосходно, что слушатели пришли в восторг. Из театра его несли чуть ли не на руках, а дирекция тотчас предложила ему стать профессионалом с платою в 480 франков за спектакль. Борсини, сообщал «Сын Отечества», бросил журналистику и теперь поет, пленяя всех своим изумительным голосом и величайшим искусством.*

Мораль. Музыкальный критик должен быть хорошо подготовлен к своей работе, а порой и являться профессионалом в конкретной области.

Комментарий. До XVIII века музыкальная критика представляла собой интегральную часть специализированных трактатов о музыке и более общих гуманитарно-философских трудов. С появлением периодической печати возникла музыкальная критика в более узком смысле слова, позиционирующая себя как экспертная оценка музыкальных произведений, адресованная более или менее широкому кругу слушателей.

В развитии как музыкальной критики, так и музыкальной журналистики (ориентированной скорее на изложение фактов, чем на отстаивание определенных эстетических концепций) большую роль сыграло становление в XIX веке специализированных периодических изданий широкой читательской ориентации. Прежде всего, создание первой «Всеобщей музыкальной газеты» в 1798 году. Одновременно в XIX столетии развивалась и критика в музыкальных разделах изданий общего профиля. Возможностью публиковать статьи о музыке в газетах и журналах пользовались многие крупные композиторы и музыканты. И не только. Например, среди авторов был известный английский писатель Бернард Шоу. Он с детства

любил музыку и с упоением слушал музыкальные произведения. Писатель рассказывал, что мог спеть или просвистеть от начала до конца многие вокальные и симфонические произведения Гайдна, Моцарта, Бетховена, Россини, Доницетти и Верди. Часами сидел за фортепиано, наигрывая и напевая любимые романсы и отрывки из опер. Особенно преклонялся Шоу перед Моцартом и Вагнером. «“Дон-Жуан” воспитал мой художественный вкус во всех отношениях», – признался писатель. Страстная любовь к музыке привела Шоу к мысли, что он может многое сказать об этом искусстве другим. У него был свой взгляд на музыку, плюс он обладал огромным литературным талантом и остроумием. Постепенно Бернард Шоу становится музыкальным критиком. Его первая статья появилась в 1876 году, а с 1888 по 1894 годы он постоянно сотрудничал с лондонскими газетами и журналами, вел в них музыкальные отделы. В конце 1890-х годов Шоу прекращает постоянную деятельность музыкального критика, но на протяжении остальных пятидесяти лет своей жизни изредка пишет статьи и рецензии на музыкальные темы. Рассказывая, как стать музыкальным критиком, писатель подчеркивал, что музыкальные критики должны быть хорошо подготовлены к своей работе. «Помимо здравого смысла и знания жизни, – говорил Шоу, – музыкальный критик должен обладать тремя важными качествами: развитым музыкальным вкусом, литературным талантом и опытом, накопленным в работе. Эти три качества могут встречаться и порознь, но лишь их совокупность обеспечит критику плодотворность.» (Бернард Шоу о музыке. М., 2000. С. 48–54.)

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем музыкальной журналистики.

№ 74. Байка «Обитатели зоосада на свободе…»

Репортер Т. Б. Коннери, обеспокоенный слабыми мерами безопасности в зоосаде Сентрал Парка, сочинил историю о том, как его обитатели оказались на свободе. Ее опубликовали в газете «New York Herald» 9 ноября 1874 года. «*Число искалеченных, растоптанных и травмированных людей достигает двухсот, около шестидесяти из которых, по предварительным данным, находятся в тяжелом состоянии, а трое из них едва ли доживут до утра*, – писал журналист. – *Двенадцать хищников все еще остаются на свободе. Место, где они скрываются, точно не установлено…*»

В последнем абзаце объяснялось, что это сообщение – «чистейшая выдумка» и «не более чем мистификация», но до этого места дошел далеко не каждый читатель. Некоторые люди вышли на улицы с оружием в руках для отстрела сбежавших хищников.

Мораль. Это пример масштабного воздействия пугающих или неприятных сообщений, вызывающих массовую панику.

Комментарий. В истории журналистики подобных примеров психологического воздействия СМИ немало. Они свидетельствуют о способности прессы к убеждению и внушению аудитории.

Диапазон применения байки. При изучении истории информационно-психологического воздействия СМИ, истории и теории информационных войн.

№ 75. Байка «…Имели все основания для испуга»

Самый известный в истории пример массовой паники, вызванной сообщениями в СМИ, связан с радиовариантом романа «Война миров». В 1939 году радиостанция «CBS» транслировала постановку Орсона Уэллеса и театра «Меркурий» по оригинальной версии научно-фантастического романа Герберта Уэллса «Война миров». По сюжету романа марсиане завоевывают нашу планету и умерщвляют миллионы людей отравляющим газом. Многие радиослушатели включили приемники уже после сообщения о том, что все события являются вымыслом. Трансляция прерывалась четыре раза, чтобы передать это сообщение: в начале радиопостановки (когда большая часть людей еще не начала слушать передачу); перед первой рекламной паузой, около 8 часов 35 минут (к этому времени большинство тех, кто поддался панике, уже не слушали, а спасались бегством); сразу после рекламной паузы и в конце трансляции. Причем самая пугающая часть спектакля прозвучала до первой рекламной паузы. По самой приблизительной оценке, около миллиона радиослушателей испытали чувства страха, а некоторые поддались панике и покинули свои дома, спасаясь бегством от зловещих пришельцев.

Мораль. Современные исследователи медиавоздействия считают, что люди, которые не слышали первого объявления перед началом программы, имели все основания для испуга.

Комментарий. Этот пример вошел в труды, посвященные воздействию, оказываемому средствами массовой информации на зрителей и слушателей (например, Д. Брайант, С. Томпсон «Основы воздействия СМИ»). Массовая паника, вызванная радиотрансляцией «Войны миров», способствовала разработке новых моделей медиавоздействия.

Диапазон применения байки. При изучении истории и теории медиавоздействия.

№ 76. Байка «Великая лунная мистификация 1835 года»

Эта мистификация не просто потрясла воображение современников. До сих пор, в XXI веке, редкий автор не вспоминает ее, анализируя феномен воздействия СМИ.

В 1835 году в «New York San» напечатали вымышленную историю, которая настолько потрясла воображение читателей, что тираж издания подскочил до рекордной цифры в 19 000 экземпляров. Журналист Ричард Адамс Локк написал, что некий британский астроном, разглядывая поверхность Луны с помощью мощного телескопа, обнаружил там разумную жизнь. Читатели потребовали повторной публикации этой статьи, а другие газеты по всему миру сделали перепечатки. Члены женских библейских обществ хотели лететь на Луну, чтобы обратить ее обитателей в христианство. Эдгар Аллан По в начале XX века сказал, что данная мистификация «в целом была наибольшим успехом в истории сенсаций – популярных сенсаций, – когда-либо появлявшихся в подобной литературе, в Америке или в Европе».

Мораль. В начале XIX века такие мистификации получили название «утки».

Комментарий. Слово «утка» во французском языке давно имело значение нелепой истории, рассчитанной на доверчивых слушателей или читателей, используемой, чтобы потешиться над людьми. Во второй половине XIX века «Ларусс» дал новое определение: слово «утка» закрепилось исключительно за новостями, родившимися в воображении исписавшихся журналистов, которые пытались определить, насколько далеко простирается доверие читателя. «Утками» стали называться как отдельные листки и некоторые материалы в газетах, так и целые издания, специализировавшиеся на материалах подобного характера. «Уткой» могла быть и правдивая, но гипертрофированная новость, но чаще полностью лживая.

Диапазон применения байки. В качестве примера воздействия сообщений СМИ.

№ 77. Байка «Патриотизм и финансовые интересы прессы»

В апреле 1913 году в германском Рейхстаге с помощью документов доказали, что владелец военных заводов Крупп по договоренности с другими производителями вооружения – Маузером, Тиссеном, Дюраном и Леве – взял на содержание ряд газет, которые должны были разжигать квасной патриотизм и поддерживать воинственное настроение в массах. Кроме того, огласили письмо директора оружейной фабрики Леве, направленное его парижскому представителю: *«Не могли ли бы Вы поместить в одной из наиболее читаемых французских газет, лучше всего в "Фигаро", статью приблизительно такого содержания: "Французское военное министерство решило по возможности ускорить изготовление предназначенных для армии пулеметов и увеличить вдвое первоначальный заказ"? Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы добиться распространения этого и подобных извещений»*.

Через несколько дней как бы случайно на страницах «Фигаро», «Матэн» и «Эко де Пари» вышло несколько заметок о преимуществах французских пулеметов и достигнутом благодаря этому перевесе французского вооружения. С этими номерами французских газет в руках депутат рейхстага Шмидт, представитель германской тяжелой индустрии, обратился с вопросом к имперскому канцлеру, что намерено сделать германское правительство в ответ на французскую угрозу и для восстановления военного равновесия. Одураченный и напуганный рейхстаг огромным большинством голосов и без прений выделил дополнительные средства на производство пулеметов для германской армии. Естественно, Франция немедленно ответила на этот шаг дальнейшим увеличением количества своего вооружения. В то время как «Фигаро», «Матэн» и «Эко де Пари» пугали французскую публику выдержками из пангерманских газет, германские шовинисты использовали в таких же целях французскую прессу. В результате военные заводы обеих стран получили новые заказы, дивиденды военной промышленности поднялись по обе стороны Рейна, руководство упомянутых французских газет положило в карман новые чеки, а одураченное население заплатило за подлые махинации сначала деньгами, а потом и собственными жизнями.

Мораль. В этой истории показано лишь несколько деталей механизма подготовки Первой мировой войны, которые

свидетельствуют о том, что за разговором о патриотизме некоторых газет стояли чисто финансовые интересы; за деньги они выступали против своей страны и мира в целом.

Комментарий. Пресса сделала свое черное дело не только в подготовке Первой мировой войны 1914–1918 годов, но и углубила противостояние народов. СМИ стали одним из трех главных орудий борьбы с неприятелем (два других – это военное и экономическое воздействие). Основными стратегическими целями информационного воздействия (пропаганды) являлись:

– возбуждение ненависти к неприятелю;

– поддержка дружественных отношений с союзниками;

– сохранение добрых отношений с нейтральными странами и, по возможности, налаживание с ними сотрудничества;

– деморализация неприятеля.

Увеличение роли СМИ в Первой мировой войне было воспринято как отражение необъятности, рациональности и своеволия современного мира. Подчеркивалось, что это новая динамика общества. Ведь власть разделилась, обольщением и обманом можно выиграть гораздо больше, чем принуждением. Предсказывалось, что информация как оружие в XX веке будет иметь громадный успех. Изучением данного вопроса в 1920-е годы занимались многие профессора, ученые, журналисты и военные.

Диапазон применения байки. При изучении истории информационного воздействия СМИ.

№ 78. Байка «В сегодняшнем номере… нет ни одной не оплаченной строки!»

В Париже покончила с собой артистка С. из «Французской комедии». Она была возлюбленной герцога Морни. Последний, прожив отцовские капиталы, посватался к дочери Гусмана Бланке – бывшего президента одной из латиноамериканских республик, который удрал в Париж с украденными 80 миллионами франков. Поэтому искренне любившая Морни г-жа С. покончила с собой. Чтобы предупредить неприятные толки, родители невесты поспешили подкупить влиятельные газеты. И вот уже на другой день после самоубийства артистки в «Фигаро» появилась статья писателя Октава Мирбо под заглавием «Комедианты». В ней автор объявляет всех актеров отбросами общества, ломаками и лицемерами, актрис – публичными женщинами, а всех вместе взятых – людьми, которые и в реальной жизни играют комедию, неспособны к искренним чувствам и даже когда кончают жизнь самоубийством, стремятся сделать себе лишнюю рекламу.

За эту статью Мирбо получил 10 000 франков.

Мораль. По словам Л. Н. Толстого, О. Мирбо «… величайший из современных французских писателей, наилучшим образом выражающий дух Франции этого столетия». Будучи известным романистом, драматургом, публицистом и художественным критиком, Мирбо продолжал и журналистскую деятельность. Известно несколько историй, когда он выступал в роли автора так называемых «заказных» статей. В одной из них говорилось о жившем в те времена никому не известном молодом человеке, имевшем счастье быть сыном богатых родителей, который сам выпустил первый томик своих символических стихотворений. Родители начинающего поэта заплатили газете «Фигаро» 5000 франков, чтобы газета оповестила мир о рождении нового гения. Выполнить эту работу взялся Октав Мирбо, получивший за статью 1000 франков, – он объявил молодого литератора величайшим писателем века, стоящим выше Шекспира и Гете!

Комментарий. Мирбо сотрудничал с газетой «Фигаро», основатель которой – известный Вильмессан – одним из первых взял за правило продавать оптом и в розницу все отделы газеты. Желал ли кто-то напечатать свое бездарное произведение – Вильмессан охотно шел ему навстречу за приличную мзду. Хотела ли какая-нибудь модистка прорекламировать выпускаемые ее фирмой шляпки – и за известную плату

Вильмессан в отделе великосветской хроники среди отчетов о балах, вернисажах, театральных премьерах и т. п. по-тихому рекламировал замечательные шляпы модистки такой-то. Лучшим днем в жизни Вильмессана был тот, когда он с гордостью мог заявить: «В сегодняшнем номере “Фигаро” нет ни одной не оплаченной строки!» (не оплаченной не издателем, а издателю). К сожалению, его примеру стараются подражать некоторые современные российские журналисты.

Диапазон применения байки. При обсуждении этических и правовых норм журналистики.

№ 79. Байка «Добродетель, оплаченная наличными»

В 1894 капитан Альфред Дрейфус был арестован по обвинению в государственной измене. Этому аресту и разыгравшейся на его почве трагедии способствовали многие факторы, включая растущий антисемитизм. Во время следствия вскрылись утечки информации к германскому военному атташе и причастность к преступлению ряда офицеров Генерального штаба. Дрейфуса признали виновным и приговорили к пожизненной каторге. Однако постепенно стали появляться сомнения в справедливости вынесенного приговора, и началась кампания за его пересмотр. Дело получило огласку в столице и провинциях, в него оказались втянуты многие общественные деятели. Критики сей неприглядной истории в конце концов получили доступ к некоторым документам, и выяснилось, что был виноват другой офицер. Поворотный момент в разбирательстве наступил, когда главный свидетель признался в подделке документов. Пресса разделилась на два лагеря, причем большинство влиятельных газет оказалось в лагере «антидрейфусаров», старавшихся утопить невинного человека. Братья осужденного капитана заплатили двум главным сотрудникам «Фигаро» – Перивье и де Родэ – огромную сумму (говорили о 250 000 франков), и в один прекрасный день газета из ярой противницы превратилась в горячую защитницу несправедливо осужденного. Но поскольку аудитория издания была представлена главным образом членами светского общества, которое с неудовольствием встретило неожиданный поворот в поведении «Фигаро», тираж газеты за несколько дней упал со 120 000 до 35 000, а ее акции, котирующиеся на бирже, – с 800 до 210 франков. Пострадавшие акционеры созвали чрезвычайное общее собрание, в результате которого Паривье и де Родэ уволили. Газета снова вернулась в лагерь «антидрейфусаров».

Мораль. На этот раз получение взятки не сошло журналистам с рук. Однако считается, что в их лице был наказан не порок. Наоборот, они пострадали за покушение на добродетель. Правда, оплаченную звонкой монетой.

Комментарий. В повороте дела Дрейфуса важную роль сыграли писатель Эмиль Золя и редактор газеты «Аврора» Жорж Клемансо (будущий премьер-министр Франции). В газете «Аврора» появилось письмо под названием «Я обвиняю» знаменитого писателя, адресованное президенту Республики,

в котором решительно утверждалось, что дело Дрейфуса сфабриковано с целью выгородить другое, виновное лицо. Письмо Золя произвело потрясающее впечатление на публику не только во Франции, но и в Европе. С этого момента дело Дрейфуса захватило общественное мнение всего мира и приобрело громадное значение. Различие во взглядах на дело капитана развело вчерашних друзей и единомышленников, внесло раздор в семьи. Для одних Дрейфус был изменником и врагом Франции, а его сторонники – евреи, иностранцы и люди, продавшиеся евреям, чтобы очернить французскую армию. Утверждать, что французский офицер Эстергази занимался столь грязным делом, как шпионаж, – значит, клеветать на французское офицерство. Для других Дрейфус являлся отчасти случайной жертвой, на которую пало подозрение лишь потому, что он – еврей и человек нелюбимый; отчасти – жертвой злобы людей, действовавших сознательно, чтобы выгородить Эстергази и других. Некоторые политики, выступившие решительными борцами в деле освобождения Дрейфуса, снискали себе этим славу и усилили позиции своих партий.

В России тоже внимательно следили за этим судебным процессом. Л. Н. Толстой писал: *«…Событию этому, подобные которым повторяются беспрестанно, не обращая ничьего внимания и не могущим быть интересными не только всему миру, но даже французским военным, был придан прессой несколько выдающийся интерес»*. И несколькими строчками ниже заключал: *«…Только после нескольких лет люди стали опоминаться от внушения и понимать, что они никак не могли знать, виновен или невиновен, и что у каждого есть тысячи дел, гораздо более близких и интересных, чем дело Дрейфуса»*. Вместе с тем другой русский писатель, А. П. Чехов, являлся активным дрейфусаром, что послужило одной из причин его разрыва с А. С. Сувориным, газета которого «Новое время» заняла открыто антидрейфусарскую позицию.

В 1906 году суд признал Дрейфуса полностью невиновным. Все обвинения с него были сняты, он восстановлен в армии и награжден орденом Почетного легиона. Альфред Дрейфус закончил военную службу в чине полковника.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем этики журналистики, ее участия в политических процессах.

№ 80. Байка «Хотят, чтобы их пугали»

В 1975 году сенсацией американского кинопроката стал триллер «Челюсти» режиссера Стивена Спилберга, снятый по мотивам одноименного произведения Питера Бенчли. Действие фильма разворачивается на острове Эмити, в небольшом курортном городке с тем же названием. Молодая девушка Кристина Уоткинс, купавшаяся ночью, становится жертвой акулы. Утром шеф местной полиции Мартин Броуди и его помощник Ленни Хендрикс находят на берегу ее останки. Девушка стала первой жертвой огромной белой акулы, которая появилась у берегов острова. Шериф хочет на некоторое время закрыть пляжи, оповестить о трагедии береговую охрану и вызвать специальную команду для поимки акулы, но мэр острова Ларри Воун, поддерживаемый владельцами прибрежных гостиниц и мотелей, категорически против такой перспективы, поскольку городу нужны «летние доллары». Броуди соглашается с мэром. Однако число жертв акулы растет с каждым днем. Местный охотник на акул, рыбак Квинт, предлагает за $10 000 выловить животное-людоеда. Все увещевания Броуди и прибывшего в город эксперта из Национального института океанографии Мэтта Хупера действия не возымели. В это время рыбаки ловят трехметровую акулу, и все с легкостью переводят дыхание, хотя Хупер не находит в ее внутренностях человеческих останков. Вскоре акула-убийца предстает перед глазами сотен купальщиков на мелководье, утащив в пучину инструктора по плаванию. Шокированный мэр подписывает договор с Квинтом, и на охоту за акулой на рыбацкой шхуне вместе с рыбаком отправляются ученый Хупер и шеф полиции Броуди. Используя запрещенную наживку, Квинт ловит убийцу на крючок, а Хупер спускается в море в стальной клетке, чтобы сфотографировать акулу и убить ее ядом из шприца. Однако бестия разбивает клетку, а Хуперу удается забиться в расщелину. Акула выпрыгивает из воды и обрушивается на корму судна, которое начинает тонуть. Квинт по палубе съезжает прямо в пасть к акуле и погибает в страшных мучениях. Потом животное глотает баллоны с кислородом, которыми пытается отбиться Броуди. Судно идет ко дну, а шериф забирается на мачту. Ему удается выстрелом из пистолета попасть в баллон, застрявший в пасти акулы, и голову хищницы разносит взрывом…

Фильм стал обладателем трех премий «Оскар». Его кассовые сборы в США составили $260 млн, в остальных странах – $210,6 млн. Летом того же 1975 года в прессе появились

сообщения, что под воздействием фильма многие американцы перестали купаться в океане: люди загорали на пляже, но боялись заходить в воду. Отдыхающим казалось, что большие белые акулы-убийцы подстерегают их, чтобы разорвать своими огромными и острыми как бритва зубами. Владельцы некоторых пляжей подали на создателей фильма в суд, так как сильно уменьшилось число посетителей.

Через три с половиной десятка лет события декабря и ноября 2010 года в Египте и Турции, связанные с нападением акул на туристов, напомнили людям о фильме «Челюсти». Страх стать очередной жертвой «белой смерти» отпугнул многих от посещения глубоководных и ненаблюдаемых пляжей. Мотивы Питера Бенчли и экранизированная версия «Челюстей» по-прежнему актуальны…

Мораль. Психологи говорят, что эмоциональная реакция многих зрителей после просмотра таких фильмов хоть и анекдотична, тем не менее служит ярким примером страха и тревоги, вызванных медиаинформацией. Парадокс состоит в том, что несмотря на чувство страха и отвращения, медиаматериалы ужасов воспринимаются аудиторией как развлечение – читатели, слушатели и зрители хотят, чтобы их пугали!

Комментарий. На протяжении всей истории человечества людям нравились страшные истории. Ученые полагают, что информация подобного рода выполняет определенные функции: позволяет детям «потренироваться» в управлении своими эмоциями в безопасной обстановке; дает возможность молодым людям научиться сдерживать страх; это попытка объяснить загадочные явления. Современные почитатели медиаматериалов ужасов ищут в них острые ощущения. Реакции же страха многих людей, провоцируемая такими историями, по мнению психологов, вызвана недостаточной критичностью восприятия. Она является предметом исследований воздействия СМИ.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем истории и теории воздействия СМИ.

№ 81. Байка «Оперативность превыше всего»

Эту историю поведал собкор «Казахстанской правды» Сергей Горбунов, а ему ее рассказали старшие коллеги, когда он устроился работать в «Звезду Прииртышья».

…Дело было так. В те далекие годы в Павлодаре работал собкором республиканского радио один журналист (не будем называть его имени). И делал это весьма своеобразно. Когда все журналисты занимались поиском тем, он, как могло показаться, особо не заморачивался. При этом частенько наведывался к своим коллегам в областную газету. Заходил в любой кабинет и как бы между делом брал в руки отпечатанный или рукописный лист (компьютеров тогда еще не было) с готовым материалом; не выказывая особого интереса, читал его. Потом также молча удалялся. А по прибытии на свое рабочее место, быстренько выкладывал на бумагу все, что прочел (надо сказать, память у него была отменная), и отсылал информацию в центр. Вскоре газетчики его раскусили. Естественно, им стало обидно за свой труд: новость переставала быть новостью – все-таки специфика радио позволяла оперативно реагировать на события. Они решили проучить своего недобросовестного коллегу – когда тот в очередной раз пришел в редакцию, один из журналистов сообщил ему:

– А ты знаешь, что на наше ЖБИ-2 начало выпускать фаллопиевы трубы?

Хотя словосочетание «фаллопиевы трубы» ни о чем герою нашего рассказа не говорило, уже сам факт, что на одном из предприятий Павлодара стали выпускать новую продукцию и он сможет первым об этом сообщить, привел его в неописуемый восторг. При этом горе-журналисту и в голову не пришла мысль проверить информацию. Отправив сообщение, собкор с чувством выполненного долга вернулся к своим информаторам.

Когда ему сообщили, для чего на самом деле нужны эти самые трубы, журналист сначала впал в ступор, поняв свою ошибку, а затем принялся лихорадочно связываться с центром, чтобы информацию не пустили в эфир. Как оказалось, в Алма-Ате тоже ничего о фаллопиевых трубах (еще именуемых маточными) не знали, и когда павлодарский собкор попросил не пускать в эфир его сообщение, очень удивились. Так по республиканскому радио чуть не прошла информация о том, что в Павлодаре начался выпуск одного из сосудов женских половых органов».

Мораль. Поучительная история для недобросовестного журналиста, который обманывал коллег и без разрешения использовал в своих целях добытую информацию.

Комментарий. Обычно собкор центральных СМИ налаживает с местными журналистами хорошие деловые контакты. Важно, что, получив от коллеги информацию, он договаривается о том, что она будет опубликована за его подписью. Но в любом случае информацию всегда надо уточнять. Игнорирование проверки нередко приводит к анекдотичным случаям. Иногда «шутят» не только коллеги, но и те, к кому журналисты приходят за информацией. Так, заместитель декана факультета журналистики Львовского национального университета Игорь Маркиянович Лубкович рассказал о случае, когда молодой журналист пришел в один из киевских НИИ и в курилке, увидев своих ровесников-инженеров, с важным видом представился им корреспондентом солидного столичного издания; сразу предложил: «Ну, старики, рассказывайте о своих новых открытиях». «Старики» сообщили ему, весело и перебивая друг друга, об успешном завершении экспериментов по сварке металла и пластмассы. Сказали, что пресс-конференция по данному вопросу еще только планируется и он первый узнал новость. О том, что металл и пластмасса не подлежат сварке, в редакции никто не подумал, и вышел номер газеты с информацией об этом гениальном «открытии».

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии общения журналиста, сбора и организации материала в СМИ.

№ 82. Байка «Истина в пиве»

Знаменитый исследователь общественного мнения Борис Андреевич Грушин был не только ученым, но и журналистом. После закрытия Центра изучения общественного мнения он жил в Праге и работал в редакции журнале «Проблемы мира и социализма». Здесь Грушин по собственной инициативе загрузил себя нешуточным исследованием, в котором, как отмечают некоторые авторы, не последнюю роль сыграла его любовь к пиву. Исследователь обратил внимание на традицию чехов записывать на стенах пивных афоризмы и анекдоты, рисовать карикатуры. Из справочника Борис Андреевич узнал, что в Праге действует более 900 пивных, и задался целью все их обойти. Он сделал карту города, выделил два дня в неделю – среду и субботу – и в каждый из них посещал по три заведения.

«В одной пивной – первая кружка, во второй – две кружки с мелкой закусью, а затем, уже в третьей пивной, – ужин, во время которого выпивалось как минимум три кружки». Но истинная цель была другой: Борис Грушин тщательно фиксировал все записи, оставленные посетителями заведения. Среди них были настоящие шедевры народной мудрости:

«Пиво пьем, пока живем, – после смерти не попьем»;

«Не сердись, Мария. Ты сказочная, но с тобой я познакомился позже, чем с пивом»;

«Не ищите мудрость на дне, она – в пене, наверху».

Или совсем загадочные:

«Если человек уже существует, то он должен следить за тем, чтобы существовать. А если он уже следит за тем, что существует, должен следить за тем, чтобы существовать так, как он существует, а не иначе, как очень часто бывает».

За что бы Б. А. Грушин не брался, всегда получал нетривиальный результат. На этот раз им стала книга на чешском языке «In pivo veritas» («Истина в пиве») – контент-анализ надписей в пивных. Ее моментально перевели на английский язык, а в Россию она попадала с большим трудом – сначала этому мешала антиалкогольная кампания середины 1980-х годов, а потом на таможне ее сочли порнографией (на обложке был изображен император Римской империи Карл IV с полуголой девой на коленях).

Мораль. Изучая общественное сознание, Грушин прекрасно знал такие его формы, как анекдоты и бардовские песни. В надписях на стенах пивных он увидел один из образцов такого выражения. В книге «In pivo veritas» («Истина в пиве») Грушин

проявил себя и социологом, и уникальным знатоком пивной культуры. Издание принесло ему большую популярность среди чешского населения.

Комментарий. За сорок лет на поприще изучения общественного мнения Б. А. Грушин разработал общую теорию массового сознания и провел более 700 исследований. По воспоминаниям людей, которые знали Бориса Андреевича, шутки и афоризмы сопровождали его всю жизнь. Одна из его фраз запомнилась особенно: «Американцы? Они очень похожи на людей». А передача Грушина на «Радио “Свобода” называлась «Общество имени Кафки Корчагина».

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем социологии журналистики, воздействия СМИ на общественное мнение.

№ 83. Байка «Метод “холодные уши”»

В 1962 году, работая в «Экономической газете», Валерий Аграновский получил задание, продиктованное необычным обстоятельством: директор цементного завода на Украине запретил рабочим и служащим своего предприятия читать один номер «Экономической газеты»; при этом дал ц.у. снять его со стенда, расположенного на территории завода, изъял из заводской библиотеки и даже из личной подписки нескольких своих подчиненных. По всей вероятности, в этом номере описывалось нечто, соответствовавшее обстановке на заводе и, по мнению директора, не должно было будоражить умы людей. В редакцию об этом сообщили анонимным письмом, где между прочим говорилось, что рабочие дважды тайком вывешивали газету на стенд и рассерженный директор дважды приказывал ее сорвать.

«*Случай в ту пору – беспрецедентный*, – пишет Валерий Аграновский. – *У меня, как я понимал, не было особой перспективы описать его на страницах газеты, скажем, из-за не типичности, но разобраться я был обязан, поскольку редакция не хотела оставлять ситуацию не проясненной*».

Перед Валерием Аграновским встал вопрос: каким образом расследовать данный факт? Приехать и открыто попросить у директора объяснений, предъявив ему анонимку? А он возьмет и откажется! Мол, ложь все это и клевета, ничего подобного не было. Не кретин же я, в самом деле, чтобы идти на такую глупость! Чем опровергнуть? Искать доказательства на стороне? Но у кого? Есть ли уверенность, что заводской библиотекарь или сотрудник, из личной подписки которого была изъята «Экономическая газета», подтвердят информацию анонима? Если событие действительно имело место, оно красноречиво свидетельствует о неблагополучной атмосфере на заводе и отношении к критике, вернее, о ее зажиме. То обстоятельство, что вопиющий запрет оглашался не в открытом письме в редакцию, а в анонимном, лишний раз подтверждало бесперспективность поиска доказательств «на стороне». Придумывать «крышу» тоже не имело смысла, поскольку «ввинчиваться» в событие пришлось бы долго и трудно, а времени дали всего два дня.

В итоге Валерий Аграновский решил использовать метод, который определил впоследствии как «холодные уши», или, если угодно, – «глупее глупого». Он пришел к директору, дал ему прочитать анонимку и сказал, что во всей этой истории редакцию

прежде всего волнует директорский авторитет. Мол, распоряжение изъять газету исходило, вероятно, из каких-то серьезных соображений. Кто посмел не подчиниться директору и поставить под сомнение его приказ? Кто вешал газету на стенд вопреки его указанию? Что за личность решила жаловаться в редакцию? И так далее.

Не исключено, что директор подумал: «Ну, и корреспондент – ума палата!» Однако Валерий Абрамович рассчитывал на то, что если директор действительно наложил табу на центральную газету, он не должен быть умным и «клюнет». А если директор не дурак, никогда бы не вынес такое решение. В итоге, факт события не подтвердился бы, и оба – корреспондент и директор – посмеялись бы над анонимкой и нелепым журналистским ходом.

Дальше все пошло как по нотам: директор «клюнул» и рассказал журналисту, из каких соображений был отдан приказ изъять газету, как отнеслась к приказу заводская общественность, кто проявил высокую сознательность, а кто нет, какие личности подозреваются в тайном вывешивании газеты на стенд и даже кто может быть автором письма в редакцию. Разумеется, свой откровенный рассказ директор сопровождал рефреном: «Как трудно поддерживать авторитет руководителя!»

Дело было сделано…

Мораль. О ней говорит сам В. Аграновский в заключение истории: *«Несмотря на экстравагантность примера и его нетипичность, он позволяет сформулировать следующий позитивный вывод: к сожалению, находясь в командировке и занимаясь сбором материала, мы очень вредим себе, когда напрягаем силы, чтобы “произвести впечатление”. Мы стараемся говорить только умные слова, ходить солидной походкой и делать вид, что все знаем и понимаем. Чистые Сократы – все как один! Мы даже тщимся выглядеть умнее, чем есть, хотя самое разумное, что может придумать журналист, – казаться глупее, когда чувствует, что интеллект мешает. Зачем мы лезем из собственной кожи? Почему не работаем проще? Увы, наше стремление понятно, оно основано либо на соображениях престижа, либо на тщеславии, но совершенно не оправданно, если брать за критерий результат, к которому мы стремимся. Журналистам, которые “умнее” окружающих, очень трудно собирать материал. И вообще, пусть потом, после опубликования статьи или очерка, люди скажут: “Надо же, ходил дурак дураком, а как точно все написал!”, чем: “Надо же, какое производил прекрасное впечатление, а напечатал такую белиберду!”»*

Сдержанность, и прежде всего сдержанность в проявлении ума, – вот главное оружие журналиста. Не надо торопиться

с высказыванием своего понимания ситуации и проблемы, своих предположений и догадок, как бы точны они ни были. Куда полезнее большую часть времени проводить в командировке «с холодными ушами», по принципу: все вокруг умницы, один я чего-то не понимаю! Лучшая маска для газетчика – маска преувеличенной деловитости. Под ней должно скрываться и ликование, и обладание догадкой, и превосходство знаний.

Комментарий. В. Аграновский, обратившись к своему опыту, показал, как умение осуществлять психологический контроль ситуации помогает журналисту собирать важный материал в газету.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии общения журналиста, методов сбора материала в СМИ.

№ 84. Байка «Опущенное слово»

Д. Сатурин в своем «Очерке периодической печати Англии» рассказывает, как в 1884 году в английской газете «Tit-Bits» напечатали 10 вопросов и объявили, что такие публикации будут повторяться в течение 13 недель и тот, кто лучше всех ответит на все 130 вопросов, получит в конторе «Tit-Bits» должность с вознаграждением в 100 фунтов стерлингов – за первый же год. На предложение редакции отозвались 3000 человек. Победителем конкурса оказалась восемнадцатилетний юноша К. Пирсон, сын деревенского священника. В течение 13 недель он, получая свежий номер «Tit-Bits», отправлялся на велосипеде за 45 верст в ближайшую публичную библиотеку, рылся в энциклопедиях и справочных книгах и писал ответы на мудреные вопросы… Быстрыми и удачными ответами Пирсон заработал должность конторщика в «Tit-Bits». Через полгода он стал заведующим хозяйственного отдела этого огромного издательского предприятия с жалованьем в 300 фунтов стерлингов. А через пять лет создал свою «Pearson's Weekly» *(*«Еженедельник Пирсона»*)*.

Уже через год после основания «Pearson's Weekly» распространялась в количестве 200 000 экземпляров. Но на этом Пирсон не остановился. «Tit-Bits» по-прежнему была более известной, и он продолжал изобретать новые приманки для читателей. Однажды, корректируя газету, Пирсон придумывал слово, чтобы заполнить пустые места в конце страницы. Это обстоятельство натолкнуло его на неожиданную мысль. В ближайшем номере «Pearson's Weekly» напечатали статейку с предложением к читателям прислать в закрытом конверте «недостающее слово», опущенное в публикации, и почтовый мандат на 1 шиллинг. При этом редакция обещала через неделю разделить всю сумму полученных шиллингов поровну между теми, кто отгадает отсутствующее слово. Если «вопросы, заслуживающие ответа», требуют определенных знаний, то «опущенное слово» – лишь отгадывания. А гадать способен любой мальчишка. Приманка сработала: продажи газетки росли с невероятной скоростью. А когда на долю счастливых отгадчиков стало выпадать по 70 фунтов стерлингов из стекавшихся в контору шиллингов, английская молодежь просто потеряла голову. Продажи «Pearson's Weekly» еженедельно увеличивались на сотни тысяч экземпляров, печатных сил типографии оказалось недостаточно, приходилось стереотипировать газету и рассылать по провинциальным типографиям для печатания за бешеную плату; на рынке

не хватало бумаги, ее привозили издалека и оплачивали втридорога; в почтовом ведомстве быстро закончились шиллинговые мандаты, а при конторе Пирсона пришлось создать места для 500 сортировщиков, которые вскрывали конверты с присылаемыми «опущенными словами» и шиллингами и сортировали их на удачные и неудачные.

Мораль. Исследователь отмечает, что здесь речь шла уже не о росте количества читателей газеты, а о жадности молодежи, надеявшейся выиграть сравнительно крупную сумму в новоявленную лотерею. Одно и то же лицо покупало десятки, нередко сотни экземпляров «Pearson's Weekly» и, вырезав нужный параграф каждого номера, вписывало разнообразные «опущенные слова» и отсылало вырезки вместе с шиллингами в редакцию, надеясь, что какое-нибудь из слово окажется счастливым и принесет крупную сумму. Сама газета после вырезания нужного параграфа выбралась.

Около двухсот газет стали немедленно подражать Пирсону. Лотерейная эпидемия приняла такие угрожающие размеры, что вмешался суд и запретил «опущенное слово» как азартную игру. На тот момент на руках Пирсона оказалось примерно 800 000 шиллингов (400 000 руб.), а тираж его газеты вырос до 1 250 000 экземпляров. Как только «лотерея» прекратилась, продажи упали на целый миллион экземпляров.

Комментарий. Так газеты от сравнительно невинных приемов завлечения читателей (шарады, страховые премии, «вопросы, заслуживающие ответа» и т. п.) незаметно переходят к развращающим людей азартным играм. Запрет суда на «опущенное слово», конечно, не в силах остановить изобретательность издателей. В массы закидываются все новые приманки, рассчитанные на разжигание низменных страстей.

Диапазон применения байки. При изучении истории международной журналистики.

№ 85. Байка «Вредная профессия»

Владимир Маяковский активно работал в прессе, знал профессию журналиста не понаслышке и считал ее одной из самых трудных и вредных для здоровья человека. И даже писал об этом в своем стихотворении «Газетный день»:

«Если встретите человека белее
мела,
худющего,
худей, чем газетный лист, –
умозаключайте смело:
или редактор
или журналист».

Мораль. Летом 2000 года Фонд «Общественное мнение» провел опрос населения о социальной роли журналиста, престиже и имидже его профессии. На вопрос: «Как вам кажется, у журналистов работа трудная или легкая?» респонденты ответили следующим образом: трудная – 87 %, легкая – 4 % и затрудняюсь ответить – 9 %. То есть большинство респондентов считают работу журналиста трудной.

Комментарий. Давно известно, что максимальная нагрузка у журналистов ложится на зрение, опорно-двигательный аппарат, сердечную мышцу и, конечно, нервную систему. В рейтинге самых вредных профессий, опубликованном в журнале «Карьера» (май 1999 года), журналистика занимает 6-ю строчку. Согласно статистическим данным, журналист в среднем живет на 15 лет меньше бухгалтера (55 и 70 лет, соответственно), а его подверженность стрессу в баллах составляет 10 из 10. Где бы ни работал журналист, ему понадобится физическая выносливость, чтобы справиться с перегрузками, стрессами и экстремальными ситуациями. Крайне велики психологические нагрузки. Опытный газетчик А. Константинов пишет, что его коллеги часто сталкиваются с проблемами профессиональной деформации, когда безжалостно уродуется их психика: физическая опасность «угрожает журналистам лишь время от времени, психологическая же действует постоянно, как проникающая радиация, и подчас она бывает такой же незаметной и смертельной». По мнению психологов, познавательные процессы не оказывают существенного воздействия на биологические свойства человека, а вот эмоции

являются механизмом, который способствует изменению внутренней среды организма под влиянием внешних воздействий. Поэтому одна из главных черт личности журналиста – зрелость эмоционального мира. Эмоциональная устойчивость и самоконтроль принципиально важны для тех, кто постоянно имеет дело с быстро меняющейся реальностью.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии личности журналиста, его профессиональной деятельности.

№ 86. Байка «Читатель – взыскательный друг»

Над редактированием «Повести о настоящем человеке» Бориса Николаевича Полевого, изданной после Великой Отечественной войны, работал один из самых вдумчивых и серьезных отечественных редакторов. Тем не менее в сотнях писем, которые автор получил после выхода книги, читатели дали немало полезных советов. *«Например, библиотекарь, тов. З., – вспоминал Борис Николаевич, – справедливо раскритиковала сделанное в двух штрихах описание г. Камышина, который я назвал "зеленым городком". Она не только раскритиковала, она искренне желала помочь писателю исправить ошибку и в том же письме описала характерные черты камышинского ландшафта, сообщила яркие подробности о злых ветрах, приносящих в городок тучи крупного песка, который называют "камышинским дождиком"».*

Гвардии подполковник тов. Ж. нашел в повести другую несообразность: «Вы сообщаете, что Мересьев летал на самолете марки И-16, и в то же время пишете, что медведь, обнюхивающий комбинезон летчика, ощутил резкий запах антифриза. Одно из двух: или ваш медведь перепутал запахи, или вы ошиблись, так как И-16 – самолет с мотором воздушного охлаждения, и, следовательно, антифризу там взяться неоткуда».

Пионер Володя Б. напомнил автору, что г. Камышин находится ниже Сталинграда, а не выше, как сообщалось в повести. Медсестра из Куйбышева раскритиковала отдельные детали в описании госпиталя и тут же очень красочно и ярко подсказала, как, по ее мнению, следует эти сцены уточнить, дополнить, исправить. Полковник авиации тов. К. прислал целых «38 советов автору и редактору повести» – так было озаглавлено его письмо, написанное на десяти тетрадных листах.

«Все эти советы – и я, и литературный редактор книги с благодарностью приняли, многие из них серьезно помогли в дальнейшем редактировании повести», – не стесняясь, сообщил Б. Н. Полевой в одной из газетных публикаций.

Мораль. В своей творческой работе Б. Н. Полевой прислушивался к мнению читателей. «…Читатель стал моим серьезным, вдумчивым и взыскательным, то есть поистине настоящим другом», – писал он в «Литературной газете».

Комментарий. Уважение мнения читателя пришло к Борису Николаевичу во время журналистской работы. «Если бы я не был журналистом, – вряд ли бы стал писателем», – утверждал он. Этой

фразой Полевой указывал не только на преемственность, существующую между профессией журналиста и трудом литератора, но и подчеркивал, что именно работа корреспондента способна развить необходимые для писательской деятельности цепкость взгляда, остроту слуха и творческую наблюдательность, помогает изучить жизнь, позволяет начинающему литератору оказаться в эпицентре интересных событий, фактов, судеб, раскрывать и анализировать «приметы» и закономерности эпохи. О самом Б. Полевом критики писали: «Пришел в литературу из газеты и остался ей верен». Такой вывод был сделан прежде всего потому, что он любил факт и знал ему цену. Не только в документальной прозе, но и в его повести, романе ощущается подлинность фактической основы. *«Все мои любимые герои пришли из жизни. В литературе у меня курьезное положение: журналисты считают меня писателем, а писатели – журналистом. Думаю, правы и те, и другие»*, – не раз отвечал Борис Полевой на вопросы в ходе бесед и интервью. В финальной новелле своей последней книги он дал более точное определение профессии, которой отдал многие годы: *«Жизнь наглядно показала мне, что журналистика – я имею в виду хорошую, настоящую журналистику – оставаясь особым родом и очень действенным средством литературы, в то же время является самым надежным мостом, мостом между литературой и жизнью. Ведь многие из самых популярных наших книг в эмбриональном состоянии появились в газетах как очерки тех же авторов.»* (*Полевой Б. Н.* Самые памятные: История моих репортажей. М., 1980.)

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем взаимодействия аудитории и автора, психологии творчества.

№ 87. Байка «Слово о подразделении Игореве»

Эта шутка была весьма популярна среди военных журналистов. Доведенная до абсурда, маниакальная бдительность военных цензоров порождала массу баек. Например, при чтении полосы одной армейской газеты, на которой упоминалось известное «Слово о полку Игореве», цензор вычеркнул слово «полку» и написал «подразделении». Это было связано с тем, что в целях соблюдения военной тайны ограничивался показ количества частей в соединении или объединении, где выходила газета.

Мораль. Порой цензоры, не задумываясь, вычеркивали опасное слово и часто перегибали палку, желая перестраховаться. Так, в 1939 году Л. З. Мехлис писал И. В. Сталину и другим секретарям ЦК партии, что среди цензоров есть люди малограмотные, не имеющие ни общего образования, ни политического опыта.

Комментарий. Качество цензуры определялось количеством предупреждений (вычерков), сделанных цензорами в материалах СМИ после сдачи произведений в печать. В предвоенные годы среди них даже устроили социалистическое соревнование. Так, за 1939 год органы цензуры сделали в целом по Советскому Союзу 66 126 вычерков сведений, не подлежащих оглашению в открытой печати и материалах радиовещания.

Диапазон применения байки. При обсуждении вопросов истории цензуры и свободы слова.

№ 88. Байка «Штамп – барьер в восприятии информации»

«*В отделе оперативных передач Главной редакции передач для Москвы и Московской области Центрального телевидения давно ведется книжка штампов, наиболее любимых начинающими журналистами… Все они – в обязательном порядке – изучают эту книгу, приходя к нам*, – сообщил старший редактор В. Стрельников в редакцию «Журналиста». – *Более того, во время правки текста информации, телеочерка, репортажа наши редакторы, подчеркивая штампованные фразы, пишут сбоку: "№ 36", например. Автор знает – необходимо заглянуть в книжку штампов. Там под этим номером значится подчеркнутая в его тексте фраза: "Из года в год увеличивается…" Книжка помогает молодым журналистам самовоспитываться, искать новые, свежие и образные выражения…*» Автор попросил читателей помочь в составлении наиболее полной книги штампов: «*Вырванные с корнем, засохшие словосочетания присылайте нам. Может быть, найдется что-то свеженькое и прилипчивое. Все собирем в книгу – в назидание начинающим и закоренелым штамповщикам от журналистики*».

Мораль. Штамп есть мышление готовыми фразами, ведущее к обеднению языка. Корень этой проблемы – в схематичности мысли, поверхностности и расплывчатости содержания. Повторение без нужды слов, оборотов, конструктивных элементов снижает интерес к публикации, становится психологическим барьером в восприятии информации.

Комментарий. Существенная причина рождения штампа – раскрытие в поведении людей, ситуации типического и игнорирование своеобразного, индивидуального, неповторимого, характерного для данного человека или дела. В журналистской практике чаще всего, если не хватает конкретики, пускают в ход слова общего значения, повторения и абстракции.

В информационной борьбе штампы помогают преподнести любое политическое событие, независимо от его сути, в нужном контексте.

Диапазон применения байки. При обсуждении вопросов психологии творчества, воздействия СМИ.

№ 89. Байка «Политические опечатки»

Эту историю из 1980-х годов рассказал журналист Марат Валеев.

…По графику я – дежурный редактор очередного номера экибастузской районной газеты "Вперед". Читаю свежие полосы с корректором Татьяной. На пару с ней мы вылавливаем и устраняем "блох" – ошибки. Кроме нас в этот день в корректорской городской типографии, где печатались все экибастузские газеты, дежурит Володя Е. из "Угольного Экибастуза". Нам скучновато, поэтому мы сбрасываемся, и Володя, который помоложе, сходил за винцом – раз, другой. К концу дежурства настроение у всех приподнятое, газета благополучно подписана в печать, и мы разъезжаемся по домам.

Наутро нас встречает разъяренный редактор К. и трясет свежим номером газеты. Что такое? С ужасом всматриваюсь в отчеркнутое редактором место: на развороте печатается отчет с пленума райкома партии, и в подзаголовке крупно набрано: "Из вытупления первого секретаря райкома партии О. К. Кожанова". Вытупления! Куда-то запропастившаяся литера «с» поставила под сомнение умственные способности первого лица района! Как же это мы с Танюхой лопухнулись? Хотя понятно, как…

К. рвет и мечет, потом звонит в типографию и узнает, что газета на почту еще не ушла; отдает распоряжение пустить весь тираж под нож – более 2000 экземпляров – и отпечатать заново после исправления ошибки. За мой с Татьяной счет. Потом он все же отходит, и тираж печатается за счет редакции.

Мораль. В 1930-е годы за такую «ошибку» можно было «загреметь под фанфары», то есть получить реальный срок заключения.

Комментарий. Из «Материалов Главлита о вредительстве в печати» (1937 год): *«Особенно широкое распространение за последнее время получили опечатки. Причем опечатки эти, в значительной своей части, отличаются от обычных тем, что они искажают смысл фразы в антисоветском духе. "Опечатки" берут начало в типографии, но бывает, что источником контрреволюционных вылазок в виде "опечаток", искажения цитат, фото и прямой вражеской пропаганды являются и редакции. Враги плодили антисоветские опечатки, придумывали всякие гнусности, используя газету как трибуну для антисоветской агитации. Техника "опечаток" такова: вражеская рука выбрасывает целые строки, заменяет целые слова,*

буквы (…) и тогда тексту придается гнусный контрреволюционный смысл. Например, в газете "Спартак" (Ленинград) дана была такая "опечатка": "… мелкий тоскливый вождь сеял над зеркальным прудом стадиона" – вместо "дождь". Природа всех этих, с позволения сказать, "опечаток" совершенно ясна. Все это делается с определенным смыслом – грубо извратить смысл в контрреволюционном духе. И эти подлые ухищрения газетных вредителей иногда удаются благодаря беспечности некоторых редакторов и работников цензуры».

Из «Сводки важнейших конфискаций…» Ленгорлита за июнь 1936 года:

«Журнал "Юный пролетарий", № 14. Цензор Шипунов. Грубейшая опечатка в разделе "Решение кроссворда". Вместо "Пустота в дереве" напечатано: "Пустота в деревне".

В газете "Челябинский рабочий", № 268 от 22.2.1936 г. в резолюции Областного съезда Советов допущена грубая политическая ошибка. Напечатано: "достигнутые за 19 лет под куроводством (вместо руководством) партии Ленина-Сталина". Обллит передал дело в НКВД.

В радиовещании 14.11, в передаче "Октябрятская звездочка" имелась такая фраза: "Самым большим желанием у меня было побывать в Мавзолее и увидеть Вас, тов. Сталин". Фамилия вождя, которого октябренок несколько преждевременно захотел увидеть в мавзолее, доставляла особенно много бед корректорам и редакторам.

В прессе, особенно в газетах, из-за опечаток было много политических искажений. Наиболее характерными являлись следующие:

следовало печатать – напечатано

бесстрашный – страшный
исторический – истерический
классовый – кассовый
намечают – намекают
объединение – разъединение
отразит – разит
превращение – прекращение
председатель – предатель
социализм – капитализм».

Диапазон применения байки. При изучении истории цензуры.

№ 90. Байка «Диктор, голос которого был равносилен целой дивизии»

Профессия диктора появилась в середине 1920-х годов. Одним из основателей этой профессии в нашей стране был Юрий Борисович Левитан. Будучи «официальным голосом Кремля», он передавал важнейшие правительственные сообщения: о вводе в эксплуатацию Днепрогэса, перелете в Америку экипажей Чкалова и Громова, а с 1935 года вел репортажи с Красной площади. Военное поколение помнит его голос необычайного тембра и глубины, вещавший «От Советского информбюро…» о ситуации на фронтах и вселявший веру в победу нашего народа. Не случайно скупой на похвалы командующий Западным фронтом, генерал И. Д. Черняховский в 1944 году сказал: «Юрий Левитан – диктор, голос которого был равносилен целой дивизии». Гитлер считал его врагом Рейха № 1. За голову Левитана было обещано 250 000 марок, а специальная группа СС готовилась к заброске в Москву, чтобы ликвидировать диктора. Чтобы обезопасить главный голос СССР, Левитану выделили охрану, а по городу распускали ложные слухи о его внешности, благо в лицо Юрия Борисовича знали немногие… В мае 1945 года Левитан объявил об окончании войны, позже – о запуске первого искусственного спутника Земли и полете Юрия Гагарина, вел многие радиопередачи, озвучивал кинохронику, читал дикторские тексты к известным фильмам. Всего Ю. Б. Левитан провел около 60 000 передач. В возрасте 66 лет его удостоили звания Народного артиста СССР.

Мораль. «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», – сказал Ю. Б. Левитан 22 июня 1941 года с такой уверенностью и силой, что эти слова как заклинание запомнили миллионы людей, собравшихся у громкоговорителей в тот роковой день. Исследователи творчества Левитана отмечают, что особенно трудно диктору приходилось в начальный период войны. Какими нервами нужно было обладать, чтобы читать сводки Совинформбюро – малоутешительные, тревожные, сжимавшие сердце! В голосе Левитана не было ни паники, ни отчаяния. Правда, чувствовалось, что ему трудно даются горькие строки. Голос Левитана был суровее, чем у других, но непоколебимее и убежденнее. Суровая прямота жестких слов об отступлении не разоружала, а на «втором плане» несла веру в силу родного государства, героизм его сынов и дочерей, ушедших на фронт.

Комментарий. Еще до войны у Ю. Левитана стала проявляться интересная способность – читать так, словно он хочет рассказать слушателю то, о чем от кого-то услышал, либо сам был свидетелем определенных событий. Постепенно этот «прием» стал преобладающей манерой чтения, все более органичной. Левитан точно уловил сильнейшую сторону своего дарования – гражданственность. Он хотел откликнуться на голос стремительного времени с его героикой буден, ростом, успехами и новизной во всем. Однако любому ясно, что мало чего-то желать, нужно быть способным достичь желаемого. Левитан в этом плане оказался счастливым человеком. Его голосовые данные, яркий темперамент, верное ощущение патетики эпохи, мужественное обаяние и неустанный поиск, соединившись, сделали свое дело. Самые трудные виды радиочтения – публицистика и монументальность – покорились Юрию Левитану. Более того, он был органичен и естественен в этих формах чтения. А они неизмеримо укрупняет значительность творческой победы диктора.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем творчества радиожурналиста.

№ 91. Байка «Запутать слушателя в сетях противоречий»

В качестве военного преступника на Нюрнбергском процессе предстал журналист Ганс Фриче – один из «пионеров» политического радиовещания в Германии, с 1932 года последовательно занимавший посты главы новостного радиовещания, руководителя отдела радио в Министерстве народного просвещения и пропаганды, затем – главы новостного отдела этого министерства. В 1938–1942 годах он руководил отделом внутригосударственной прессы, а когда его возглавил сам Геббельс, Фриче стал вновь отвечать за радио. Журналист вещал до конца войны, поддерживая боевой дух солдат и граждан Рейха, вел еженедельную передачу «Говорит Ганс Фриче». Вместе с гауляйтером Франконии, редактором антисемитской и антикоммунистической газеты «Штурмовик» («Der Sturmer»), идеологом расизма Юлиусом Штрейхером (ввиду гибели Геббельса) он представлял на Нюрнбергском процессе нацистскую пропаганду. Давая показания, Фриче заявил, что «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз… Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было». В отличие от Штрейхера, приговоренного к смертной казни за антисемитскую пропаганду и призывы к геноциду, Фриче был оправдан по всем трем обвинениям: суд счел доказанным, что он не призывал к преступлениям против человечности, не участвовал в военных преступлениях и заговорах с целью захвата власти. Когда стало известно, что Ганса Фриче отпускают, у выхода собралась толпа журналистов: всем хотелось увидеть знаменитого радиокомментатора. Однако Фриче прошел сквозь толпу коллег молча, не ответив ни на один вопрос. Вскоре он был осужден за другие преступления – Комиссией по денацификации. Получив 9 лет тюрьмы, Фриче вышел на свободу по состоянию здоровья в 1950 году и умер от рака через три года.

Мораль. По мнению исследователей военной пропаганды, ни один другой радиокомментатор не обладал таким талантом запутать слушателя в бесконечной и сложной сети противоречий, как Ганс Фриче. Он был не столько пропагандистом, сколько контрпропагандистом. Его задача в первую очередь заключалась в том, чтобы лишить пропаганду противника всякой почвы раньше, чем его сообщения успеют достичь немецких

радиослушателей. Если обычно военная пропаганда стремилась не ссылаться на сообщения и аргументы врага, потому что так они лишний раз становятся известны радиослушателям, Фриче предложил совершенно иной метод. Он постоянно цитировал – иногда правильно, порой тенденциозно – все сообщения радио и прессы противника, пытаясь одновременно апеллировать непосредственно к государственным деятелям враждебной стороны. Так он создавал у своих слушателей впечатление непрерывной связи с противником.

Комментарий. Свои передачи Фриче обставлял так, что любому немцу казалось, будто он сам принимает участие в ожесточенном словесном споре, а радиокомментатор – «рыцарь без страха и упрека» – борется против злого дракона или заговора лжецов. Данный способ комментировать привел к тому, что многие немцы были твердо уверены в своей исключительной осведомленности о прессе противника. Более того, у них даже складывалось о ней определенное мнение. Если, например, радио англичан раз за разом передавало сообщения о серьезных разногласиях между германскими вооруженными силами и партией или о попытках восстаний в Германии, то эти утверждения не просто опровергались – германское радио передавало выдержки из сообщений противника примерно с таким вступлением: «Полагаясь на политическую зрелость немецкого радиослушателя, мы предоставляем ему самому возможность дать оценку следующим сообщениям». Отмечается и то, что успех Фриче как радиокомментатора в основном заключался в стремлении создать у слушателя иллюзию, что сообщения противника приходят к нему из первых рук. Этот метод контрпропаганды в значительной степени способствовал тому, чтобы забаррикадировать открытые границы эфира.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем истории и теории воздействия СМИ.

№ 92. Байка «Когда фотография не факт, а мнение»

Всем известен снимок Макса Альперта «Комбат», на котором запечатлено наступление пехотинцев в годы Великой Отечественной войны. Позднее выяснилось, что это не момент атаки, удачно схваченный фотокорреспондентом на поле боя, но и не инсценировка. Просто съемка во время учебной отработки действий красноармейцев перед наступлением. При этом снимок, опубликованный без подписи и пояснений, стал символом подвига советских воинов, инструментом пропаганды.

Мораль. Известный американский фотограф Ричард Аведон, утверждал, что «…фотография не факт, а мнение. Все снимки документальны, ни один из них не правдив». Речь идет не о вмешательстве в готовый снимок, чтобы сделать его лучше, а о том, что в большинстве случаев только автору известно, когда и где произошло событие. Почему был выбран тот или иной ракурс и затвор нажат в этот момент, а не другой? Выражение «не правдив» нельзя трактовать как синоним ложности. Ведь фотограф оперирует реальными физическими объектами, и если снимок не подвергался дальнейшей обработке с целью добавить то, чего в момент съемки не было в поле зрения камеры, «не правдивость» становится приблизительной интерпретацией правды, а не истиной. Так считает исследователь фотографии Д. Захаркин.

Комментарий. Еще в большей степени цитата американского фотографа относится к журналистской фотографии на страницах печатных СМИ. Поставленный на полосе снимок, по мнению Д. Захаркина, – уже мнение не фотографа, а редакции. И такая фотография точно не может быть правдивой. Это подтверждает знаменитый снимок Макса Альперта «Комбат». Вообще чем отличается документальность от правдивости? Документальная журналистская фотография – это полученное с помощью фотоаппарата изображение реальных героев и событий, не организованных фотожурналистом (автором снимка), сохраненное в архиве или опубликованное без каких-либо фактических изменений после съемки (с применением современных компьютерных технологий) компоновки кадра и композиции, фальсифицирующих или искажающих ход, смысл и содержание события и роль каждого его участника, оказавшегося в кадре. А достоверность, скорее, характеризует качество документального снимка – это комплекс

изобразительных средств и приемов, с помощью которого достигается наиболее полное исключение всеми доступными средствами даже случайной возможности неверно истолковать содержание запечатленного на снимке события или ситуации.

Хотя эти два понятия сильно различаются, люди до сих пор воспринимают фотографию на страницах газет и журналов как неопровержимый факт. Здесь есть несколько важных моментов. Во-первых, определенное отношение к фотографии зародилось в начале XX века, когда фотофакт был неоспоримым свидетельством. До сих пор многие воспринимают изображение как нечто самое честное, где невозможно солгать или что-то исказить. При таком подходе не учитываются не только вышеупомянутые доводы, но и современные технологии, которые позволяют неограниченно корректировать изображение вплоть до полной потери смысла. Во-вторых, фотография по причине ее «естественности» не может расцениваться как фальсификация даже в случае искажения. Иными словами, если читатель будет осведомлен о недостоверности снимка, он все равно будет верить его образу, соотносить его с изображенным. Такие стереотипы очень актуальны сегодня. Они являются главным рычагом воздействия на читателей. При этом в обоих случаях возникает вопрос об этике издания.

Диапазон применения байки. При обсуждении роли фотографии в воздействии СМИ.

№ 93. Байка «Все началось с призыва за “благопристойное” празднование…»

Вечером 4 июля 1899 года редактор газеты «Tribune» Джеймс Кили сидел у постели своей тяжелобольной дочки. Грохот тысяч фейерверков не давал ей заснуть. Кили позвонил в редакцию, чтобы узнать, сколько несчастных случаев произошло в тот день в тридцати крупнейших городах Америки. Цифры говорили о том, что празднование Дня независимости унесло больше жизней, чем недавняя война США с Испанией.

На следующий год в канун Дня независимости газета «Tribune» привела эту статистику, требуя «благопристойного» празднования. Позже другие периодические издания последовали ее примеру. И так до тех пор, пока число погибших и изувеченных 4 июля не снизилось более чем на 90 %.

Мораль. Инициатива проведения газетной кампании за «благопристойное» празднование Дня независимости приписывается редактору газету Джеймсу Кили.

Комментарий. После успешной кампании за «благопристойное» празднование Дня независимости в конце 1930-х годов многие печатные издания стали энергично выступать за усиление мер безопасности на дорогах. В итоге резко сократилось число автотранспортных происшествий. Многочисленные следующие информационные кампании, причем успешные, свидетельствуют о способности СМИ к убеждению и внушению.

Диапазон применения байки. Для иллюстрации возможностей воздействия СМИ.

№ 94. Байка «Старая журналистика»

Запомнилась публикация Э. Полянского «Последний поклон» в «Известиях» на рубеже 1990-х – 2000-х годов. В одном фрагменте этого очерка рассказывается о журналисте Киме Костенко, бывшем лейтенанте-артиллеристе, тяжело раненном при освобождении Чехословакии и удостоенном пяти орденов, в том числе полководческого ордена «Александра Невского» (за всю войну его получили одиннадцать или двенадцать лейтенантов).

«…В 1950-х годах Ким Костенко работал собкором "Комсомольской правды" в Донецком и Ворошиловградском регионах.

Хрущевская оттепель заканчивалась и пробивались заморозки, когда он вошел в кабинет Ворошиловградского КГБ и попросил высокого начальника дать ему возможность ознакомиться с делом молодогвардейцев.

– Нельзя, – ответил начальник. – Требуется разрешение прокуратуры Союза.

Ким позвонил в редакцию, в Москву. Снова пришел в КГБ и протянул разрешение.

– Нельзя, – повторил начальник. – Необходимо разрешение прокуратуры Украины.

Ким снова позвонил в газету и принес в КГБ новое разрешение.

Начальник сидел за огромным столом, заваленном горами папок с надписью "Молодая гвардия" и штампами "Совершенно секретно" и "Хранить вечно".

– Какие строки, какой страницы и какого тома вам прочесть?

– Откуда я знаю, – ответил журналист.

– И я не знаю.

Потом я понял, – рассказывал Ким, – они почему-то боялись, что я буду интересоваться Олегом Кошевым, но я сказал, что мне нужен Виктор Третьякевич (по роману Стахович – предатель, сгубивший всех молодогвардейцев).

Начальник облегченно вздохнул, нажал кнопку и вызвал офицера.

– Папки будут в его руках, и он выборочно прочтет вам…

Костенко впервые сорвался, но вошедший офицер дал ему знак.

Офицер оказался порядочным малым – он выходил из комнаты, оставляя журналиста один на один с документами. И журналист нашел то, что искал: не Олег Кошевой был комиссаром "Молодой гвардии", а "самолюбивый предатель" (по Фадееву) Виктор Третьякевич.

Семью Третьякевичей к этому времени все глубоко ненавидели и презирали. Брат Виктора, капитан Владимир Третьякевич, прошел всю войну и мечтал о военной карьере, но его отовсюду гнали со словами "брат предателя". Другого брата, Михаила, комиссара партизанского отряда, прочили в секретари обкома партии по идеологии, а в итоге отправили работать на мельницу. С первого памятника-пирамиды над братской могилой молодогвардейцев фамилия "Третьякевич" была сорвана, и мать, стыдясь людей, пробиралась на могилу к сыну в темноте и украдкой.

Фадеев писал роман "на скорую руку", потому что торопил ЦК партии. Консультировал его майор-особист.

– Я был в Краснодоне, – рассказывал Ким. – Родственники молодогвардейцев рассказывали, что Фадеев жил у матери Кошевого, и из других домов заходил лишь в те, что указывала она. Все были обижены на Кошевых…

Пострадал не один Третьякевич. У Фадеева еще есть Лядская и Выркова – дешевые подружки немецких солдат, согласившиеся за 23 марки в месяц работать осведомителями в Гестапо.

"Подружки" даже не знали друг друга; каждая считала, что вторая фамилия в романе вымышленная. Впервые они встретились и познакомились только в 1990 году – две старушки, прошедшие тюрьмы, лагеря и пережившие издевательства. Перед этим Ольге Александровне Лядской вручили бумагу о реабилитации "за отсутствием состава преступления". Зинаида Алексеевна Выркова тоже ждала реабилитацию, хотя "все равно и молодость, и вся жизнь загублены: инфаркт, два инсульта…".

Командир "Молодой гвардии", Иван Туркенич, оказался как бы ни при чем. Нелепость: рядовые члены – герои, а командир нет. Дело в том, что он, единственный кадровый офицер в "Молодой гвардии", попал в Краснодон, бежав из плена. То есть "предатель Родины", какими были объявлены миллионы советских военнопленных (приказ от 16 августа 1941 г. № 270).

В том же 1990 году Туркенич был награжден (посмертно) Золотой Звездой Героя.

Когда во второй половине 1950-х годов в "Комсомольской правде" появились статьи Костенко о "Молодой гвардии", казалось, что у всей страны наступил шок. К журналисту пришла Валя Борц, подруга Олега Кошевого:

– Зачем и кому это нужно? Пусть останется, как у Фадеева. Ведь это разрушит веру. Вырастет циничная молодежь.

– Нет, – сказал он.

– Пусть тогда в "Молодой гвардии" будет два комиссара – и Третьякевич, и Олег останется…

Исполнитель роли Олега Кошевого в кинофильме Иванов написал на Кима длинную жалобу в ЦК партии, где вылил на журналиста несуразную бытовую грязь. В ЦК выяснили, что актер Иванов спился, и письмо отложили. Против Кима выступил очень популярный в те годы журнал "Юность". Его перетаскали во все кабинеты ЦК комсомола.

Выстоял. Мало того, издал книгу, правда, очень маленьким тиражом.

Маститый режиссер Сергей Герасимов пришел к журналисту домой.

– Что делать с фильмом?

– Не знаю, – ответил Ким.

Режиссер, к его чести, вырезал кадры, где предатель Стахович-Третьякевич выдает на допросе имена друзей и где (очень сильная была сцена!) молодогвардейцы – босые, избитые – стоят на краю шурфа, куда их вот-вот столкнут фашисты, и у их ног ползает, вымаливая прощение, предатель.

А в конце фильма, где развевается красный флаг, за кадром звучит голос диктора: навечно останутся в памяти народа имена героев-молодогвардейцев Олега Кошевого, Сергея Тюленина, Любови Шевцовой… Гаснет экран, и уже на темном полотнище голос диктора среди других имен последним произносит имя Виктора Третьякевича.

В конце концов Третьякевич был награжден (посмертно) орденом Отечественной войны I степени, как "первый комиссар «Молодой гвардии»".

Мораль. После публикаций в «Комсомолке» Ким Костенко отправился к матери Виктора Третьякевича, которая раньше ходила на могилу сына тайком. Она долго благодарила журналиста, вышла его проводить и посреди сельской улицы поклонилась ему до земли. Улица была длинная, Костенко шел и оглядывался, а женщина все стояла в поклоне. Когда он свернул на другую улицу и в последний раз оглянулся, увидел, что она так и не разогнулась, словно застыла.

Комментарий. В заключение данной истории Э. Полянский пишет: «*Да, то была старая, как теперь говорят, журналистика. Она часто заступалась за рядового человека, и он, рядовой, когда терял все надежды на чиновную власть, когда перед ним захлопывались все двери, шел в редакции в поисках помощи. Часто помогали, иногда помочь не могли. По крайней мере, та, старая журналистика сочувствовала маленькому бесправному гражданину*».

Можно привести немало примеров, как представители той, старой журналистики, помогали человеку. Например, долгая

борьба журналистов позволила восстановить честь легендарного подводника Александра Ивановича Маринеско – ему наконец было присвоено звание Героя Советского Союза. Кропотливый труд журналиста спас от гонений доктора из российской глубинки, благодаря чему Святослав Николаевич Федоров создал всемирно известный научный комплекс микрохирургии глаза. *«Пусть у каждого журналиста будет хотя бы одно полезное дело, хотя бы один человек, которого он сумел вовремя поддержать, помог отстоять его доброе имя и честь»*, – призывал Э. Полянский, представитель этой самой старой школы отечественной журналистики.

Диапазон применения байки. При изучении традиций отечественной журналистики.

№ 95. Байка «Прежде всего нужны таланты…»

Когда И. Д. Сытин начинал издавать «Русское слово», он спросил у матерого газетчика А. С. Суворина: «Как издавать газету?» Тот ответил кратко: «Прежде всего нужны таланты. Где бы то ни было соберите таланты, таланты, таланты».

Мораль. Сытин знал толк в людях, умел находить деятельных и талантливых. Он давно приглядывался к восходящему светилу журналистики Власу Дорошевичу и в первую очередь заполучил его в свою газету. Дорошевич тогда работал в «Одесском листке», и Сытин поехал к нему «на поклон»…

Комментарий. Фельетонист В. Дорошевич оказался хорошим редактором-организатором. Вместе с И. Д. Сытиным он создал на обломках насквозь прогнившего «Русского слова» большую, «на европейский лад» газету с внушительным штатом сотрудников и густо разветвленной в России и за рубежом сетью корреспондентов.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии менеджмента массмедиа, организации СМИ.

№ 96. Байка «…Вот что такое газета»

В одном из фельетонов В. Дорошевича дается такое определение газеты:

«Утром вы садитесь за чай, и к вам входит ваш добрый знакомый. Он занимательный, интересный человек.

Он должен быть приличен, воспитан; приятно, если он к тому же и остроумен.

Он рассказывает вам, что нового на свете.

Рассказывает интересно и увлекательно.

Он ни на минуту не дает вам скучать.

Вы с интересом слушаете о самых сухих, но важных предметах.

Он высказывает вам свои взгляды на вещи.

Вовсе нет надобности во всем с ним соглашаться.

Но то, что он говорит, должно быть основательно, продуманно, веско.

Вы иногда не соглашаетесь, но выслушиваете его со вниманием, интересом, как умного и приятного противника.

Он заставляет вас несколько раз улыбнуться меткому слову и уходит, оставляя впечатление с удовольствием проведенного получаса.

Вот что такое газета».

Мораль. Дорошевич считал власть газеты над умами людей безграничной.

Комментарий. Дорошевич хорошо чувствовал издание и придавал огромное значение взаимодействию газеты и читателя. «Газета, – говорил он, – совершенствуясь, должна из младших “классов” переходить в старшие и, уча своего читателя, расширяя его кругозор, тем самым переводить его из класса в класс».

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем взаимодействия СМИ и их аудитории.

№ 97. Байка «Литература для народа»

Известно, что Иван Дмитриевич Сытин начинал свою издательскую деятельность с издания лубочных картинок для народа. Об этом он рассказывает в своих воспоминаниях «Жизнь для книги». В те времена «все было окутано густым, почти непроницаемым мраком бескнижия и безграмотности». Сытин рассуждал так: чтобы читать книжку, надо быть грамотным, а чтобы пользоваться картинкой, достаточно быть зрячим. Картинкой он и начал пробивать толщу безграмотности и прокладывать дорогу к печатному слову. По существу, картинка с коротким текстом служила малограмотному человеку и книжкой, и учителем, и, что особенно любопытно – газетой. Именно из картинки с краткой пояснительной надписью, нередко в стихах, крестьяне из глухих деревень узнавали о событиях, происходивших далеко от них. Например, забредет в деревню сытинский «глашатай» офеня и расскажет, что война на Кавказе закончилась, а в подтверждение своих слов достанет из своего короба картинку: «Сдача Шамиля с мюрядами». И летит новость быстрее птицы! В другом месте офеня сообщил о «чугунке», которая «сама собою без лошадей ходит». Не верите? Вот вам картинка с изображением поезда, воспетого тут же в стихах. Сытин издавал лубки даже о Русско-японской войне. Такая «газета» хвастливо кричала на весь деревенский базар или городскую площадь: «Эй, микадо, будет худо, разобьем твою посуду».

Мораль. Благодаря своей доходчивости опыт сытинской газеты-картинки использовали в годы гражданской войны: «Окна РОСТА», плакаты с карикатурами на злобу дня и т. д. Этот жанр активно применялся и военной пропагандой в годы Великой Отечественной войны.

Комментарий. Сторонниками лубочной литературы для народа, в том числе являлись народники. Они считали, что мужику не подходит обычная литература и «старший брат» – интеллигенция – должна сочинить нечто особенное, чтобы учить своего «меньшего брата» – народ.

На первых порах Сытин издавал и распространял литературу именно такого рода. Однако вкус и знание народной жизни восстали в нем против этого. *«Опыт учит*, – пишет Сытин, – *никакой отдельной литературы для народа создать нельзя, да и не нужно; первоклассные писатели всех наций для народа доступны и понятны; как и все читатели, народ не терпит скуки и презирает “сюсюкание”, то есть подделку под народный язык*

и народный разум». В итоге Сытин начал издавать Толстого, Лескова, Короленко. Ему удалось выпустить произведения первоклассных писателей на хорошей бумаге и с рисунками Сурикова, Репина. При этом их цена не превышала стоимость лубочных картинок. Так народ получил в руки настоящую книгу – истинную литературу.

Диапазон применения байки. При обсуждении особенностей психологии аудитории СМИ.

№ 98. Байка «Три кита Ивана Сытина»

На рубеже XX века чуть ли не в каждой деревенской избе России можно было увидеть сытинский календарь с отличными рисунками, народными пословицами и поговорками, научными сведениями, биографиями великих людей, практическими указаниями по ведению домашнего и сельского хозяйства, житейским мелочам и обиходными советами.

Мораль. Сытин пять лет готовился к изданию первого в России всеобщего календаря: выписывал из-за границы специальные ротационные машины и оборудование, подбирал редакцию. В основе работы над календарем были «три кита»: дешевизна, изящество и доступность содержания. По замыслу Ивана Дмитриевича, массовый читатель должен получить универсальную справочную книгу, домашнюю энциклопедию на все случаи жизни. И он ее получил: тираж ежегодника был нешуточный – 6 миллионов! Такой популярности позавидует любое современное издание.

Комментарий. И. Д. Сытин одним из первых в России взял за основу своей работы тщательное и добросовестное изучение читателя. Когда он в своем календаре напечатал обращение к читателям с просьбой присылать свои пожелания, это стало настоящим открытием, которым сейчас широко пользуются все СМИ.

Нужно заметить, что сам Сытин не получил никакого образования: ни общего, ни специального. Сын крестьянина, он пришел в город полуграмотным парнем. Но на протяжении многих лет, общаясь по издательским делам с лучшими умами России, Иван Дмитриевич оттачивал и обогащал свой природный ум, впитывал большую культуру.

В основе деятельности Сытина лежало коммерческое начало. Он искал новые рынки сбыта, борясь с конкуренцией, совершенствовал свой «товар». При этом искренне и страстно хотел пробить толщу бескнижия и безграмотности. Он свято верил в свою страну и силу печатного слова. Сейчас доподлинно известно, что многие издания не приносили Сытину доход и выпускались из просветительских соображений. Люди, близко знавшие Ивана Дмитриевича, наблюдавшие его в работе, говорили о его «уме деловитости». Не купеческой, преследующей одну цель – барыши, а творческой, позволявшей осуществлять новые издательские проекты и строить масштабные планы. Особенно ярко сытинская деловитость проявилась в его непревзойденном умении не только издавать дешевые и красивые

книги, но и с умом их распространять.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии менеджмента массмедиа, организации продвижения издательского проекта.

№ 99. Байка «Сколько вы за месяц разоблачили врагов народа?»

Ветеран отечественной журналистики Д. И. Новополянский, более полувека проработавший в «Комсомольской правде» и «Правде», вспоминает о репрессиях 1930-х годов.

«…Меня, как и всех собкоров, случалось, допрашивали: “Сколько вы за июнь разоблачили врагов народа? А за первую половину июля?”. Редакцию подстегивали: “Смелая газета, а разоблачаете меньше врагов, чем другие”. В самые лютые времена, когда даже думать не разрешалось иначе, чем положено, были, однако, журналисты, которые пробивали дорогу правде. Отчаянно. Порой безнадежно. Прошения мнимых “врагов народа” редакция, помню, не пересылала, а наши сотрудницы сами относили их в прокуратуру лично Вышинскому с записками от редколлегии. Сотрудницы отдела писем неделями хлопотали, часами сидели у дверей, ожидая ответа…

За четыре года войны моя родная “Комсомолка” потеряла шестнадцать корреспондентов – больше других столичных изданий. Но еще больше людей арестовали в 1937–1938 годах. Почти всех ведущих сотрудников тогда без всякой вины бросили в сталинские лагеря…»

Мораль. Журналистика не была и не могла быть обособлена от жизни общества и государства и становилась важной частью системы произвола.

Комментарий. Наиболее полно дух партийной политики того периода в области прессы отразился на страницах журнала «Большевистская печать». Его публикации имели директивный характер. Так, в редакционной статье «Новые задачи», в № 4 за 1937 год, редакциям дано указание *«ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость. Это предполагает преодоление гнилых теорий, разоружающих и размагничивающих нашу бдительность, о которых говорил товарищ Сталин. Это предполагает повышение уровня большевистской самокритики и революционной бдительности».*

Установочный характер имела и передовая статья «Бдительность и еще раз бдительность!» в номере «Большевистской печати», который вышел после судебного процесса над так называемым троцкистско-зиновьевским террористическим центром, где всей журналистике ставились задачи выковать «большевистскую бдительность – самое острое

орудие в борьбе с врагами». Каким образом следовать выполнять эти задачи? Анализ директивных публикаций того времени свидетельствует о существовании соответствующей программы. Прежде всего, требовалось освещать процессов «врагов народа» в погромном тоне. Работникам прессы предлагалось по-новому смотреть «на отдельные, так называемые производственные неполадки, аварии, крушения и взрывы» – не как на издержки неумелого руководства, безудержной гонки под флагом энтузиазма, а как на происки врагов. Рекомендовалось объявить поход «за создание таких условий работы на всех участках социалистической стройки, которые бы исключали самую возможность вредительства». В связи с чем «надо изо дня в день на конкретных примерах учить массы распознавать врага-двурушника, в какую бы тогу он ни рядился, какую бы личину на себя ни надевал».

«Большевистская печать» обращала внимание редакций на попытки проникновения «врагов народа» в журналистику. Дескать, они стремятся захватить в свои руки газеты, «притупить такое острое орудие борьбы, как печать, обратить его против партии», «пролезть в аппарат наших газет, журналов и издательств», что уже якобы произошло в Соцэкгизе, Белорусском Госиздате и т. д. Приводились «конкретные примеры». Журнал рекомендовал «еще и еще раз прощупать, нет ли среди редакционного коллектива, среди псевдорабкоров и в рядах авторского актива скрытых врагов, вроде «журналистов» Радеков, Сосновских, Роммов и Бухарцевых, Пикалей и Вернеров и прочих разоблаченных их мелких подручных…»

Рекомендуя прессе давать отчеты с митингов, публиковать отклики на процессы, письма трудящихся и резолюции коллективов, журнал советовал сопровождать их «боевым призывом – быстрее ликвидировать последствия троцкистского вредительства, бить врага стахановской работой, поднять на новую высоту социалистическое соревнование».

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем истории отечественной журналистики.

№ 100. Байка «Не созрел ты для партийной газеты…»

Сергей Донатович Довлатов, эмигрировавший из Советского Союза в 1978 году, спустя три года выпустил книгу «Компромисс», в которой описал свою журналистскую работу в советской печати. В ней есть такая история.

«…Симпатичный стишок опубликован в "Вечернем Таллине", в рубрике "Эстонский букварь», предназначенной для маленьких русских читателей:

У опушки в день ненастный
Повстречали зверя.
Мы ему сказали: «Здравствуй!»
Зверь ответил: «Тере!»
И сейчас же ясный луч
Появился из-за туч…

(«Вечерний Таллин», октябрь, 1974 год)

Однако этот нейтральный, по мнению С. Довлатова, материал оказался политически некорректным.

«Звонит инструктор ЦК:

– Кто написал эту шовинистическую басню?

– Почему шовинистическую?

– Значит, ты написал?

– Я. А в чем дело?

– Там фигурирует зверь.

– Ну.

– Это что же получается? Выходит, эстонец – зверь. Я – зверь? Я, инструктор Центрального Комитета партии – зверь?!

– Это же сказка, условность. Там есть иллюстрация. Ребятишки повстречали медведя. У медведя добрая, симпатичная мордашка. Он положительный…

– Зачем он говорит по-эстонски? Пусть говорит на языке одной из капиталистических стран…

– Не понял.

– Да что тебе объяснять! Не созрел ты для партийной газеты, не созрел…»

Мораль. Очень наглядный пример для изучения официальной журналистики того времени – строгая и бдительная идеологическая цензура не давала авторам ни минуты покоя.

Комментарий. «Компромисс» написан в два слоя, двумя шрифтами: вслед за газетной публикацией следует рассказ об истории ее создания.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики второй половины XX века.

№ 101. Байка «Публикабельный новорожденный»

В пятом «Компромиссе» С. Довлатов рассказывает, как он писал репортаж из роддома.

Редактор инструктирует корреспондента: *«Через неделю – годовщина освобождения Таллина. Эта дата будет широко отмечаться. В том числе, на страницах газеты. Предусмотрены различные аспекты: хозяйственный, культурный, бытовой… Материалы готовят все отделы редакции. Есть задание и для вас. А именно – по данным статистического бюро, в городе около четырехсот тысяч жителей. Цифра эта до некоторой степени условна. Несколько условна и сама черта города. Так вот, мы посовещались и решили: четырехсоттысячный житель Таллина должен родиться в канун юбилея.*

– Что-то я не совсем понимаю.

– Идете в родильный дом и дожидаетесь первого новорожденного. Записываете его параметры, беседуете со счастливыми родителями и врачом, который принимал роды. Естественно, делаете снимки. И запомните, – Туронок встал, заканчивая разговор, – младенец должен быть публикабельным.

– То есть?

– То есть полноценным. Ничего ущербного и мрачного – никаких кесаревых сечений и матерей-одиночек. Полный комплект родителей. Здоровый, социально полноценный мальчик.

– Обязательно мальчик?

– Да. Мальчик как-то символичнее».

Первый кандидат на роль счастливого младенца был отвергнут, так как его отец оказался эфиопом, второй – потому что родился у евреев, и лишь третий оказался «публикабельным», правда, с именем Лембит… Как сказал редактор: «Пусть назовут так. Какая разница?! Лембит – это хорошо, мужественно и звучит символично… В юбилейном номере будет смотреться».

В итоге получился такой материал:

«ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ. Ежегодный праздник – День освобождения – широко отмечается в республике. Фабрики и заводы, колхозы и машинно-тракторные станции [Машинно-тракторные станции (МТС) были ликвидированы после XX съезда КПСС (1956 г.) и преобразованы в ремонтно-технические станции (РТС). – примеч. Н. В.] рапортуют государству о достигнутых высоких показателях.

И еще один необычный рубеж преодолен в эти дни. Население

эстонской столицы достигло 400 000 человек. В таллинской больнице у Майи и Григория Кузиных родился долгожданный первенец. Ему-то и суждено было оказаться 400 000-м жителем города.

– Спортсменом будет, – улыбается главный врач Михкель Теппе.

Счастливый отец неловко прячет грубые мозолистые руки.

– Назовем сына Лембитом, – говорит он, – пусть растет богатырем!

К счастливым родителям обращается известный таллинский поэт – Борис Штейн:

На фабриках, в жерлах забоев,
На дальних планетах иных –
Четыреста тысяч героев,
И первенец твой среди них…

Хочется вспомнить слова Гете: «Рождается человек – рождается целый мир!»

Не знаю, кем ты станешь, Лембит: токарем или шахтером, офицером или ученым. Ясно одно – родился Человек! Человек, обреченный на счастье!..» (Советская Эстония. Ноябрь. 1975 год.)

Мораль. Пример того, как заказанные властью публикации приходилось создавать буквально на пустом месте.

Комментарий. «Компромисс» – автобиографическая книга. Начальная дата – ноябрь 1973 года – совпадает со временем работы автора в газете «Советская Эстония». Дата последнего «компромисса» – октябрь 1976 года. Довлатов уже живет в Ленинграде и работает в журнале «Костер».

Диапазон применения байка. При изучении истории отечественной журналистики второй половины XX века.

№ 102. Байка «Факты из прошлой жизни героев»

Эта история о материале С. Довлатова под названием «Наряд для марсианина», который был опубликован в газете «Советская Эстония» в апреле 1976 года. Рассказывает автор.

«Чего мы ждем от хорошего портного? Сшитый им костюм должен отвечать моде. А что бы вы подумали о закройщике, изделие которого отстает от требований моды… на двести лет? Между тем этот человек пользуется большим уважением и заслуживает самых теплых слов. Мы говорим о закройщике-модельере Русского драматического театра ЭССР Вольдемаре Сильдс. Среди его постоянных клиентов – испанские гранды и мушкетеры, русские цари и японские самураи, более того – лисицы, петухи и даже марсиане. Театральный костюм рождается совместными усилиями художника и портного. Он должен соответствовать характеру эпохи, выражая при этом дух спектакля и свойства персонажей. Представьте себе Онегина в мешковатых брюках или Собакевича в элегантном фраке… Для того чтобы создать костюм раба Эзопа, Вольдемару Сильду пришлось изучать старинную живопись, греческую драму… Сюртук, кафтан, бекеша, ментик, архалук – все это строго определенные виды одежды со своими специфическими чертами и аксессуарами.

– Один молодой актер, – рассказывает Сильд, – спросил меня: “Разве фрак и смокинг не одно и то же?” Для меня это вещи столь же разные, как телевизор и магнитофон.

Посещая спектакли других театров, Вольдемар Хендрикович с профессиональной взыскательностью обращает внимание на то, как одеты персонажи.

– И только на спектаклях моего любимого Вахтанговского театра, – говорит В. Сильд, – я забываю о том, что я – модельер, и слежу за развитием пьесы – верный признак того, что костюмеры в этом театре работают безукоризненно.

Безукоризненно работает и сам Вольдемар Сильд, портной, художник, человек театра».

На летучке материал похвалили.

– Довлатов умеет живо писать о всякой ерунде.

– И заголовок эффектный…

– Слова откуда-то берет – аксессуары…

Назавтра вызывает меня редактор Туронок.

– Садитесь.

Сел.

– Разговор будет неприятный.

“Как все разговоры с тобой, идиот”, – подумал я.

– Что за рубрика у вас?

– “Человек и профессия”. Нас интересуют люди редких профессий. А также неожиданные аспекты…

– Знаете, какая профессия у этого вашего Сильда?

– Знаю – портной. Театральный портной. Неожиданный аспект…

– Это сейчас. А раньше?

– Раньше – не знаю.

– Так знайте же, в войну он был палачом. Служил у немцев. Вешал советских патриотов. За что и отсидел двенадцать лет.

– О, Господи! – сказал я.

– Понимаете, что вы наделали?! Прославили изменника Родины! Навсегда скомпрометировали интересную рубрику!

– Но мне его рекомендовал директор театра.

– Директор театра – бывший обер-лейтенант СС. Кроме того, он голубой.

– Что значит «голубой»?

– Так раньше называли гомосексуалистов. Он к вам не приставал?

– Приставал, думаю. Еще как приставал. Руку журналисту подал. То-то я удивился…

Мораль. Факты из прошлой жизни героев публикаций делали потрясающие по стилю материалы неприемлемыми.

Комментарий. В небольших отрывках из газетных материалов С. Довлатова того времени прослеживается стилистика и тематика многих публикаций советской периодики.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики второй половины XX века.

№ 103. Байка «…Вы обнажили свою, совсем не грациозную, ногу выше колена»

В 1868 году в Александринском театре с небывалым успехом шла оперетта Оффенбаха «Прекрасная Елена», где на сцене блистала несравненная Вера Лядова. Ажиотаж был огромный, билеты доставали с большим трудом, некоторые платили вдвое или втрое дороже, чтобы увидеть русскую прекрасную Елену. А на Невском проспекте, в витрине ателье модного фотографа Карла Бергамаско красовались большие снимки Лядовой в костюме Елены. Поклонники раскупали фотографические карточки примадонны как горячие пирожки.

Однажды, прогуливаясь по Невскому, известный фельетонист «Санкт-Петербургских новостей» Алексей Суворин обратил внимание на фотографии Лядовой и… разразился скандал. Суворин счел фотографии «непристойными» и опубликовал в газете открытое письмо актрисе:

«Вы сидите в кресле, а г. Сазонов на коленях перед вами и вас обнимает, придав своему лицу то выражение, которое бывает у мужчин в некоторые моменты; особенность этой группы та, что вы обнажили свою, совсем не грациозную ногу, выше колена», – возмущался Суворин. Свой фельетон журналист закончил убийственной фразой: *«Я знаю, что делаю рекламу вашим карточкам, и молю Бога, чтобы это могло вас утешить»*.

Результат обличительного письма был таков: другие издания выступили в защиту примадонны, поклонники подарили ей бриллиантовую диадему в знак своей любви, а фотографические карточки подорожали в четыре раза…

Мораль. В ту пору Суворин в погоне за успехом нередко шел на компромиссы с совестью.

Комментарий. В 1861 году А. С. Суворин перебрался из провинции в Москву, а затем в Санкт-Петербург. Чтобы обеспечить растущее семейство, ему приходилось много работать. Он встречается со многими корифеями русской литературы, а также с собратьями-журналистами. Особенно тесное сотрудничество сложилось у него с критиком и фельетонистом В. П. Бурениным. С середины 1860-х годов сей дуэт прочно обосновался в петербургских газетах: молодые люди прослыли умными и всезнающими журналистами. Однако у одних они вызывали восхищение, а другие их побаивались. Злые же языки называли дуэт «Бу и Су» (по-французски это boue и sou, в переводе – «грязь» и «мелкая монета» соответственно).

Как ни странно, несмотря на большой интерес к Суворину, его обстоятельная биография еще не написана. Период жизни, о котором говорится в байке (до 1876 года, когда он стал издателем газеты «Новое время»), подробно освещен в книге американской исследовательницы Э. Эмблер.

Диапазон применения байки. При изучении истории отечественной журналистики.

№ 104. Байка «Фирма переехала»

В конце 1980-х годов редакция одной московской газеты, славившаяся патологической ненавистью к органам госбезопасности, разместила на своих страницах объявление от имени несуществующей школы по подготовке рыцарей плаща и кинжала. Данное учебное заведение якобы предлагало услуги по подготовке профессиональных диверсантов. В качестве контактного телефона для желающих дали номер одного из подразделений КГБ СССР. Естественно, когда чекистов стали одолевать звонки от желающих повысить свою квалификацию, они без труда определили, откуда «дует ветер». Но самое интересное не это, а то, что на акцию СМИ ответили с юмором. На «засвеченный» телефон поставили автоответчик: милый женский голос извинялся, говорил, что фирма переехала, и просил звонить по новому телефону. А им был домашний телефон главного редактора «пошутившей» газеты.

Мораль. Эта история – пример творческого подхода к противодействию специальным мероприятиям оппонентов по дискредитации своего противника (конкурента), подрыву и ослаблению его позиций.

Комментарий. В информационных конфликтах современных СМИ часто используются материалы, дискредитирующие деятельность конкурентов, недобросовестная реклама и крупномасштабные мошеннические операции, чтобы сформировать нужное общественное мнение.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем участия журналистов в информационных войнах.

№ 105. Байка «Зайцы-мутанты в Санкт-Петербурге»

В петербургскую редакцию одного из федеральных СМИ позвонил руководитель из Москвы и сообщил, что, по слухам, в Северной столице появились зайцы-мутанты. И действительно, городское информационное агентство, название которого слишком известное, чтобы его упоминать, опубликовало такую новость.

Мораль. Доверие к источнику, которым явилось «руководство из Москвы», победило журналистское правило проверять информацию.

Комментарий. Никого в редакционной цепочке не насторожило слово «зайцы-мутанты». Видимо за последние десятилетия сообщения о двухголовых телятах, восьминогих поросятах и иных мутациях в животном мире стали настолько привычными, что сотрудники информагентства сочли возможными и генетические изменения у зайцев. Хотя ссылка «по слухам» всегда требует уточнения информации.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем работы с фактами, сбора и подготовки материалов в СМИ.

№ 106. Байка «На войне театрализованность не допустима»

В 2000 году, во время Гражданской войны в Афганистане (1992–2001 годы), группа иностранных тележурналистов для пущего видеоэффекта уговорила артиллеристов одной из воюющих сторон произвести залп по противнику, который сразу ответил орудийным огнем. Так военный репортаж выглядел интереснее. При этом в ходе завязавшейся перестрелки потери понесли не только военные, но и мирные жители…

Мораль. Ни один кадр, даже самый сенсационный, не стоит здоровья и тем более жизни человека. И не только самого журналиста, но и тех, кого он снимает, о ком пишет.

Комментарий. Военный репортаж связан с рядом требований психологического и морального порядка. Ничто не может сравниться с неповторимым событием, запечатленным в момент его свершения. Театр военных действий имеет перед обычным театром то несравненное преимущество, что пьеса создается «по живому». Однако на войне, где гибнут люди, театрализованность недопустима. Особенно, если она ведет к гибели людей.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии и этики журналиста, работающего в «горячих точках».

№ 107. Байка «…Речевые портреты людей сохраняются в моих записных книжках»

Константин Симонов рассказывал о своей работе корреспондентом в «Красной звезде» в годы Великой Отечественной войны.

«…Чтобы написать корреспонденцию, нужно иметь в несколько раз больше материала, чем получится на выходе; необходим выбор. И я не ленился, записывал все подробно, порою в мельчайших подробностях.

Мне кажется, что система записей – это для газетчиков проблема. Если в записях излагать все "в общих чертах", это приводит, в конце концов, к безликости.

Я всегда стремился делать записи так, чтобы впоследствии сам мог бы уловить черты характера моего собеседника, особенности его речи, какие-то подробности его поведения, какой-нибудь острый факт из его жизни. Все это для того, чтобы затем можно было по таким заметкам восстановить характер рассказанного мне или характер пережитого. По-моему, для журналиста важно и даже необходимо заносить в блокноты узловые моменты беседы. Я стремился записать характер речи человека, который со мной разговаривает. Поэтому никогда не писал: "Он мне рассказал то-то и то-то…", – а все записи вел от первого лица, то есть записывал прямую речь. Мне, конечно, не удавалось записать все от начала до конца, я не успевал это сделать, но главные куски прямой речи, я бы сказал, речевые портреты людей сохраняются в моих записных книжках.

Все это, по-моему, существенно для журналиста. И еще мне кажется очень важным, чтобы у человека, с которым вы разговариваете, не было ощущения, что корреспондент торопится и хочет у него взять только то, что ему нужно для "задания", а что сам по себе этот человек ему неинтересен. Тут-то и надо журналисту набраться терпения, даже в тех случаях, когда время его подгоняет – расспрашивать человека подробно: пусть он почувствует, что интересен. Я лично убежден, что каждый человек может рассказать что-то интересное. Все дело лишь в том, как к нему подойти, как расспросить. При этом очень важно выяснить всю цепь событий до малейших подробностей. Только так доберешься до главного. Если на вопрос: "Про что вам рассказать?" – журналист ответит: "Расскажите мне самое главное", наверняка о "самом главном" в лучшем случае услышишь в общих чертах. Попросите его рассказать все. Тогда он вам,

безусловно, расскажет и самое главное. Тут, конечно, есть свои трудности: отсутствие у газетчика лишнего времени и разные другие обстоятельства, но, как говорится, действуй сообразно обстановке».

Мораль. Исследователи творчества Константина Симонова отмечают его как одного из глубоких военных публицистов, который с особым вниманием относился к морально-психологическим аспектам деятельности журналиста.

Комментарий. Обращаясь к своим записям военных лет, Константин Симонов разыскал многих фронтовиков, встреченных им во время войны. Степан Мотовилин, разведчик, с которым Симонов впервые пересекся в октябре 1941 года на Севере и вместе с ним ходил в разведку, вспоминал: *«Новая встреча произошла через двадцать лет после Победы. Я и не думал, что знаменитый писатель будет помнить меня – простого солдата, разведчика, каких на своем пути фронтового корреспондента за годы войны он встречал тысячи, поэтому и не напоминал ему о себе. Симонов сам разыскал меня»*. Военные записи помогали Симонову писать книги, готовить журнальные и газетные публикации о войне. Затем они сами стали одной из популярнейших книг о Великой Отечественной войне – двухтомный фронтовой дневник Константина Симонова «Разные дни войны» мгновенно назвали уникальным с точки зрения правдивого описания войны.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии журналистского творчества.

№ 108. Байка «Компетентность журналиста»

Глава правительства одного из регионов России распорядился не пускать журналистов популярной у населения газеты на рабочие заседания оперативного штаба по продовольственному снабжению. Причина – постоянное искажение в данном издании фактов и цифр, приводимых на заседаниях, и некомпетентность в обсуждаемых вопросах.

Мораль. Необъективность и некомпетентность всегда считались одними из тяжелейших грехов журналистов. Сотрудников СМИ нередко упрекают за то, что они берутся безапелляционно судить обо всем, о чем знают и не знают. Итог – искажение происходящего и недостоверная передача информации, что влечет за собой нежелательные последствия.

Комментарий. Корреспондент массового общеполитического издания не может тягаться в знаниях с высококвалифицированным специалистом конкретной области деятельности или науки. Как правило, он обладает общими знаниями. Сочетание универсальности со специализацией – необходимое условие повышения своей компетентности. Некомпетентность проявляется по-разному. Прежде всего, в незнании журналистом фактов и явлений, что приводит к искажению ситуации, недостоверности и необъективности отражаемой действительности.

Особенно сложно с этим при освещении конфликтов. В данной ситуации ошибки журналиста ведут к усилению противодействия враждующих сторон и расширению конфликта, вместо того чтобы содействовать их разрешению. В свое время с заявлением в Судебную палату по информационным спорам обратился Председатель Верховного Совета Республики Северная Осетия. Он попросил дать оценку статье И. Дементьевой «Война и мир Пригородного района» (Известия, 1994, № 14–18), которая, по его мнению, из-за необъективности не способствует урегулированию взаимоотношений между Республикой Северная Осетия и Ингушской Республикой, а, наоборот, ведет к разжиганию межнациональной розни и новому витку напряженности. Судебная палата пришла к выводу, что в публикации содержатся утверждения, которые могут быть истолкованы как не способствующие процессу урегулирования. Они являются субъективными и недоказанными, нарушающими журналистскую этику, особенно с учетом главной гражданской

задачи СМИ – способствовать урегулированию трагического межнационального конфликта. Судьи посчитали, что журналистка недостаточно ответственно отнеслась к возможным последствиям своей публикации. Немало претензий у общественности было и к освещению в СМИ карабахского, приднестровского, грузино-абхазского конфликтов, войны в Чечне, грузино-юго-осетинской войны в августе 2008 года.

Есть немало примеров высокой компетентности в освещении вооруженных конфликтов. Так, в начале 1980-х годов были очень популярны репортажи Александра Каверзнева из Афганистана о войне советских войск с моджахедами. И хотя эта война освещалась в рамках жесткой цензуры, он, сообщая о тех же новостях, что и другие журналисты, мог сказать обо всем достовернее, объективнее, подробнее, что давало возможность увидеть неизмеримо больше. Особенно у Каверзнева была сильна интуиция на детали, без которых померкла бы вся картина. Ее глубина поражала коллег. Казалось, что тележурналист был от природы наделен особой, эпической широтой видения социальных явлений. Все – от глубины проникновения в суть общественных процессов.

Еще об одном репортере, который пользовался уважением воинов-афганцев, Александре Шкирандо, вспоминает генерал-полковник М. Гареев: *«Его самая примечательная черта – это симоновское умение оказаться там, где происходят самые важные события. В самых, на первый взгляд, незначительных фактах, эпизодах и обычных людях тонко подметить то, что является наиболее типичным, характерным для происходящих событий и отражающим действительные настроения людей…»*

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем психологии личности журналиста, его профессиональных качеств.

№ 109. Байка «Опасный сюжет»

Журналист Дмитрий Климов сообщил, что его коллеги из программы «Владивосток: инструкция по применению» осенью 2008 года снимали сюжет, в котором рассказывалось, как распознать террористку-смертницу в толпе, что в этом случае делать и кому сообщать. Для этого студентка факультета журналистики Дальневосточного госуниверситета Наталья Ж. повязала черный платок, надела черные юбку и водолазку, взяла пневматическое ружье и в обнимку с ним пошла на остановку. По сценарию она должна была пройти с ружьем под одеждой среди людей, заложить в автобус муляж взрывного устройства и сообщить об этом в милицию. Однако многие прохожие, увидев ее, засмеялись. Дело в том, что формат передачи не предполагает точное сходство с персонажами: «шахидку» выдавали белые джинсы и кроссовки. И все-таки нашлись некоторые бдительные граждане, с тревогой воспринявшие появление в центре Владивостока «женщины в черном». Когда она шла «на камеру», ее арестовали трое сотрудников ФСБ; трое других взяли оператора. На участников эксперимента надели наручники и всю съемочную группу в составе семи человек доставили в управление на допрос. Кассету с записью сюжета изъяли.

Мораль. «В сложившейся обстановке журналисты «ТНТ-Владивосток» своими действиями могли вызвать неоднозначную реакцию – от массовой паники до прямой агрессии в отношении «террористок-смертниц» – пояснили сотрудники ФСБ свою реакцию.

Комментарий. 1 сентября 2008 года произошла трагедия в Беслане, а журналисты решили в игровой форме затронуть тему бдительности граждан, призвать людей сообщать в правоохранительные органы обо всем подозрительном. Но когда об идее уведомили местное управление ФСБ, тележурналистам рекомендовали отложить съемки в связи с событиями в Беслане. Уже через месяц редакция «ТНТ-Владивосток» решила, что можно вернуться к этой теме.

Об обстановке в тот день во Владивостоке рассказал один из сотрудников подразделения УФСБ по противодействию терроризму: *«В 9:40 поступил звонок об обнаружении в здании чемодана с признаками самодельного взрывного устройства; туда выехала наша оперативно-следственная группа. В 10:10 поступил звонок по поводу телесюжета, а спустя полчаса сообщили о минировании школы… Каждый день мы получаем до 15 подобных*

сообщений и каждое обязаны проверить, – сообщил сотрудник ФСБ. – *Если бы согласно сценарию был установлен муляж взрывного устройства, было бы остановлено движение всего транспорта, парализована работа близлежащих учреждений и началась эвакуация населения. А если бы "шахидка" направила свою винтовку на людей, сотрудники милиции имели бы полное право открыть огонь на поражение»*.

Изучая обстоятельства съемки сюжета, в УФСБ решили, что в этой истории есть признаки состава преступления, предусмотренного статьей 213 УК РФ (хулиганство). Разбираться поручили милиции. Там решили не возбуждать уголовное дело в отношении журналистов, но участникам съемок грозил штраф до 5000 рублей.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем деятельности СМИ по предупреждению террористических актов.

№ 110. Байка «Так называемое “завещание” Петра Великого»

Перед походом Наполеона в Россию по его инициативе во Франции и других европейских странах было сформировано мнение о нашей стране, как о прирожденном агрессоре, а о русском народе, как о скоплении варваров, стремящихся уничтожить западноевропейскую цивилизацию. С этой целью в Париже весной 1812 года был выпущен объемный труд «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия». Фолиант объемом в 500 страниц по личному распоряжению Наполеона написал историк Лезюр, состоявший на службе в Министерстве иностранных дел. Французское правительство приложило значительные усилия к распространению этой книги. И когда зимой того же года разгромленная русским народом и войсками наполеоновская «Великая армия» бежала из России, солдаты Кутузова обнаружили в захваченных неприятельских штабах сотни экземпляров этого сочинения. Среди прочего там сообщалось: «Уверяют, что в домашнем архиве русских императоров хранятся секретные записки, писанные собственноручно Петром I, где со всей откровенностью сообщаются планы этого государя, на которые он обращал внимание своих современников и которым его преемники следовали, можно сказать, почти с религиозной настойчивостью. Вот сущность этих планов». И далее излагается совершенно фантастическая программа русского завоевания всей Европы и Азии. В книге Лезюра содержатся лишь пересказ этих заметок, получивших название «Завещание Петра Великого».

Мораль. Впоследствии во Франции опубликовали полный текст «Завещания» – якобы копии документа, выкраденного известным авантюристом д'Эоном де Бомоном в Петергофе во времена императрицы Елизаветы II, а на самом деле, как считают исследователи, сфабрикованного им и его сообщниками. Копия долго лежала в архивах, пока не попалась на глаза Лезюру. Тот, вероятно, решив, что не стоит воспроизводить явно поддельное «Завещание», пересказал его в сокращенном виде. А потом, при издании в основном подложных мемуаров д'Эона, уже был напечатан полный текст фальшивки, откуда она перекочевала в бесчисленные сочинения антирусски настроенных литераторов и журналистов. Приведенный текст «Завещания» сводился к следующему: Россия должна вести непрерывные войны, воспитывать народные массы

в воинственном духе; перерывы в войнах делать лишь для накапливания сил, чтобы снова воевать, а целью этих войн является завоевание сначала Европы, а затем всего мира.

Комментарий. С помощью этой фальшивки Наполеон пытался представить свою агрессию как превентивную меру для защиты западноевропейской цивилизации от притязаний России на мировое господство. Так он хотел найти поддержку в Европе и придать войне характер общеевропейской борьбы против неизбежного вторжения варваров с востока. 10 июля 1812 года Наполеон оповестил свои войска, что «Россия увлекается роком! Она не избегнет судьбы своей. Вперед! Перейдем через Неман, внесем оружие в пределы России». *Таким образом, посредством идеалистически-мистифицированного понятия «рок»*, – пишет доктор философских наук В. В. Серебрянников, – *Наполеон провозгласил судьбу России как покорение Западом грубой силы штыка, как торжество Запада над Востоком».*

Так называемое «завещание» Петра Великого снова появилось во время Крымской войны 1853–1856 годов, а затем в период Первой и Второй мировых войн. Не забыли о нем и в годы «холодной войны». При этом журналисты, оперировавшие данным документом, с редким единодушием старались забыть об истории его появления.

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем истории и теории информационных войн.

№ 111. Байка «Корреспондент Екатерины II»

Среди питерских баек о журналистах есть рассказа о бароне Фридрихе Гримме (1723–1807) – немецком публицисте эпохи Просвещения, критике, многолетнем корреспонденте императрице Екатерины II. В 1748 году Гримм приехал в Париж, где обратил на себя внимание публики остроумными критическими публикациями о музыке. Монархи того времени имели своих специальных корреспондентов в Париже, которые сообщали им все новости в области литературы, науки, искусства и общественной жизни. Гримм занял эту нишу. В 1753 году он стал издавать рукописную газету «Литературная корреспонденция», которая выходила в количестве 15–16 экземпляров. На ее страницах обсуждались все литературные и театральные новинки. Издание просуществовало до 1792 года, а его подписчиками были шведский король Густав III, российская императрица Екатерина II, польский король Станислав Август Понятовский и другие правители европейских государств.

В Петербурге Гримм впервые побывал в 1773 году. Во время визита он испросил у императрицы аудиенцию – ему хотелось поговорить не на придворном собрании, а в кабинете. Просьбу удовлетворили. На следующий день Гримм приехал для беседы в Зимний дворец, но, войдя в кабинет Екатерины, неожиданно для себя оробел и смешался. Императрица смотрела на него с тем величавым и грозным выражением достоинства, которое невольно привело просвещенного европейца в трепет.

– Вы желали переговорить со мною. Что имеете вы сказать? – спросила она.

– Если, вы, Ваше величество, сохраните этот взгляд, я должен буду удалиться, – признался Гримм. – Я чувствую, что голова моя не будет мне повиноваться, и напрасно было бы злоупотреблять минутами, которыми вам угодно мне пожертвовать.

На лице Екатерины просияла улыбка, мгновенно превратив ее в обворожительную женщину и собеседницу. Гримм был обласкан и осыпан милостями. Екатерина предложила ему поступить на русскую службу. Гримм благодарил, но вежливо отказался.

Мораль. Велика вероятность того, что при встрече с Екатериной II Гримм мог прийти в замешательство, испытать робость. Но выйти из положения и расположить к себе доминантного собеседника ему помогла угодливая льстивость – черта характера, которую отмечали в нем его коллеги-

литераторы. Хотя самому Фридриху Гримму принадлежит афоризм: «Приторная похвала не делает чести ни тому, кто ее говорит, ни тому, к кому она относится».

Комментарий. Фридрих Гримм понравился Екатерине II. В 1776 году он вторично прибыл в Петербурге и особенно близко сошелся с императрицей, которая целые часы проводила в беседах с ним. Переписка Гримма и Екатерины, начатая в 1774 году, продолжалась до самой смерти императрицы. Ему она доверяла свои мысли, делилась впечатлениями и переживаниями; не сомневаясь, впрочем, что каждое удачное замечание или острое словцо немедленно станут всеобщим достоянием. Не поэтому ли в 1781 году, через 19 лет после восшествия на престол, Екатерина послала ему в Париж перечень совершенных ею славных дел?

Многие историки считали Фридриха Гримма тайным политическим агентом различных правительств; для России он выполнял скорее роль аккредитованного журналиста, хотя участвовал и в других делах. Известно, что он был официальным комиссионером императрицы (главным образом, при покупке различных произведений искусства). По рекомендации Гримма, в Россию пригласили швейцарца Фридриха-Цезаря Лагарпа – человека высокообразованного, приверженца идей Просвещения и республиканца по взглядам – состоять «кавалером» при будущем императоре Александре I и обучать его французскому языку. В этой должности он находился 11 лет (1784–1795), имея полную свободу внушать своему ученику те идеи, которые разделял. В 1779 году Гримм добился от Екатерины II приглашения в Россию Джакомо Кваренги, итальянского неоклассического архитектора и живописца, известного создателя многочисленных творений в России во время и сразу после правления Екатерины Великой. Его называли «Великим архитектором всея Руси».

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем истории журналистики.

Список литературы

1. Аграновский В. Вторая древнейшая. – М., 2000.

2. Бабицкий А. Цена плача // Московский комсомолец. – 2002. 23 сентября.

3. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – 2004.

4. Боровик А. Спрятанная война (электронная версия – www.bestlibrary.ru).

5. Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Основные принципы. – Харьков, 2007.

6. Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2 т. – СПб., 2003.

7. Волковский Н. Л. Отечественная журналистика: 1950–2000. – СПб., 2006.

8. Гальперин П. Я. Введение в психологию. – М., 2000.

9. Гальперин П. Я. Лекции по психологии: Учебное пособие. – М., 2007.

10. Гегель И. В. Пресса в условиях катастроф глобального масштаба // Автореферат дисс. на соиск. степени канд. филол. наук. – М., 2011.

11. Гуляев С. Театр военных действий: чеченский репортаж. – СПб., 2003.

12. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н. А. Роскиной. Подготовка текста Д. Рейфилда, О. Е. Макаровой. – М., 2000.

13. Жирков Г. В. Бдительность и еще раз бдительность! // Журналист. – 1990. № 9.

14. Журналисты на Чеченской войне. Факты, документы, свидетельства: ноябрь 1994 – декабрь 1995 / Под ред. А. Симонова. – М., 1995.

15. Журналист: социологические и социопсихологические исследования / Под ред. Л. Г. Свитич, А. А. Ширяевой. – М., 1994.

16. Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации» [garant.ru].

17. Захаркин Д. Место фотографии в современной прессе [электронный ресурс] / Д. Захаркин. – электрон. текст. дан. – 2007. http://fotomoment.narod.ru/foto.html.

18. Елина К. Кто имеет право на псевдоним? // Журналист. – 1983, № 6.

19. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М., 2004.

20. Мелюхин И. С. Законодательство и практика СМИ. № 28. 1996.

21. Мэр Львова просит СМИ ограничить освещение катастрофы / correspondent.net > Ukraine mer-lvova-prosit-smi

22. Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. – М., 2007.

23. Пальгунов Н. Г. Основы информации в газете. ТАСС и его роль. – М., 1955.

24. Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. – М., 1991.

25. Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, В. А. Спиридонова, М. В. Фаликмана, В. В. Петухова. – М., 2008.

26. Психологи МЧС призывают СМИ более взвешено давать информацию при освещении катастроф / itar-tass.com с 9 / 226953.html

27. Рощин С. К. Психология и журналистика. – М., 1989.

28. Свитич Л. Г. Феномен журнализма. – М., 2000.

29. Серебрянников В. В. Войны России. – М., 1998.

30. Сытин И. Д. Жизнь для книги. – М., 1969.

31. Стеклов Ю. М. Воспоминания и публицистика. – М., 1965.

32. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной журналистики. – М., 2004.

33. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.; М., 2001.

34. Хочешь быть СМИ – будь им! [internet.ru]

35. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. – М., 1973.

36. Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. – 1941, № 12. – С. 128–133.

notes

Сноски

1

Гуртоправ – работник по уходу за мясным крупным рогатым скотом.